ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Е. А. ИКОННИКОВА, А. С. НИКОНОВА

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

МОНОГРАФИЯ

Южно-Сахалинск СахГУ 2016 Серия «Монографии учёных Сахалинского государственного университета» основана в 2003 году.

Рецензенты:

Потапова Н. В., доктор исторических наук; Бреславец Т. И., кандидат филологических наук; Дьяконова Е. М., кандидат филологических наук.

Иконникова, Е. А. Сахалин и Курильские острова в японской лите- **И422** ратуре XX–XXI веков : монография / Е. А. Иконникова, А. С. Никонова. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2016. – 124 с.

ISBN 978-5-88811-540-4

В монографии представлены обзоры эпических, лирических и драматических произведений, освещены биографические факты японских поэтов и писателей, обращавшихся в своём творчестве к теме Сахалина и Курильских островов в XX–XXI веках. В общем составе японской национальной литературы отдельно рассматривается литература, созданная на Сахалине и о Сахалине в период между Русско-японской и Второй мировой войнами. Интерес к Сахалину и Курильским островам продолжает сохраняться в творчестве японских писателей и после 1945 года.

Книга рекомендуется широкому кругу читателей, но прежде всего краеведам, преподавателям филологических дисциплин, аспирантам и студентам.

УБД 821.0(571.64) ББК 83.3(2Poc–4Cax)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ГЛАВА 1. ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА САХАЛИНЕ И О САХАЛИНЕ: 1905–1945 ГОДЫ
1.1. Несбывшиеся мечты о Сахалине Исикавы Такубоку 9 1.2. Поездка Китахары Хакусю на Сахалин 14 1.3. Ямамото Юдзо и его сахалинские впечатления 18 1.4. Реальное и метафизическое путешествие на Сахалин Миядзавы Кэндзи 21 1.5. Заповедные острова в прозе Хисао Дзюрана 27 1.6. Симаки Кэнсаку и сахалинский персонаж новеллы «Чёрный кот» 30 1.7. Хаяси Фумико и её сахалинские дороги 34
ГЛАВА 2. САХАЛИН КАК ФАКТИЧЕСКАЯ И КАК МАЛАЯ РОДИНА ЯПОНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
2.1. Сахалин в жизни и творчестве Огумы Хидэо 40 2.2. Ямагути Сэйси и его сахалинские стихотворения 45 2.3. Самукава Котаро и магистральная тематика его произведений 50 2.4. Юдзурихара Масако о Сахалине в поэзии и прозе 56 2.5. Мияути Канъя и его роман «Ситиригахама» 60 2.6. Сахалин в жизни Цунабути Кэндзё 64 2.7. Дальний Восток в книгах Кандзавы Тосико 67 2.8. Сахалин Ри Кайсэя: через воспоминания к художественным образам 71 2.9. Сахалин в творчестве других японских писателей первой половины XX века 78
ГЛАВА 3. ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX–НАЧАЛА XXI ВЕКА О САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ
3.1. Новелла Такэды Тайдзюна «Светящийся мох» 82 и литературный образ Кунашира в ней
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[©] Иконникова Е. А., 2016

[©] Никонова А. С., 2016

[©] Сахалинский государственный университет, 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	116
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН	117
ТОПОНИМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	121
SUMMARY	122
内容紹介	122
소개	123
书评	123

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторически Сахалин и Курильские острова были интересны не только народам Азиатско-Тихоокеанского региона, но и всему миру. В художественной и публицистической литературе обращение к Сахалину и Курильским островам обнаруживается как у русских, так и у зарубежных авторов. Однако самые частые наряду с отечественной словесностью упоминания российских островов Дальнего Востока представлены в японской литературе. Причины, обусловившие такой высокий интерес, имеют географический и исторический характер. Немаловажное значение придаётся и тому факту, что по итогам Русско-японской войны и вплоть до завершения Второй мировой войны южная часть Сахалина считалась новой колонией Японии – губернаторством Карафуто (1905–1945).

Этот исторический период характеризуется экономическим и социальным ростом, одновременно с которым осуществлялась и попытка создания особой колониальной литературы, имеющей не только художественную, эстетическую ценность, но и практическую, рациональную. Средствами литературы увлекательно рассказывалось о новых землях – всё это способствовало наряду с другими формами увеличению числа переселенцев, осваивающих и развивающих Южный Сахалин. Внимание японских литераторов к Сахалину объяснялось общими настроениями, господствовавшими в Японии того времени. С южной частью острова многие рядовые японцы связывали поиск прибыльной работы и возмож-

ности самореализации. Всё это находило серьёзную государственную поддержку: японское правительство выделяло значительные средства на создание и укрепление сахалинской инфраструктуры.

Японская литература до 1945 года через интерес к Сахалину и Курильским островам была представлена как отдельными образцами творчества общеизвестных японских авторов (Исикавы Такубоку¹, Китахары Хакусю, Миядзавы Кэндзи, Хаяси Фумико и других),

чья литературная деятельность осуществлялась непосредственно на Южном Сахалине (Самукавы Котаро, Огумы Хидэо и ряда иных известных главным образом на Хоккайдо и в ближайших префектурах авторов).

так и произведениями поэтов и писателей,

За сравнительно небольшой временной промежуток на Сахалине периода японской колонизации была создана своя региональная литература, правомерность существования которой подтверждается в работах японских учёных. Так, в 1986—1987 годах в Японии была издана четырёхтомная «История литературы Карафуто» (яп. 『樺太文学史』) Арасавы Кацутаро (яп. 荒沢勝太郎, 1913—1994). Арасава родился в Маоке (современное название — Холмск Сахалинской области), учился

Рис. 1. Книга Кихары Наохико «Путешествие по литературе Карафуто», 1994 г.

¹ Здесь и далее по всему тексту японские (а вместе с ними корейские и китайские) антропонимы даются в такой последовательности: сначала пишется фамилия, затем – имя. По одной из сложившихся традиций отдельные японские антропонимы, а также почти все топонимы изменяются по падежам в соответствии с нормами русского языка.

Рис. 2. Книга
Елены Иконниковой
«Литературное краеведение
Сахалинской области:
"восточный" компонент», 2007 г.

в местной средней школе, после окончания которой стал сотрудником отдела культуры в газете «Карафуто нити-нити симбун» (яп. 『樺太日日新聞』)², а позже возглавил руководство журналом «Карафуто» (яп. 『樺太』). Хорошее знание многих событий культурной жизни на Южном Сахалине периода японской юрисдикции дало возможность представить Арасаве подробные обзоры разных произведений литературы, создаваемой на острове.

Важный вклад в изучение литературы периода японской колонизации был сделан Кихарой Наохико (яп. 木原直彦, настоящее имя – Кихара Такэо, яп. 木原武男; род. 1930). Кихара – японский литературовед, критик, почётный директор Хоккайдского музея литературы с 1995 года. В поисках материала для своих книг учёный много путешествовал по Хоккайдо, Сахалину и Курильским островам. Кихаре принадлежит около 30 научных работ, в том числе двухтомная монография «Путешествие по литературе Карафуто» (яп. 『樺太文学 の旅』, 1994) и книга «Путешествие по литературе Курильских островов: из эпохи Бакумацу в эпоху Мэйдзи» (яп. 『千島文学の旅: 幕末から 明治へ』, 2001). В первом издании научно-популярное повествование умещается в границы

1808–1994 годов, а во втором – описаны, главным образом, произведения путешественников (Василия Головнина, Петра Рикорда и других мореплавателей).

Серьёзные достижения в изучении творчества японских писателей на Сахалине были сделаны литературоведом, почётным профессором Хоккайдского университета Камией Тадатакой (яп. 神谷忠孝, род. 1937). После окончания Хоккайдского университета в 1962 году профессор Камия начал заниматься вопросами современной японской литературы, в том числе и творчеством тех авторов, жизненные события которых связаны с Сахалином. Изучая литературное наследие Хоккайдо и Сахалина, профессор Камия стал автором исследований о Самукаве Котаро, Хаяси Фумико и ряде других авторов. Осенью 2003 года профессор Камия побывал на Сахалине. Доклад японского учёного на конференции «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур» был встречен с большим вниманием со стороны краеведов. Это выступление о Самукаве Котаро и других японских писателях на Сахалине до 1945 года стало одним из первых шагов к широкому рассмотрению региональной литературы, включающей в себя произведения не только на русском языке.

Библиографический список литературы по творчеству японских писателей на русском языке выглядит скромно. Частично материалы по теме Сахалина и Курильских островов в японской литературе описаны в монографии Е. А. Иконниковой «Литературное краеведение Сахалинской области: "восточный" компонент» (2007), в сборнике научных статей под редакцией Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко «Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати» (2013), а также в двух изданиях учебного пособия «Литература Сахалина и Курильских островов» (2014, 2015) под редакцией Е. А. Иконниковой³.

Рис. 3. Книга «Литература Сахалина и Курильских островов» под ред. Е. А. Иконниковой, 2015 г.

Отдельные статьи авторов книги о Сахалине и Курильских островах в японской литературе в разные годы публиковались в таких изданиях, как «Азия и Африка сегодня», «Актуальные проблемы современной Японии», «Проблемы Дальнего Востока», «Япония наших дней» (закрыт в 2015 году), «Сахалинский альманах», в сборниках «Чеховских чтений», а также в газетах «Советский Сахалин» и «Сэ корё синмун» («Новая корейская газета»).

Невысокая изученность творчества японских писателей, обращавшихся к теме Сахалина и Курильских островов, во многом связана с малым количеством переводов художественных и публицистических произведений японской литературы на русский язык.

Японская региональная литература, созданная в период Карафуто, повторяла те тенденции, которые были свойственны японской национальной литературе того времени в целом. Сахалин в творчестве японских писателей 1905–1945 годов описывается в связи с разными историческими событиями и фактами: это Русско-японская война 1904–1905 годов, Сахалинская каторга и её посещение А. П. Чеховым в 1890 году, близость с Росси-

ей (фактическая граница, разделившая остров на южную и северную части), интерес к коренным народам Дальнего Востока – айнам, нивхам и уйльта. В японскую литературу о Сахалине и Курильских островах включены как собственно художественные произведения, так и публицистическая проза. При этом значительная часть произведений японских поэтов и писателей сопряжена с личным опытом, воспоминаниями о прошлом. Творчество некоторых японских авторов своими хронологическими границами выходит за пределы периода японской колонизации, но тематически может быть связано именно с теми или иными «сахалинскими» аспектами до 1945 года.

В произведениях японских поэтов и писателей после 1945 года и вплоть до настоящего времени в центре внимания находятся как проблемы, волновавшие авторов периода Карафуто, так и итоги Второй мировой войны. Сахалин и Курильские острова нередко воспринимаются как заповедный, северный край, восхищающий своей первозданной природой и вместе с тем обладающий некоей мистической силой притяжения.

В предлагаемой книге даются в систематизированном виде обобщённые и изученные на сегодняшний день материалы по творчеству японских поэтов и писателей XX—XXI веков. Разделение книги на три части обусловлено, прежде всего, собственно биографическими и иными временными составляющими. Первая глава включает в себя статьи по творчеству тех литераторов, которые либо путешествовали на Сахалин и под впечатлением создавали свои произведения, либо посвящали те или иные произведения Сахалину без специальных поездок на остров, но под влиянием общих настроений и внимания к новой колонии. Содержание второй главы связано с теми авторами, для которых Сахалин стал второй родиной, тем местом, где поэты и писатели провели какую-то часть своей жизни. В третью главу вошли обзоры творчества японских авторов с 1950-х годов до начала XXI века. В этой части работы в большей степени, чем в предыдущих, обозначается обращение поэтов и писателей к образам не только Сахалина, но и Курильских островов.

Приводимые в книге биографические данные поэтов и писателей касаются только творчества тех литераторов, которые малоизвестны широкой читатель-

² «Карафуто нити-нити симбун» («Сахалинская ежедневная газета») издавалась в 1908—1945 годах в городе Тоёхаре (современное название — Южно-Сахалинск).

³ Эти книги представлены в библиографическом списке.

ской аудитории. Вместе с этим даётся описание отдельных, наиболее значимых художественных и художественно-публицистических произведений, по возможности приводятся переводы. Все стихотворные тексты приводятся не только в переводах на русский язык, но и на языке оригинала. Основная часть переводов в предлагаемой книге сделана А. С. Никоновой⁴.

ГЛАВА 1. ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА САХАЛИНЕ И О САХАЛИНЕ: 1905—1945 ГОДЫ

1.1. Несбывшиеся мечты о Сахалине Исикавы Такубоку

«Неосуществимые, фантастические мечты»

Одно из первых упоминаний о Сахалине в японской литературе начала XX века принадлежит Исикаве Такубоку (яп. 石川啄木, настоящее имя – Исикава Хадзимэ, яп. 石川一; 1886–1912). В книге япониста и переводчика Дмитрия Коваленина (род. 1962) «Суси-нуар» (2004) рассказывается о диалоге с таксистом из города Хакодате. «Благодаря нашему старенькому водителю мы узнаём, что последним японским писателем, посетившим Сахалин, был Такубоку⁵. В начале XX века. Никто не знает, правда это или нет, но кругозор таксиста впечатляет. Попадись мне такой в Москве – точно бы дал чаевых»⁶.

Утверждение «старенького водителя» о том, что Такубоку был на Сахалине, ошибочно. В действительности поэт, не единожды писавший в своих стихах о преклонении перед Россией, долгое время только надеялся оказаться на Сахалине. Эту потаённую мечту он изложил в тонких тетрадях своего «Дневника, написанного латиницей» (яп. 『ローマ字日記, апрель—июнь 1909, опубл. 1948, рус. пер. 1989). В «Дневнике...», не предназначенном автором для печати, запечатлены «неосуществимые, фантастические мечты» — «Цунами и Хакодате... поездка <...> на Сахалин, в северные районы Сахалина в России... встречи с государственными

преступниками...»⁷.

Впервые в «Дневнике...» топоним «Сахалин» возникает в рассказе о друге поэта, Киндаити Кёсукэ (яп. 金田一京助, 1882–1971) – специалисте (лингвисте и этнографе) по аборигенам Хоккайдо и Сахалина, авторе книг «Изучение айнов» (1925), «Айны: жизнь и легенды» (1941) и др. «В ванной комнате, – вспоминал Такубоку, – столкнулся с Киндаити. Ему сейчас звонили... сказали, что его поездка на Сахалин решена. И Киндаити удивился, и я не мог не удивиться. Сказали, что поедет, вероятно, в середине весны. В качестве внештатного сотрудника префектурального управления Сахалина изучать язык местных жителей, гиляков и орочей. Поднявшись из ванной к себе, присел к столу. Стало грустно. Киндаити не хочет ехать на Сахалин, потому что может прожить и в Токио, потому что он один и у него - самые разные желания. Ах, как хотел бы я быть на месте Киндаити! Ax!»⁸.

Киндаити Кёсукэ был школьным товарищем поэта, дружба с которым зародилась ещё на ученической скамье в городе Мориока, где в детские годы

Рис. 4. Книга Исикавы Такубоку «Дневник, написанный латиницей», 1977 г.

 $^{^4}$ Содержание всех материалов книги находится в следующем авторском отношении: 1.1, 1.6, 2.7, 2.8, 3.1, 3.2, 3.4, 3.5 — Е. А. Иконникова; 1.2, 1.3, 1.5, 2.2, 2.4, 2.6, 3.6 — А. С. Никонова. Остальные материалы книги (с включением предисловия, заключения и других композиционных частей) написаны совместно Е. А. Иконниковой и А. С. Никоновой.

⁵ Здесь и далее по тексту используется только псевдоним поэта. Такое употребление принято в японском литературоведении.

⁶ Коваленин, Дмитрий. Суси-нуар. Занимательное муракамиедение / Дмитрий Коваленин. – М., 2004. – С. 330.

⁷ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей (пер. с яп. Е. М. Дьяконовой) / Такубоку Исикава // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 157. ⁸ Там же. – С. 155–156.

жил Такубоку. В дальнейшем Киндаити Кёскэ стал специалистом по изучению культуры айнов, для чего и был командирован на Южный Сахалин.

Рассказы друга об айнах, живущих на юге Сахалина, не могли оставить равнодушным Такубоку. В «сахалинских» фрагментах «Дневника...» прослеживается желание поэта вырваться из заурядной будничной атмосферы с бесконечной материальной нестабильностью. Невозможность поездки на Сахалин, кроме прочих причин, состояла в отсутствии у Исикавы Такубоку необходимых денежных средств: «Я слушал, – писал он, – как Киндаити читал мне "Усталость" Доппо и ещё две-три новеллы. Потом я слушал его рассказы о Сахалине. Об айну, об орлах, что шумят крыльями в утреннем небе, о кораблях, об огромных девственных лесах... Я спросил:

- А сколько стоит путешествие на Сахалин?
- Всего двадцать иен. <...>

Друг смотрел на меня жалостливыми глазами»⁹.

Вдохновлённый рассказами Киндаити о Сахалине и его коренных народах поэт страстно желал оказаться на острове и увидеть то, что дало бы иной поворот его творчеству. Однако надеждам Такубоку побывать на Сахалине не суждено было сбыться.

При этом у Такубоку есть одно стихотворение с упоминанием топонима «Сахалин». Но это стиховорение, вероятно, посвящено ещё одному другу поэта – Сайто Тайкэну (яп. 斎藤大硯, 1870–1931):

樺太に入りて 新しき宗教を創めむといふ 友なりしかな Приеду на Сахалин, начну новую религию. Говорил мне друг. (Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Интерес поэта к России

Первый интерес к России в творчестве поэта обозначился многим раньше, чем был создан «Дневник...». Работающий в классическом жанре танка Такубоку наполнял свои пятистишия новым, далёким от канонического смыслом, который сводился к популяризации политических прокламаций русских революционеров и их европейских собратьев по борьбе против царского самодержавия и власть имущих. Всегда нуждающийся в деньгах, болеющий, как и вся его семья, туберкулёзом, поэт на свои скромные доходы покупал переводные книги, отражающие революционные устремления его предшественников:

あたらしき 洋書の紙の 香をかぎて 一途に金を 欲しと思ひしが Новая Иностранная книга. Как жадно вдыхал я Запах бумаги. Хотя бы немного денег! (Пер. с яп. яз. В. Марковой)¹⁰

Желание проникнуться революционным духом Западной Европы заставило Такубоку взяться за изучение английского и немецкого языков, на которых говорили многие русские революционеры, в том числе и Пётр Кропоткин (1842–1921), известный под псевдонимом Бородин. Факт прочтения изданных в Лондоне 1902 года воспоминаний Кропоткина «Записки революционера» отражён в одном из стихотворений поэта:

ボロオヂンといふ露西亜名が、 何故ともなく、 幾度も思ひ出さるる日なり。 Не знаю сам почему, Целый день Мне приходит на память Имя русское «Бородин».

Потребность Такубоку путешествовать по России, встречаться с русскими «государственными преступниками»¹¹, желание понять особенности российской пенитенциарной системы во многом были почерпнуты из биографий русских революционеров. В своё время Кропоткин в качестве географа и геолога совершил ряд научных экспедиций по Восточной Сибири. Идеолог народничества и анархизма Михаил Бакунин (1814–1876) с 1851 года находился в политическом заточении (сначала в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости), а в 1857 году был отправлен в сибирскую ссылку.

И не случайно в стихотворении «Надгробная надпись» (яп. 『墓碑銘』, 1911) из цикла «Свист и свисток» (яп. 『呼子と口笛』, 1911) Такубоку, прославляя своего покойного друга, находит в нём мятежный дух Бакунина:

かれの真摯にして不屈、 且つ思慮深き性格は、 かのジュラの山地の バクウニンが友を忍ばしめたり。 В нём, непреклонном, и прямом, И мыслящем глубоко человеке, Казалось, затаился дух Того Бакунина в горах Юра далёких...

Революционные идеи русских народников оказываются близкими и японцам, о чём Такубоку замечает в самом начале стихотворения «После бесконечных споров» (яп. 『はてしなき議論の後』, 1911):

われらの且つ讀み、且つ議論を鬪はすこと、 しかしてわれらの眼の輝けること、 五十年前の露西亞の青年に劣らず。 われらは何を爲すべきかを議論す。 されど、誰一人、握りしめたる拳に卓をたた きて、 'V NARÓD!'と叫び出づるものなし。

У нас бывают чтения, жаркие споры, И наши глаза горят не меньше, Чем у юношей России полвека назад! Мы бесконечно спорим: «Что делать?» И никто из нас не ударит вдруг Кулаком о стол и не крикнет: «В народ!»...

Это стихотворение, вошедшее в поэтический сборник «Свист и свисток», примечательно одной стилистической деталью: лозунг «в народ» написан поэтом латинскими буквами. 'V NAROD!' – так звучал известный всем призыв русских шестидесятников, не требующий, по замыслу поэта, необходимости перевода на японский язык.

Увлечённый идеей кардинального изменения мира Такубоку открыто заявлял о своём намерении сражаться и умереть на баррикадах с русскими революционерами:

若しも我露西亜に入りて 反乱に死なむといふも 誰か咎めむ Кто посмеет меня упрекнуть, Если я поеду в Россию, Чтобы вместе с восставшими биться И умереть сражаясь?

Тема русской литературы в поэзии Такубоку не обозначена столь зримо, как тема революционной мысли в России. Между тем известно, что из русских писателей поэт особенным образом выделял произведения Максима Горького (1868–1936), искренне любил творчество Льва Толстого (1828–1910) и, в частности, высоко оценивал его заявления, направленные против войны и иных социальных потрясений, порождающих насилие и смерть.

Ивана Тургенева (1818–1883) Такубоку называл «добрым великаном», а из всего написанного русским автором высоко ценил роман «Накануне» (1860), в котором считал образ революционера Инсарова наиболее близким и понятным:

⁹ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей (пер. с яп. Е. М. Дъяконовой) / Такубоку Исикава // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — Вып. 4. — М., 1989. — С. 156.

¹⁰ Здесь и далее по тексту все стихотворные тексты даны в переводе с японского языка В. Н. Марковой.

¹¹ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей ; пер. с яп. Е. М. Дьяконовой / Такубоку Исикава // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 157.

みぞれ降る 石狩の野の 汽車に読みし ツルゲエネフの物語かな Летел навстречу мокрый снег, И по равнине Исикари Наш поезд мчался сквозь метель. Я в этом северном просторе Роман Тургенева читал.

О своей симпатии к Тургеневу поэт говорил не только в стихах. Один из апрельских дней пребывания в Токио на страницах «Дневника...» был обозначен им упоминанием о том, что Такубоку читает «в постели <...> "Рассказы Тургенева"» 12 .

Преклонение перед Россией у Такубоку было столь сильным, что поэт, шутя, называл свою пятилетнюю дочь Кёко Соней, по аналогии с героиней романа Фёдора Достоевского (1821–1881) «Преступление и наказание» (1866):

五歳になる子に、 何故ともなく、 ソニヤといふ露西亜名をつけて、 呼びてはよろこぶ。 Русское имя Соня Я дал дочурке своей, И радостно мне бывает Порой окликнуть её.

Такубоку о Русско-японской войне

На известие о трагической гибели броненосца «Петропавловск», подорвавшегося на японской мине вблизи Порт-Артура, Такубоку откликнулся одним из своих самых проникновенных стихотворений на «русскую» тему – посвящением «Памяти адмирала Макарова» (яп. 『マカロフ提督追悼の詩』, 1904). Смерть на броненосце русского флотоводца и вице-адмирала Степана Макарова (1848/49–1904) поэт воспринимает как собственную трагедию. Личностный момент обращённых к Макарову стихов подчёркивается тем, что поэт скорбит о человеке, действия которого были сопряжены с военным противостоянием японской стороне:

東海遠き日本の一詩人、 敵乍らに、 苦しき声あげて 高く叫ぶよ И я, поэт, в Японии рождённый, В стране твоих врагов, на дальнем берегу,

Я, горестною вестью потрясённый, Сдержать порыва скорби не могу.

«Нужна была смелость, – пишет В. Н. Маркова, – чтобы воспеть русского героя в разгар войны с Россией» 13 .

Такубоку был не единственным японским поэтом, потрясённым гибелью броненосца «Петропавловск». Находящийся в этот момент на военном корабле художник Василий Верещагин (1842–1904) разделил печальную судьбу всего состава броненосца под командованием Макарова. Широкую популярность получило и стихотворение «Не отдавай, любимый, жизнь свою» (яп. 『君死にたまふことなかれ』, 1904) Ёсано Акико (яп. 与謝野昌子, 1878–1941), муж которой – поэт Ёсано Тэккан (яп. 与謝野鉄幹, настоящее имя – Ёсано Хироси, яп. 与謝野寛; 1873–1935) – явился основателем «Содружества новой поэзии» (1899). В стихотворении Ёсано обратилась к своему брату и другим солдатам, участвовавшим в Порт-Артурском сражении, с призывом не идти на поводу у «чада войны».

Не менее интересна в этом случае и позиция русского святителя Николая Японского (1836–1912), в 1904 году выполнявшего православную миссию в Японии. Святитель Николай, которого некоторые русские люди обвиняли в отсутствии патриотизма по причине его долгой жизни в Японии, принял в годы Русско-японской войны «соломоново решение: он будет молиться за Россию, а

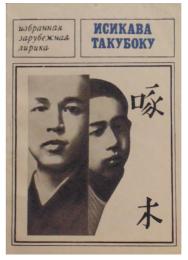

Рис. 5. Сборник стихов Исикавы Такубоку, 1971 г.

японская православная церковь – за Японию»¹⁴. В одном из отрывков своего дневника, датируемого 2 (15) апрелем 1904 года, святитель Николай написал следующее: «Какое горе, какое великое горе! Красота и сила русского флота – Макаров, потонул! Платится Россия за своё невежество и свою гордость: считали японцев необразованным и слабым народом, не приготовились, как должно, к войне, а довели японцев до войны, да ещё прозевали на первый раз; вот они идут от успеха к успеху…»¹⁵.

События Русско-японской войны и, в частности, поражение русского флота в Порт-Артуре оказались запечатлёнными не только в литературно-художественном творчестве. История православной церкви и иконописное искусство донесли до настоящего времени образ Порт-Артурской Божьей Матери (или в другом названии – «Торжество Пресвятой Богородицы»). Согласно преданию, образ иконы явился во сне старику-матросу, участнику обороны Севастополя, который усердно молился за победу русского флота в Порт-Артуре. Отныне считающаяся

покровительницей Дальнего Востока Пресвятая Богородица на иконе стоит спиной к морскому заливу, держа в руках продолговатый плат, на котором изображен лик Иисуса Христа. Обе стопы Богородицы попирают обнажённые и отточенные обоюдоострые мечи, очевидно, символизирующие непримиримость русских и японских солдат.

Нападение японских войск на Порт-Артур было провозвестником новых неблагоприятных для России событий: разгром русской армии и флота, Портсмутский мир, а вместе с ним – признание за Японией прав на Корею и уступка территории Южного Сахалина. Порт-Артурское поражение и последующие за ним потери только ускорили начало в России революции 1905—1907 годов. Атмосфера этого переходного периода – сложного и грозного для русского народа – ярко не обозначена в творчестве Такубоку, но в стихах поэта содержатся указания на то, что величественная смерть героев «Петропавловска» созвучна «великому духу» и «песне жизни», вопреки человеческому началу, нетленным и вечным:

鳴りをしづめて、ああ今あめつちに こもる無言の叫びを聞けよかし。 きけよ、---敗者の怨みか、暗濤の 世をくつがへす憤怒か、ああ、あらず、--血汐を呑みてむなしく敗艦と 共に没れし旅順の黒漚裡、 彼が最後の瞳にかがやける 偉霊のちから鋭どき生の歌。 Вы слышите ль, как громкий клич без слов
Вселенную наполнил до краёв?
Но что в нём прозвучало?
Жажда ль мести?
В час гибели? Иль безрассудный гнев, Готовый мир взорвать с собою вместе, Когда валы смыкались закипев, Над кораблём, защитником отчизны? О нет, великий дух и песня жизни!

И главной мыслью (многократно повторяющейся на протяжении всего стихотворения «Памяти адмирала Макарова») становится прославление погибшего Макарова:

Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей; пер. с яп. Е. М. Дьяконовой / Такубоку Исикава // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 147.

¹³ Маркова, В. Предисловие / В. Маркова // Такубоку Исикава. Лирика ; в пер. В. Марковой. – М., 1966. – С. 11.

¹⁴ Кожевникова, И. «Он знал одной лишь думы власть...» (читая «Дневники святого Николая») / И. Кожевникова // Знакомьтесь – Япония. – № 34. – 2002. – С. 86.

¹⁵ Дневники святого Николая Японского / сост.: К. Накамару, Ё. Накамура, Р. Ясуи, М. Наганава. – Саппоро: изд-во Хоккайдского ун-та, 1994. – С. 426.

海も狂へや、鬼神も泣き叫べ、敵も味方も汝が鋒地に伏せて、マカロフが名に暫しは跼づけ。

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи, Все, как один, падите на колени, Пускай сольёт сердца один порыв.

Творчество Такубоку пронизано «русской» темой, вбирающей в своё пространство и увлечённость поэтом идеями русских революционеров, и симпатию к русской литературе, и противостояние насильственно развязанным войнам начала XX века. Интерес Такубоку к России воспринимается внутренней потребностью поэта, самая весомая и деятельная часть жизни которого прошла на Хоккайдо, где состоялась первая встреча русских посланцев во главе с поручиком Адамом Лаксманом (1766–1796?) с японскими властями в 1793 году. И в последующем через Хакодате устанавливались и развивались русско-японские отношения: в 1811 году в этот портовый город были привезены с острова Кунашир пленённые японцами капитан Василий Головнин (1776–1831) и несколько его соотечественников; в 1854 году в заливе Хакодате встал на якорь фрегат «Диана» во главе с Евфимием Путятиным (1804–1883), и, наконец, именно в Хакодате в 1861 году начинает свою просветительскую деятельность молодой русский священник, отец Николай, в дальнейшем ставший известным под именем святителя Николая Японского.

Такубоку родился и вырос на Хонсю, значительную часть своей жизнь провёл на Хоккайдо. Смерть настигла поэта в Токио, а через год после этого события останки Такубоку были упокоены в Хакодате вместе с членами семьи. На могильном постаменте выбиты самые знаменитые стихи поэта:

東海の 小島の磯の 白砂に われ泣きぬれて 蟹とたはむる

На песчаном белом берегу Островка

В Восточном океане Я, не отирая влажных глаз, С маленьким играю крабом.

С любого возвышенного места в Хакодате открывается морской пейзаж, глядя на который можно уноситься вдаль, в «неосуществимых, фантастических мечтах» ¹⁶, которым был подвластен Такубоку.

1.2. Поездка Китахары Хакусю на Сахалин

Из биографии поэта

Японский поэт, прозаик и эссеист Китахара Хакусю (яп. 北原白秋, настоящее имя – Китахара Рюкити, яп. 北原隆吉; 1885–1942) родился в префектуре Кумамото, но вскоре его родители вернулись домой, в префектуру Фукуока. Семья Китахары была купеческой, однако к концу XIX века стала заниматься производством саке. Хакусю был старшим сыном в семье (три его младших брата впоследствии стали издателями). В 1904 году Китахара поступил на факультет английской литературы в университет Васэда. Он начал писать стихи ещё в школе, отсылая их в разные литературные журналы. Будучи студентом, он заинтересовался творчеством Симадзаки Тосона (яп. 島崎藤村, настоящее имя – Симадзаки Харуки, яп. 島崎春樹; 1872—1943), в особенности его поэтическим сборником «Молодые плоды» (яп. 『若菜集』, 1897), написанным в форме «нового стиха» – «синтайси» (яп. 新体詩).

В 1906 году Китахара по приглашению Ёсано Тэккана (яп. 与謝野鉄幹, настоящее имя – Ёсано Хироси, яп. 与謝野寛; 1873–1935) вступил в литературное общество «Новая поэзия» (яп. 新詩社) и начал печатать свои стихи в журнале этого общества «Утренняя звезда» (яп. 『明星』). Познакомившись со многими литераторами, Китахара основал собственный литературный кружок «Общество Пана»

¹⁶ Исикава, Такубоку. Дневник, написанный латиницей ; пер. с яп. Е. М. Дьяконовой / Такубоку Исикава // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М., 1989. – С. 157.

(яп. パンの会), а в 1909 году вошёл в состав основателей журнала «Плеяды» (яп. 『スパル』). Он проповедовал идею «искусства ради искусства», выступал против натурализма в литературе. Первый поэтический сборник Китахары получил название «Поганая секта» (яп. 『邪宗門』, 1909) — это собрание эзотерических стихов нетрадиционной формы. Далее последовали такие книги, как «Воспоминания» (яп. 『思ひ出』, 1911), «Цветы павловнии» (яп. 『桐の花』, 1913), «Избранные перлы» (яп. 『真珠抄』, 1914) и «Платиновый волчок» (яп. 『白金之独楽』, 1914).

В 1918 году Китахара стал работать в детском журнале «Красная птица» (яп. 『赤い鳥』) по просьбе его основателя Судзуки Миэкити (яп. 鈴木三重吉, 1882–1936). Китахара создавал короткие песни для детей, отбирал стихи для публикации в журнале и собирал детские фольклорные произведения. Впоследствии поэт выпустил несколько сборников стихов, песен и сказок, адресованных детям: «Глаза стрекозы» (яп. 『とんぼの眼玉』, 1919), «Цветы понцируса» (яп. 『からたちの花』, 1926) и другие.

Китахару по праву называют одним из лучших детских поэтов Японии, многие из его произведений положены на музыку. В 1935 году поэт основал поэтический журнал «Тама» (яп. 『多磨』). Китахара оставался активным даже после того, как в 1937 году стал терять зрение. В 1940 году он был избран членом Японской академии художеств. В течение своей литературной карьеры Китахара опубликовал более двухсот книг. Всё это в совокупности с литературными достижениями позволяет считать Китахару одним из наиболее влиятельных поэтов японского символизма. На родине поэта, в Янагаве, действует музей его имени.

Одержимый «музой странствий»

Александр Долин пишет: «Подобно Бальмонту, Гумилёву, Хлебникову, Киплингу или Паунду, Китахара Хакусю был одержим музой странствий. Он мечтал обрести откровение в иных странах, причаститься иным верованиям, увидеть новые горизонты» ¹⁸. Нередко впечатления, полученные в поездках, брались за основу книт поэта. Так, будучи совсем молодым, Китахара вместе с такими литераторами, как Ёсано Тэккан, Киносита Мокутаро (яп. 木下杢太郎, настоящее имя – Ота Масао, яп. 太田正雄; 1885–1945), Ёсий Исаму (яп. 吉井勇, 1886–1960) и Хирано Банри (яп. 平野万里, 1885–1947), совершил путешествие на западное побережье острова Кюсю. Интерес поэтов состоял в том, чтобы больше узнать об оставленной культуре «южных варваров» 19 и христианстве. Итогом этой поездки стало издание совместных путевых очерков под общим названием «Пять пар обуви» (яп. 『五足の靴』, 1907). Очерки поэтов были опубликованы в «Двадцать шестой газете Токио» (яп. 『東京二六新聞』). При этом авторы предпочли остаться анонимными, назвавшись собирательным именем - «компанией из пятерых». Увлечение Китахарой христианством отразилось в сборнике стихов «Поганая секта». Эта книга принесла известность поэту.

В 1923 году Китахара побывал в разных местах Японии (в Мисаки, Чибе, Нагано и Сиобаре), в 1924 году отправился в Сидзуоку, а в 1925 году путешествовал по Хоккайдо и Сахалину. В 1930 году Китахара был в Маньчжурии и проехал по Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД). После возвращения в Японию он посетил город Нара. В 1935 году по приглашению газеты «Осака майнити симбун» (яп. 『大阪毎日新聞』) поэт совершил поездку на Корейский полуостров. Это и другие путешествия были сильным стимулом к сочинительству.

Поездка на Сахалин в книге «Фурэппу ториппу»

Поездка на Сахалин в августе 1925 года для Китахары увенчалась интересными творческими находками. Поэт в составе делегации Министерства железнодо-

¹⁷ Название этого сборника на русском языке может звучать ещё и как «Чужеземная ересь» или «Запретная вера».

¹⁸ Долин, А.А. Новая японская поэзия / А. А. Долин. – М., 1990. – С. 62.

 $^{^{19}}$ Южные варвары», или намбан (яп. 南蛮), – общее название португальцев, испанцев, а затем и голландцев, приплывавших в Японию в XVII—XVIII веках.

Рис. 6. Книга Китахары Хакусю «Поганая секта», 1972 г.

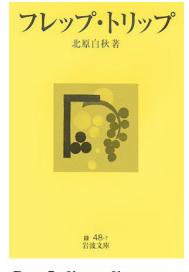

Рис. 7. Книга Китахары Хакусю «Фурэппу ториппу», 2007 г.

рожных путей Японии совершил двухнедельную поездку по острову. В эту поездку его пригласил Ёсиуэ Сёрё (яп. 吉植庄亮, 1884–1958), который за год до этого события совместно с Китахарой основал журнал модернистской направленности «Никко» (яп. 『日光』).

Китахара так описывал этот эпизод из своей жизни: «Этот разговор начался, когда я был в гостях у господина Сёрё в Инбануме. Он входил в состав исследовательского общества железной дороги, и так как работал начальником отдела заграничных новостей в газетном объединении, то должен был войти в состав делегации (из пяти-шести человек), организуемой Министерством железнодорожных путей. Он предложил и мне, но тогда я почему-то не решился и сразу не дал ответа, поеду или нет, а лишь допив саке, вернулся домой. Я посоветовался с женой, она одобрила, даже сказала, что другого такого шанса может не быть, и упорно настаивала на поездке»²⁰.

Путешествие на север начиналось для Китахары с Иокогамы, откуда на судне «Комамару» делегация отправилась сначала в Отару, а далее по населённым пунктам Сахалина: Амбэцу21, Маока, Хонто, Тоёхара, Оодомари, Сисука (современные названия - Возвращение, Холмск, Невельск, Южно-Сахалинск, Корсаков, Поронайск Сахалинской области соответственно), и главная цель поездки остров Кайхёто (современное название - остров Тюлений). Заканчивалось путешествие в Вакканае. В этом портовом городке Китахара расстался с группой и далее отправился знакомиться с островом Хоккайдо: посетил айнский праздник медведя в Асахикаве, побывал в Саппоро, а также в монастыре траппистов в Хакодате. Творческим итогом этого путешествия стала книга под названием «Фурэппу ториппу» (яп. 『フレップ・トリップ』). Отчёт о поездке на Сахалин публиковался фрагментами в 1925–1927 годах в журнале «Женщины» (яп. 『女性』), отдельное издание книги вышло в свет в 1928 году. Книга посвящена исключительно путешествию по Сахалину, поэтому она не включает впечатления всего увиденного на Хоккайдо.

В «Фурэппу ториппу» Китахара описал ряд исторических памятников Сахалина и пейзажные виды острова. Отдельные страницы путевого пове-

ствования посвящены у Китахары встречам с русскими семьями.

Ещё до начала изложения основных событий в книге даётся следующее пояснение названию: «Плоды фурэппу – красные, плоды ториппу – чёрные. Это небольшие кустарники, которые произрастают в сахалинской тундре. Из собранных ягод делают саке. Получается так называемое карафутское вино»²². Точного перевода используемых в названии книги слов не существует. Под словом «фурэппу» айны понимали «красную ягоду», вероятно, бруснику, а под словом «ториппу» могла подразумеваться черника.

Сахалинские впечатления в поэзии Китахары

Для книги «Фурэппу ториппу», написанной в прозе, характерны повторения, лирические описания, различные ономатопоэтические вставки. Это делает книгу интересной и живой. Неотъемлемой чертой становятся пейзажные зарисовки «утреннего затишья», «неба», «облаков», «приятного ветерка». Всё повествование воспринимается как единая лирическая песня, в которой мир Южного Сахалина складывается из всего того, что открывается перед внимательным и восторженным взором путешественника:

Видно. Видно. Русский квартал, смотри, Деревянные дома. О, ива. Окна, Окна,

О, красные, белые, фиолетовые – цветы. Прекрасные²³.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

На протяжении всей книги рефреном даются строки, в которых отражено общее настроение героя во время северного путешествия:

На сердце легко, настроение приподнято, Качайся-качайся верёвка от паруса высоко в небе...

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

В одной из частей книги Китахара восхищается природой острова Тюлений. Поэт описывает бесчисленное количество морских котиков и ещё большее число кайров – морских птиц, создающих «птичий базар». Впечатления от любования сивучами вблизи морского побережья легли в основу необычной песни поэта: в произведении используются звукоподражательные голосам сивучей слова.

Наряду с «Фурэппу ториппу» Китахара написал несколько стихотворений, посвящённых Сахалину: «Охотское море в облачный день»²⁴ (яп. 『曇り日のオホーツク海』), «В горах Карафуто» (яп. 『樺太の山中にて』), «Пейзажи Карафуто» (яп. 『樺太風景』) и другие. Некоторые из этих произведений вошли в опубликованный в 1929 году сборник «Тюлени и облака» (яп. 『海豹と雲』).

Поездка на Сахалин способствовала тому, что Китахара начал интересоваться жизнью и культурой айнов. В своих стихотворениях поэт нередко использует айнские слова, записанные слоговой азбукой катакана. Так, например, в примечаниях к стихотворению «Мыс Сиокуби» (яп. 『汐首岬』) даётся пояснение к трём выражениям на айнском языке, встречающимся в тексте: «айну мосири» (アイヌ・モシリ) – мир, земля айнов, «камуи юкара» (カムイ・ユカラ) – устный эпос айнов о богах, «ойна камуи» (オイナ・カムイ) – божество Окикуруми, лежащее в основе религиозных воззрений айнов. Кроме того, в творчестве Китахары есть и стихотворение с названием «Песня старого айна» (яп. 『老いしアイヌの歌』).

Посещение Сахалина дало очередной импульс творчеству Китахары. Лирика поэта наполнилась новым содержанием – удивительными открытиями айнского языка, максимально высоким вниманием к природному колориту северного края. «Сахалинские» стихотворения стали яркой страницей поэтического наследия Китахары.

 $^{^{20}}$ Китахара, Хакусю. Фурэппу ториппу / Хакусю Китахара. — Токио, 2007. — С. 16. (Здесь и далее по тексту перевод А. С. Никоновой.)

²¹ Амбэцу был самым северным посёлком губернаторства Карафуто. От мыса Пограничный, где к западному побережью по 50-й параллели выходила российско-японская граница, он тянулся почти на 3 км на юг к шахте на реке Акаси (современное название – река Махровка); Амбэцу – одно из немногих мест на Сахалине, по отношению к которым и в настоящее время применяют японские названия.

²² Китахара, Хакусю. Фурэппу ториппу / Хакусю Китахара. – Токио, 2007. – С. 8.

²³ Там же. – С. 277.

²⁴ Это стихотворение приводится в книге «Фурэппу ториппу».

1.3. Ямамото Юдзо и его сахалинские впечатления

Страницы биографии Ямамото Юдзо

Японский писатель и драматург Ямамото Юдзо (яп. 山本有三, 1887–1974) родился в префектуре Тотиги в семье торговца тканями. В 1915 году он окончил отделение немецкой литературы Токийского университета. Во время учёбы Ямамото писал очерки и статьи об Иоганне Гёте (1749–1832), Фридрихе Шиллере (1759–1805), Германе Зудермане (1857–1928), Герхарте Гауптмане (1862–1946); переводил Августа Стриндберга (1849–1912); интересовался Генрихом Клейстом (1777–1811), Генрихом Ибсеном (1828–1906) и Артуром Шницлером (1862–1931). Выпускная работа Ямамото была посвящена социально-политической драме Гауптмана «Ткачи» (1892), её композиции и поэтике.

Знакомство с творчеством западноевропейских драматургов и философов оказало большое влияние на формирование художественных взглядов Ямамото, в частности, переведённая японским писателем пьеса «Пляска смерти» (1901, яп. пер. 1916) Стриндберга стала материалом для размышления на тему недоверия к супружеству и семейной жизни. В дальнейшем это отразилось в пьесе самого Ямамото «Профессор Цумура» (яп. 『津村教授』, 1919). Тематика пьесы «Перед восходом солнца» (1889) Гауптмана перекликается с драмой Ямамото «Детоубийца» (яп. 『嬰児殺し』, 1920). И у Гауптмана и у Ямамото поднимаются вопросы наследства и женского бесправия. Находясь под влиянием Гауптмана и Ибсена, Ямамото в 1920-х годах принял участие в движении за создание японского реалистического театра, а позже стал одним из инициаторов образования Ассоциации драматургов Японии.

На русском языке с драматическим наследием Ямамото можно познакомиться по пьесе «О-Кичи – чужеземка ("Печальный рассказ о женщине")» (яп. 『女人哀詞 — 唐人お吉物語』, 1933, рус. пер. 1988). Сценическое действие разворачивается с 1850-х и до начала 1870-х годов. В художественно преображённой истории

Рис. 8. Английское издание драматических произведений Ямамото Юдзо, 1935 г.

автор показывает жизнь гейши О-Кичи, которая прислуживает по приказу феодальных властей американскому консулу Таунсенду Гаррису. Именно за это героиню называют «чужеземкой». Взяв за основу фактическую историю из жизни, а Таунсенд Гаррис²⁵ (1804–1878) – реальное историческое лицо, Ямамото выдвигает на первый план одну из важных проблем своего времени – проблему бесправия японской женщины.

Опыт перевода прозы Шницлера стал основой для дальнейшего развития Ямамото не только как драматурга, но и как прозаика. В первом романе Ямамото «В мире живых существ» (яп. 『生きとし生けるもの』, 1926) рисуется жизнь обитателей города, их борьба за существование. В России Ямамото известен, прежде всего, своим романом «Жизнь женщины» (яп. 『女の一生』, 1933, рус. пер. 1936). В книге писателя повествуется о трудной судьбе и духовных исканиях матери-одиночки в довоенной Японии. В этом произведении, как и почти во всей повествовательной прозе Ямамото, в центре внимания оказываются описываемые в реалистичной манере острые социальные проблемы.

Из воспоминаний поэта Ямагути Сэйси²⁶ (яп. 山口誓子, 1901–1994), чей дед работал в издательстве одной ежедневной газеты на Южном Сахалине, известно, что Ямамото посетил Тоёхару (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области) в 1911 году, будучи студентом Токийского университета. Приезд молодого мужчины из столицы заинтересовал сотрудника газеты Ямамото Ротэки (яп. 山本露滴, 1884–1916), который решил взять у начинающего литератора интервью. Через корреспондента Ямамото познакомился с заместителем губернатора Карафуто Накагавой Кодзюро (яп. 中川小十郎, 1866–1944)²⁷. Во время беседы молодой человек выразил желание побывать на приграничной с Россией территории.

Это знакомство способствовало поездке Ямамото по Сахалину: вначале писатель побывал в Сакаэхаме (современное название – Стародубское Сахалинской области), а оттуда на пароходе добрался до города Сисуки (современное название – Поронайск Сахалинской области). Сойдя с парохода и отправившись по течению реки Поронай, он мог бы посетить и приграничную зону. Однако по каким-то причинам Ямамото отказался от этого плана и на пароходе направился в сторону острова Кайхёто (современное название – остров Тюлений Сахалинской области). На небольшом островке, расположенном на восточном побережье острова в одном километре к югу от мыса Кита-Сирэтоко (современное название – мыс Терпения), обитали морские котики. Оставшись довольным экскурсией на остров Тюлений, писатель уже и не думал о том, чтобы ехать к границе.

Достоверность всех обстоятельств путешествия по Сахалину пока не находит подтверждения в исследовательской литературе о Ямамото. При этом факт пребывания писателя летом 1911 года на Южном Сахалине упоминается в работе Миямото Юрико (яп. 宫本百合子, 1899–1951) «Обстоятельства жизни Ямамото Юдзо» (яп. 『山本有三氏の境地』, 1937).

Пьеса «Венец жизни»

После возвращения с Сахалина Ямамото написал трёхактную пьесу «Венец жизни» (яп. 『生命の冠』, 1920), события которой разворачиваются в городе Маока (современное название - Холмск Сахалинской области). Главные герои пьесы – два брата семейства Аримура – управляют небольшим предприятием по обработке и консервированию крабов. Следует заметить, что в конце 1920-х-начале 1930-х годов добыча рыбы и морепродуктов, действительно, была ведущей отраслью хозяйства Маоки. По сюжету пьесы старший брат Цунэтаро, честный и рассудительный человек, вступает в спор с младшим Киндзиро, который ориентируется, главным образом, на получение прибыли. Мужчины спорят о том, как вести бизнес при различных непредвиденных обстоятельствах, которые нередко возникают в их работе. Основной конфликт пьесы – это противоборство характеров двух главных героев. Так, например, старший брат не разрешает использовать для консервов маленьких крабов и крабов-самок, которые производят потомство. А младший брат настаивает, что в таком случае коммерсанты не будут успевать поставлять товар в срок. По мнению Киндзиро, для коммерческого успеха необходимо закупать любых крабов:

« – Раз уж крабы попались в сети, то, даже выбрасывая их сразу из лодки, они могут зацепиться о сетку и поломать клешни. После этого такие крабы становятся уже по меньшей мере полумёртвыми, а то и совсем погибают. Так, если они всё равно гибнут, отпущенные в море, не лучше тогда и крабов-самок и маленьких крабов пустить в оборот.

– Дело не только в этом. У самок и маленьких крабов повышенная щёлочность, из-за чего есть опасения, что мясо может потемнеть.

²⁵ Таунсенд Гаррис был первым генконсулом США в Японии (1856–1861), при нём в 1858 году был подписан японо-американский договор о дружбе и торговле.

 $^{^{26}}$ См. п. 2.2 «Ямагути Сэйси и его сахалинские стихотворения».

²⁷ В 1932 году на Сахалине был установлен памятник Накагаве Кодзюро, который внёс большой вклад в развитие южной части острова.

- Тогда нужно быть внимательней со способом производства: если мы будем класть бумагу с серной кислотой, то это решит проблему.
- Нет, тогда это уже не будет товаром высшего качества. Разве мы можем использовать такие вещи в первоклассном продукте?»²⁸.

Из одного письма братья узнают, что поставщики консервных банок поднимают цену на тридцать процентов, а в телеграмме, доставленной из Англии, покупатель просит братьев не менять сроки поставки готовых консервов. «Как же быть, за восемьдесят дней нам нужно сделать двести сорок тысяч банок консервов, получается, по три тысячи банок в день. Ты говоришь: то нельзя, это нельзя, так мы и половины не сделаем»²⁹, – приводит свои аргументы Киндзиро. Но старший брат готов даже разориться, только бы не нарушать условия контракта и не продавать товар низкого качества.

В пьесу введён показательный рассказ о судне «Хоккай-мару», которое перевозило грузы из Отару во Владивосток. Попав в шторм, капитан решает переждать непогоду в Маоке, но судно налетает на подводный риф и начинает идти ко дну. Капитан приказывает экипажу спускать спасательные лодки, а сам принимает решение разделить судьбу уходящего под воду судна. Старший брат сравнивает своё предприятие с этим тонущим кораблём: «Фирма Аримура – это тонущее в данный момент судно. А я и ты – его капитаны» Убедить Цунэтаро не помогают даже слова о том, что разорение обречёт на голод его жену и младшую сестру. Но старший брат пытается объяснить младшему, что «работа коммерсанта состоит в умении не только получать прибыль» 1, а, прежде всего, в «соблюдении условий договора» 2.

Ради сохранения бизнеса Аяко – младшая сестра героев – соглашается выйти замуж за человека, который готов поставить братьям крабов по низкой цене. Господин Бэндзо уже несколько раз приходил делать предложение Аяко, и теперь, наблюдая за тем, как братья ссорятся, сестра решает уйти жить к Бэндзо, полагая, что это «пойдёт на пользу семье» ЗЗ. Но Цунэтаро не соглашается с такой жертвой: «Как бы сложно не было, я никогда не пойду на это. Ведь капитан тонущего судна "Хоккай-мару" спас мальчишку, который был наказан за воровство. Чтобы я даже в критической ситуации родную сестру обрёк на муки ради спасения семьи, да мне это в голову не придёт! » З4.

Честность главного героя, его деловые принципы не позволяют сохранить бизнес, который в конечном итоге терпит крах. Герои вынуждены оставить дело и уехать с Сахалина.

Названием пьесы послужило библейское выражение, взятое из откровения Иоанна Богослова: «...Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2, 10). Цунэтаро неукоснительно следует этому: вынужденный бросить своё предприятие, он остаётся верен себе и своей совести, несмотря ни на что.

Пьеса, принёсшая Ямамото успех, впервые была опубликована в январском номере журнала «Нингэн» (яп. 『人間』) в 1920 году. И уже через месяц драма была поставлена в токийском театре «Мэйдзи-дза», а в марте сыграна театральной труппой «Нанива-дза» в Осаке. В 1935 году был опубликован перевод пьесы на английский язык, сделанный Гленном Шоу (1886–1961)³⁵. В английское издание вошло ещё две пьесы Ямамото: «Сакадзаки Дэваноками» (яп. 『坂崎出羽守』,

Рис. 9. Русское издание книги Ямамото Юдзо «Жизнь женщины», 1958 г.

1921)³⁶ и «О-Кичи – чужеземка ("Печальный рассказ о женщине")».

Спустя шестнадцать лет после выхода в свет «Венца жизни», японская киностудия «Никкацу»³⁷ сняла фильм с одноимённым названием (1936). Режиссёром немой чёрно-белой киноленты³⁸, продолжительность которой составляет пятьдесят пять минут, стал Утида Тому (яп. 内田吐夢, 1898–1970). Главные роли исполнили Ока Дзёдзи (яп. 岡譲二, 1902–1970) и Идзомэ Сиро (яп. 井染四郎, 1907–?). Съёмки картины проходили не на Сахалине, а на Кунашире в городе Фурукамаппу (современное название – посёлок Южно-Курильск Сахалинской области). В фильме, как и в пьесе, ставится вопрос, какими принципами и понятиями следует руководствоваться при ведении бизнеса.

Таким образом, посещение Ямамото Сахалина в 1911 году дало вдохновение и художественный материал как минимум для одного драматического произведения японской литературы первой четверти XX века.

1.4. Реальное и метафизическое путешествие на Сахалин Миядзавы Кэндзи

Первые увлечения и потрясения Миядзавы Кэндзи

Знаменитый японский поэт и писатель Миядзава Кэндзи (яп. 宮沢賢治, 1896—1933) большую часть жизни провёл в префектуре Иватэ, на севере острова Хонсю. В биографии³ поэта отмечается, что, будучи сыном ростовщика Миядзавы Сэйдзиро (яп. 宮沢政次郎, 1874—1957) и его жены Ити (яп. イチ, 1877—1963) в городке Ханамаки, он с детских лет видел, как малоимущие крестьяне вступали в долговые обязательства с его отцом, выдававшим небольшие суммы денег под залог. В сознании мальчика поселилась мысль о том, что его семья строит своё благополучие на несчастье других людей, и это породило в будущем серьёзный конфликт между отцом и сыном (Кэндзи был старшим братом в семье из пяти детей).

Родители в будущем возлагали большие надежды на первенца, которому ростовщичество было крайне неприятно. Это обстоятельство привело к передаче прав наследования ломбардом младшему брату, который в итоге под влиянием старшего из сыновей Миядзавы переделал ломбард в скобяную лавку. К тому же конфликт отца и старшего сына усугублялся разницей в религиозных воззрениях. Из-за семейных разногласий молодой человек был вынужден покинуть родной дом. В 1921 году он переехал в столицу.

В Токио Миядзава познакомился с творчеством поэта Хагивары Сакутаро (яп. 萩原朔太郎, 1886–1942). Это литературное открытие вдохновило Миядзаву на соб-

²⁸ Ямамото, Юдзо. Сэймэй но канмури, дайни (Венец жизни, акт второй) / Юдзо Ямамото // Карафуто кё:икукай. Карафуто кё:до ёмихон (Хрестоматия по литературе Карафуто. Образовательное общество Карафуто). – Токио: Татикава сётэн, 1937. – С. 46–47. (Здесь и далее перевод с японского языка сделан А. С. Никоновой.)

²⁹ Там же. − С. 57.

³⁰ Там же. – С. 60.

³¹ Там же. – С. 63–64.

³² Там же. – С. 70.

³³ Там же. – С. 68.

³⁴ Там же. – С. 69.

³⁵ Yamamoto, Yuzo; Glenn W. Shaw, trans. Three Plays. – Tokyo: Hokuseido Press, 1935.

 $^{^{36}}$ Возможен и такой перевод названия пьесы, как «Сакадзаки – защитник Дэва».

³⁷ Старейшая японская киностудия, основанная в 1912 году.

³⁸ Была и звуковая версия фильма продолжительностью 94 минуты. Но с течением времени она была утеряна и сохранился только немой вариант киноленты, которую сделали специально для тех мест, где не было оборудования для просмотра звуковых фильмов.

³⁹ На русском языке познакомиться с биографией, а также переводами сказок Миядзавы Кэндзи можно в следующем издании: Звезда Козодоя: сборник / пер. с яп. Е. Рябовой. — СПб.: Гиперион, 2009. — 376 с.; на японском языке см. книгу: Мацуока, Ёсикадзу. Миядзава Кэндзи китакико: (Северные путевые заметки Миядзавы Кэндзи). — Саппоро, 1996. — 208 с.

Рис. 10. Сборник стихов Миядзавы Кэндзи «Утро расставания», 1996 г.

ственные занятия художественной словесностью. Однако жизнь в столице оказалась недолгой. Писатель был вынужден вернуться в родной город изза болезни и последующей смерти своей любимой сестры Тоси (яп. トシ, 1897–1922), с которой их связывали глубокие родственные чувства и искренняя дружба. В своих стихах Миядзава называл сестру Тосико. Именно сестрой писателя в 1919 году была подготовлена к публикации так и не увидевшая свет первая подборка поэтических произведений Миядзавы.

Болезнь и смерть сестры стали глубочайшим потрясением в жизни молодого поэта. В ночь после смерти Тоси он написал три прощальных стихотворения: «Утро расставания» (яп. 『永訣の朝』, 1922), «Сосновые иглы» (яп. 『松の針』, 1922) и «Безмолвный плач» (яп. 『無声慟哭』, 1922). Эти произведения определили тематическую линию последующего творчества поэта — бренность человеческой жизни, неотвратимость физического исхода и духовные открытия человека, слишком рано пережившего расставание с близкими людьми.

ああけふのうちにとほくへさらうとするいもうとよ ほんたうにおまへはひとりでいかうとするか わたくしにいっしょに行けとたのんでくれ 泣いてわたくしにさう言ってくれ Ах, сестричка! Ты в далёкий край сегодня уйдёшь навеки, Неужели и впрямь ты уйдёшь одна, без родных и близких? Попроси же меня: «Пойдём со мною!» О, скажи мне так, попроси меня так сквозь слёзы!

(Из стихотворения «Сосновые иглы», пер. с яп. яз. А. Долина) 40

Миядзава как учитель

В декабре 1921 года Миядзава стал учителем сельскохозяйственной средней школы в Ханамаки. В течение небольшого времени он также читал курсы о сельском хозяйстве крестьянам, искренне полагая, что его научные усилия приведут Ханамаки по экономическим показателям к числу развитых сельскохозяйственных регионов Японии.

Для своих учеников Миядзава был эксцентричным чудаком, который настаивал, чтобы обучение протекало через фактический, личный опыт познания окружающего мира. Он часто брал с собой детей из класса как для занятий на открытом воздухе, так и просто для приятных прогулок по полям и горам. Кроме того, дети устраивали представления, сценарии к которым писали самостоятельно.

В 1992 году Торияма Тосико (яп. 鳥山敏子, 1941–2013) и Сиобара Хидэо (яп. 塩原日出夫, род. 1954) на основе рассказов бывших учеников Миядзавы, которым на то время было уже за восемьдесят лет, создали фотокнигу под названием «Воскликнув "хо-хо", учитель взмывал в воздух – фотокнига. Ученики Миядзавы Кэндзи» (яп. 『先生はほぼーっと宙に舞った—写真集 宮澤賢治の教え子たち』). В воспоминаниях о своём учителе каждый ученик подмечал наиболее запомнившуюся особенность Миядзавы. Так, Фудзивара Сюндзи говорил о хорошем чувстве юмора у Миядзавы. Сиокава Тэцуо вспоминал, как учитель, обнаружив что-то интересное, восклицал «хо-хо» и начинал прыгать. А Нагасака Тосио, окончив-

Рис. 11. Фотокнига учеников Миядзавы Кэндзи, 1992 г.

ший сельскую школу Ханамаки в 1924 году, рассказывал о творческом подходе Миядзавы к своим занятиям, которые он проводил на берегу реки Китаками. Миядзава прозвал эту реку «Английским побережьем», поскольку во время своих прогулок ему казалось, что он идёт по морскому известковому берегу в Британии. Миядзава проводил дискуссионные уроки, деля всех учеников на две команды, каждая из которых отстаивала свой взгляд по какому-либо вопросу. Например, однажды был спор, когда одна часть класса готова была бы сделать префектуру Иватэ аграрной, а другая – делилась своими планами о преобразовании родных мест в промышленные. Миядзава всегда творчески подходил к педагогической работе, используя интересные формы занятий. Он хорошо разбирался во всём, однако ученики иногда пытались поставить Миядзаву в тупик своими вопросами, но у учителя всегда находились компетентные ответы.

Путешествие на Сахалин

Потрясённый смертью своей сестры Миядзава пытался стать крестьянином и в заботах о земле

слиться с физическими силами природы. Будучи глубоко религиозным человеком, он воспринимал всё окружающее через призму духовности. Но чувство ранней утраты сестры по-прежнему не давало ему вновь погрузиться во внешний мир и жить его заботами.

Тоси не стало 27 ноября 1922 года. Но с наступлением нового года душевное состояние Миядзавы не изменилось, он не мог писать стихи и сказки, как раньше. В это время в школе Ханамаки как раз случилось несколько краж, которые совершили ученики Миядзавы. Слухи об этих событиях быстро разошлись по маленькому городу, и Миядзава, понимая, что после этого происшествия молодые люди не смогут устроиться на работу в пригороде Ханамаки, решил подыскать им работу подальше от дома. Подходящим местом, куда не доходили бы вести о неблагополучных молодых людях, мог быть остров Хоккайдо или южная часть Сахалина. К счастью, поэт вспомнил о своём друге, который учился в сельскохозяйственном университете Мориока на год позже Миядзавы. Теперь друг работал на целлюлозно-бумажном заводе «Одзи Сэйси» в Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области), и Миядзава хотел попросить его о помощи. К тому же сам Миядзава полагал, что поездка должна способствовать неожиданной в мирском понимании встрече с ушедшей в небытие сестрой Тоси. По представлениям Миядзавы, именно на «севере» открывались ворота в потусторонний мир.

В самом начале августа 1923 года поэт приехал на Сахалин. Прибыв в Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области), он отправился в Сакаэхама (современное название – Стародубское Сахалинской области). И там всю ночь непрестанно бродил по морскому побережью в надежде встретить душу своей сестры⁴¹. Позже, вдохновившись мистическим ощущением Сахалина, Миядзава предлагал необычные планы по освоению Охотского моря, на берегах которого планировал построить утопическое государство.

⁴⁰ Переводы стихотворений Миядзавы Кэндзи на русском языке можно найти в следующей книге: Долин, А. А. Новая японская поэзия / А. А. Долин. – М., 1990. – С. 158–172.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Ямасита, Киёми. Японская литература о Сахалине: Кэндзи Миядзава и Фумико Хаяси / Киёми Ямасита // Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати: сборник научных статей / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой, И. В. Расторгуевой; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. — Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013. — С. 53—54.

Во время путешествия на Сахалин Миядзава написал цикл стихов под названием «Охотская элегия» (яп. 『オホーツク挽歌』, 1923), куда вошли: «Элегия Аомори» (яп. 『青森挽歌』), «Пролив Цугару» (яп. 『津軽海峡』), «Охотская элегия» (яп. 『オホーツク挽歌』), «Железная дорога Карафуто» (яп. 『樺太鉄道』), «Сусунайская равнина» (яп. 『鈴谷平原』), «Залив Функа (ноктюрн)» (яп. 『噴火湾(ノクターン)』) и другие. Каждое стихотворение – это особая художественная картина, в которой переплелись переживания Миядзавы, ищущего встречи с душой своей покойной сестры, с пейзажными зарисовками, показанными с характерной для поэта чувствительностью.

わたくしの感じないちがつた空間に いままでここにあつた現象がうつる それはあんまりさびしいことだ (そのさびしいものを死といふのだ) たとへそのちがつたきらびやかな空間で とし子がしづかにわらはうと わたくしのかなしみにいぢけた感情は どうしてもどこかにかくされたとし子をお もふ В другое пространство, которое я не ощущаю, перешёл тот, кто до сих пор был рядом со мной.
Вот, что делает меня одиноким (это одиночество зовётся смертью). Даже если в этом другом сверкающем пространстве Тосико нежно улыбается, Мои чувства искажены горем, И я, не переставая, думаю о ней, спрятанной где-то.

(Из стихотворения «Залив Функа (ноктюрн)», пер. с яп. яз. А. Никоновой)

«Сахалин и август»

Неоконченная⁴² сказка «Сахалин и август» (яп. 『サガレンと八月』) Миядзавы включает в себя немногим меньше десяти страниц. Вся сказка состоит из двух лаконичных, но не связанных между собой частей. В первой части ассистент школы по сельскому хозяйству, имя которого в сказке не называется, приходит на берег Охотского моря, чтобы собрать образцы ракушек и ведёт разговор с ветром и волнами. Небольшой объём, бессюжетная композиция и выражение повышенной эмоциональности героя первой части позволяют отнести её к лирической прозе, в которой на первый план выдвинуты чувства главного героя: «Сидя здесь, на побережье Охотского моря, слушая отрывистую речь ветра, который приносит сухой песок да сладкий запах шиповника, я испытал поистине странное чувство. Теперь я уже совершенно не понимаю, то ли это ветер разговаривал со мной, то ли я разговаривал с ветром»⁴³.

Во второй части мальчик по имени Танэри идёт собирать на побережье необычные камни. Мама мальчика, сшивающая из высушенной кожи лосося одежду, предупреждает ребёнка о том, что на берег волнами выбрасывается много медуз. По словам матери, не следует подбирать и разглядывать морских животных. Но Танэри не взирает на материнское предупреждение и, наоборот, специально ищет именно медуз. Промыв найденную медузу от песка, он смотрит сквозь неё, словно через стекло, вокруг себя. Внезапно появляется собака-оборотень Инутами (персонаж нивхских легенд), восседающая на трёх больших собаках. Она уносит мальчика на морское дно, потом превращает его в краба. В новом образе ребёнок становится слугой осётра. Медуза выступает проводником в потусторонний мир, на страже которого находится собака-оборотень. Эта часть истории имеет черты дидактической сказки, мораль которой сводится к тому, что нельзя нарушать запреты родителей.

Два мира сказки «Ночь в поезде...»

Мистические видения на Сахалине и вызванные ими душевные переживания писателя нашли отражение в аллегорической сказке о смерти «Ночь в поезде на Серебряной реке» (яп. 『銀河鉄道の夜』, 1925, рус. пер. 2009). В сказ-

Рис. 12. Книга Миядзавы Кэндзи. «Ночь в поезде на Серебряной реке», 1989 г.

ке-притче, явившейся главным итогом поездки на Сахалин, ожили затаённые мечты человека, противящегося смерти. В центре произведения – дидактические наставления Миядзавы через сон юного героя Джованни, странствующего по бескрайним дорогам звёздного мира и встречающегося с ушедшими из физической жизни людьми.

Причиной отправления Джованни в «ночное путешествие» становится неготовность героя к школьному уроку: мальчик не может дать точный ответ на вопрос учителя: «Что такое Млечный Путь?». Осмеянный одноклассниками в день фестиваля Млечного Пути Джованни неожиданным образом отрывается от земли и устремляется в сторону небесной галактики, в которой ему предстоит постигнуть тайны жизни и смерти. Спутником Джованни по «ночному путешествию» становится его школьный друг Кампанелла.

Описание звёздного неба школьным учителем оказывается всего лишь одной из известных человечеству загадок галактического мира: «Если мы представим себе Небесную реку настоящей рекой, то каждая маленькая звёздочка будет песчинкой или камушком на её дне. А если вообразим себе

гигантский молочный поток, на который больше всего похожа Небесная Река, то все звёздочки станут маленькими пузырьками жира, плавающими в молоке. А чем же является вода в этой реке? Это так называемый вакуум, который пропускает через себя свет с определённой скоростью, в нём плавают и Солнце, и Земля. То есть все мы живём в воде Небесной реки. Если мы, окружённые этими водами, оглянемся вокруг, то увидим, как на дне этой реки, которая чем глубже, тем синее, где-то далеко и глубоко, сосредоточено множество звёздочек, которые кажутся нам белыми и неясными»⁴⁴.

Джованни и Кампанелле открывается совсем иной мир Млечного Пути – пространство прошлого и настоящего, живого и мёртвого. Все встречающиеся на пути Джованни и Кампанеллы герои приходят из запредельного, потустороннего мира. Тени мёртвых людей (детей, взрослых и стариков) блуждают по небесным лабиринтам, пытаясь обрести спасение. Одни тени устремляются в сторону созвездия «Южного Креста» – своеобразного аналога христианского рая, другие – в астрономическую реальность с названием «Угольный мешок». Особой экспрессивностью в общем повествовании «Ночи в поезде...» обладает «Рассказ о детях с затонувшего корабля», герои которого на некоторое время становятся спутниками Джованни и Кампанеллы.

Но в финале книги неожиданно выясняется, что проводником Джованни в мир умерших душ является Кампанелла: мокрая куртка мальчика – это свиде-

⁴² Точная дата написания сказки неизвестна, но исследователи предполагают, что она была написана либо во время поездки на Сахалин, либо сразу после возвращения на родину.

⁴³ Миядзава, Кэндзи дзэнсю: 6 кан // Собрание сочинений Миядзавы Кэндзи ; пер. с яп. яз. А. С. Никоновой. – Т. 6. – Токио : Тикумасёбо, 2013. – С. 302.

⁴⁴ Миядзва, Кэндзи. Ночь в поезде на Серебряной реке // Миядзава Кэндзи. Звезда Козодоя : сборник / пер. с яп. Е. Рябовой. – СПб. : Гиперион, 2009. – С. 252.

тельство не случайной оплошности героя, а доказательство того, что он умер, утонув в воде. Кампанелла уходит в небытие, а Джованни, отныне приоткрывший занавес в философию смерти, завершает своё путешествие на поезде («корабле душ») в полном одиночестве. Возвращению Джованни в мир живых людей помогает имеющийся у героя особый билет – билет в оба конца: от физического пространства к метафизическому и обратно. Вернувшийся духовно повзрослевшим на землю Джованни начинает хранить в себе новое знание – он должен иначе относиться к болезни своей матери, он более не должен утешать себя мыслью, что потерявшийся на рыбном промысле отец может вновь оказаться в семье. Хотя, конечно, в жизни возможны любые повороты.

В книге Миядзавы реальное путешествие на корабле на юг Сахалина переплетается с метафизическим образом – железной дорогой, устремлённой ввысь, к таинственным для человека небесным просторам. Духовные испытания закаляют путешествующего Джованни, позволяют ему иначе взглянуть на мир живых и ушедших в небытие людей. Религиозная направленность повести для Миядзавы стала спасительным эликсиром, который избавляет поэта от душевных терзаний, связанных с мыслями о Тоси. «Ночь в поезде...» излечивает писателя от прежде не угасаемой боли, вызванной утратой сестры.

Как таковые сахалинские реалии в сказке «Ночь в поезде...» себя не находят. Читатели могут обнаружить лишь косвенные указатели того, что сюжетное движение истории связано с севером. Так, отец Джованни занимается рыбным промыслом, охотится на северных животных. При этом можно предположить, что описания облаков, солнца, ветра или ночного неба могли возникнуть в художественном воображении писателя под влиянием дальневосточной природы. Миядзава, используя различного рода образно-эмоциональные выражения, реализует себя как лирик, написавший эпическое произведение.

«Ночь в поезде...» в японской культуре

Сказка «Ночь в поезде...» очень популярна в современной Японии. По мотивам путешествия главных героев Джованни и Кампанеллы были созданы манга и мультипликационный фильм, известный в России под названием «Ночь на железной галактической дороге» (1985). Режиссёр фильма – Сугии Гисабуро

Рис. 13.
Мультипликационный фильм по мотивам книги «Ночь в поезде на Серебряной реке», 1985 г.

(яп. 杉井ギサブロー, род. 1940) снял мультипликационную историю по заказу Министерства образования Японии. Отличительной особенностью манга и кинофильма, сюжеты которых основаны на книге Миядзавы, является то, что все герои предстают в образах котов и кошек. Ориентированная в основном на зрителя-ребёнка кинематографическая версия по мотивам произведения Миядзавы обладает высокой экспрессивностью и эмоциональностью. Кинематографическая картина позволяет ирреальным образом пережить душевный надлом, который преследует человека после внезапной смерти кого-то из близких и дорогих ему людей. Существует в Японии и запись сказки Миядзавы на грампластинку в 50-минутном воспроизведении.

Таким образом, посещение Миядзавой Сахалина отразилось в ряде художественных произведений, главным образом, в создании сказок «Ночь в поезде на Серебряной реке» и «Сахалин и август», а также цикла стихов, иллюстрирующего духовные откровения поэта. В «сахалинских» сказках Миядзавы ощущается безусловное дидактическое начало, которое было близким для писателя периода его педагогической деятельности.

1.5. Заповедные острова в прозе Хисао Дзюрана

Из биографии писателя

Хисао Дзюран⁴⁵ (яп. 久生十蘭, настоящее имя – Масао Абэ, яп. 阿部正雄; 1902—1957) родился в городе Хакодате на Хоккайдо. Его отец работал в сфере торговли, мать была учительницей икэбаны школы Согэцу. С двух лет Хисао находился на попечении деда, который вёл бизнес, связанный с морскими перевозками. Сначала будущий писатель учился в средней школе Хакодате, многие выпускники которой стали писателями: Хасэгава Каитаро (яп. 長谷川海太郎, 1900—1935), Мидзутани Дзюн (яп. 水谷準, 1904—2001), Хасэгава Сиро (яп. 長谷川四郎, 1909—1987), Камэи Кацуитиро (яп. 亀井勝一郎, 1907—1966). Спустя несколько лет, Хисао бросил школу и переехал в Токио. Однако завершить обучение в столице не удалось. Известно, что в годы учёбы Хисао запоем читал книги Акутагавы Рюноскэ (яп. 芥川龍之介, 1892—1927).

В 1920 году Хисао вернулся к себе на родину и стал работать в «Хакодате симбун» (яп. 函館新聞社). Основателем этого издательства был отец Хасэгавы Каитаро. В это же время юноша стал проявлять интерес к театру: участвовал в любительских труппах, сочинял пьесы и участвовал в постановках. После того, как Хисао стал редактором литературной колонки в «Хакодате симбун», он смог опубликовать там свои первые произведения.

В 1928 году начинающий писатель ушёл из газеты и переехал в Токио, где стал учиться театральному искусству у знаменитого драматурга Кисиды Кунио (яп. 岸田國土, 1890—1954). Уже на следующий год Хисао через Сибирь поехал в Париж, где два года занимался физикой и ещё два года учился у французского театрального режиссёра и актёра Шарля Дюллена (1885—1949). После возвращения в Японию в 1933 году Хисао работал режиссёром в театре «Син Цукидзи гэкидан» (яп. 『新築地劇団』), однако вскоре покинул его.

В этом же году Хисао стал активно сотрудничать с журналом «Новый юноша»⁴⁶ (яп. 『新青年』), главным редактором которого был Мидзутани Дзюн. В 1934 году в журнале частями публиковались «Восемь маленьких чертят» (яп. 『八人の小悪魔』), позже вошедшие в «Записки Ноншалантского⁴⁷ путешествия» (яп. 『ノンシャラン道 中記」), герои которого гудяют по Парижу и попадают в самые разные ситуации. В 1936 году писатель впервые использовал псевдоним «Хисао Дзюран», взятый по аналогии с фамилией своего французского наставника. Новым именем был подписан рассказ «Золотой волк» (яп. 『金狼』). В этом же году по рекомендации Кисиды он стал преподавать театральное искусство в университете Мэйдзи. Год спустя Хисао был задействован в театральной группе «Бунгакудза» 48 (яп. 「文学座」), которая была основана Кисидой Кунио, Куботой Мантаро (яп. 久保田万太郎, 1889–1963) и Сиси Бунроку (яп. 獅子文六, настоящее имя – Ивата Тоёо, яп. 岩田豊雄; 1893–1969). За переводы французских детективов на японский язык: «Фантомаса» (первый цикл 1911–1913 гг. и др.) Марселя Аллена (1885–1969) и Пьера Сувестра (1874–1914), романов о Рультабие (1913, 1914 и др.) Гастона Леру (1868–1927) и других произведений, напечатанных в «Новом юноше», Хисао получил авторский гонорар. Деньги за переводы позволили приобрести дачу на летнем курорте в Нагано.

⁴⁵ Информацию о жизни и творчестве писателя на русском языке можно узнать из следующей статьи: Кадзухиса, Ивамото. Остров Тюлений и остров Атласова в рассказах Дзюрана Хисао / Ивамото Кадзухиса // Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей / под ред.: Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой, И. В. Расторгуевой; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. — Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013. — С. 55—58.

⁴⁶ В журнале публиковались сочинения многих японских авторов, работавших в жанре детектива: Юмэно Кюсаку (яп. 夢野久作, 1889–1936), Эдогава Рампо (яп. 江戸川乱歩, 1894–1965), Киги Такатаро (яп. 木々高太郎, 1897–1969), Огури Муситаро (яп. 小栗虫太郎, 1901–1946), Ёкомидзо Сэйси (яп. 横溝正史, 1902–1981).

⁴⁷ Ноншалантность – синоним слов халатность, разгильдяйство и небрежность.

⁴⁸ Один из трёх ведущих классических японских театров жанра современной драмы – сингэки.

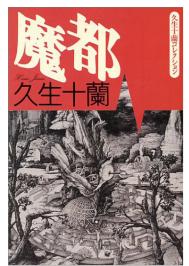

Рис. 14. Книга Хисао Дзюрана «Демоническая столица», 1995 г.

В «Новом юноше» было издано много произведений самого писателя. С июля по ноябрь 1936 года в журнале публиковался рассказ «Золотой волк», с 1937 по 1938 год печатался детективный роман Хисао «Демоническая столица» (яп. 『魔都』), а в 1939 году издавались юмористические рассказы под общим названием «Ситцевая девочка» (яп. 『キャラコさん』).

В 1943 году Хисао был командирован военным корреспондентом в южном направлении. Сообщалось, что он пропал без вести, однако в 1944 году писатель благополучно вернулся в Японию. После войны Хисао переехал в Камакуру, где продолжал активно работать. В 1957 году у него диагностировали рак, в скором времени писателя не стало.

Детективное начало «Острова Тюлений»

«Остров Тюлений» (яп. 『海豹島』, 1939) – это история, которую вспоминает рассказчик, живущий в Токио. О случае двадцатилетней давности рассказчику напоминает сильный ураганный ветер, не стихающий в течение долгих дней. События повествования разворачиваются на острове Кайхёто

(современное название – остров Тюлений Сахалинской области), известном месте обитания морских котиков. В таинственной истории Хисао даётся пояснение, что в мире есть всего три места, где размножаются морские котики: острова Прибылова, Командорские острова и описываемый в «Острове Тюлений» остров Кайхёто⁴⁹. До начала развития основных событий рассказа Хисао читателям предлагаются сведения о том, как ведут себя морские котики в период размножения – с середины мая до конца сентября.

Рассказчик оказывается на острове по служебным делам. Работая инженером в Министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства в префектуре Карафуто, он едет на Кайхёто, чтобы проверить ход строительства комплекса сооружений для ловли и переработки морского котика. Открытие всего комплекса должно состояться в мае, а рассказчик отправляется туда в марте 1912 года. Приехав на остров, главный герой узнаёт, что за несколько месяцев до его приезда на острове произошёл пожар. Его результаты были плачевны: почти все строения сторели, а пять работников погибли в огне. И тогда главный герой, от имени которого ведётся всё повествование, принимает решение остаться на острове для того, чтобы расследовать причину происшествия.

Единственным уцелевшим на острове человеком был Саяма Рёкити, занимающийся обдиранием шкур. Саяма, внешне схожий с морским котиком, рассказывает, что пожар случился во время празднования Нового года, когда рабочие устроили попойку. Из-за того, что весь инвентарь сгорел, Саяма даже не смог выкопать яму, чтобы похоронить рабочих, чьи обгоревшие тела стали кормом для птиц.

В один из дней рассказчик находит под кроватью Саямы морского котика, самку примерно двух лет. Саяма звал её Ханако. На вопрос рассказчика, что в таком месте делает морской котик, Саяма отвечает, что прошлой осенью животное отбилось от колонии, поэтому он взял его на содержание. За недолгое время он привязался к морскому котику, как к ребёнку. Саяма чрезмерно беспокоится о животном. Вскоре рассказчик начинает подозревать, что на острове, кроме погибших рабочих и Саямы, был кто-то ещё. Однажды он замечает в углу дровника

 $\overline{}^{49}$ Такое упоминание об «Острове Тюлений» есть и в книге Китахары Хакусю «Фурэппу ториппу».

шесть пар обуви, тогда как погибших рабочих было только пять. Кроме этого он находит декоративную шпильку для женских волос.

В поисках загадочной девушки рассказчик погружается в состояние некой фантазии, полагая, что на острове человек обязательно превращается в морского котика. Рассказчик даже полагает, что ему удаётся понять, почему на острове каждое лето собирается бесчисленное количество зверей. Он объясняет это так: звери, издающие пронзительный крик, – это несчастные люди, которые превратились в морских котиков из-за проклятья, наложенного на остров. В действительности, когда морской котик умирает, Саяма вынимает из шкуры животного тело молодой девушки. После этого он уже не скрывает правду.

Оказывается, что умершим котиком была девушка по имени Яманака Хана (Саяма зовёт её Ханако). Девушка приехала из Сисуки (современное название – Поронайск Сахалинской области) на остров к своему дяде, одному из работников. Она не планировала долго задерживаться на острове, но из-за плохой погоды не смогла вернуться домой. Когда в канун Нового года пьяные работники стали домогаться Ханако, влюблённый в девушку Саяма встал на её защиту. Такой поступок не понравился дяде девушки, и он с другими работниками пытался убить Саяму. Вышло так, что, защищая себя, Саяма убил жителей острова. Чтобы скрыть следы преступления, он сжёг постройки на острове и тела погибших людей. Герой намеренно заболел цингой, чтобы отвести от себя подозрения в случившемся. Перед тем, как рассказчик-надзиратель приезжает на остров, Саяма прячет девушку в шкуру морского котика. Но девушка вскоре умирает изза неестественности положения, в котором оказалась. После исповеди Саяма, сжигая дом, погибает. Рассказчику же удаётся спастись от смерти и вырваться за пределы когда-то окутанного тайной острова.

Главная интрига «Подземной страны зверей»

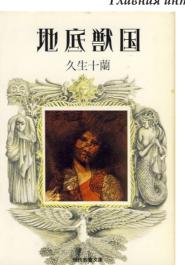

Рис. 14. Книга Хисао Дзюрана «Подземная страна зверей», 1987 г.

«Подземная страна зверей» (яп. 『地底獣国』, 1939) — это история о приключениях русского доктора Ярославского и японских заключённых. Основные события рассказа происходят в 1937 году на краю земли, куда посылают доктора Ярославского, чтобы найти природный подземный туннель, который, как предполагалось, связывал Дальний Восток и Сахалин. Нужно было узнать, возможно ли через этот неизвестный тоннель напасть на Японию. Однако главная интрига рассказа «обрастает» разными событиями, сопряжёнными с уходом из жизни одного героя за другим.

Сотрудники доктора, опасаясь политической и физической расправы, оказывают сопротивление. Член экспедиции профессор Морозов угрожает доктору пистолетом, а потом организовывает новый экспедиционный отряд из шести японских рыбаков, заключённых в лагере. Семью годами ранее этот отряд задержали на Камчатке, когда рыбаки занимались браконьерством. Герои уходят из сибирского лагеря и отправляются в опасную подземную экспедицию. Ожидания профессора Морозова не оправдываются. Доктор Ярославский и японцы скрываются в подземелье. Опасаясь соб-

ственной гибели, профессор Морозов и его помощница Наташа преследуют героев. Подземный мир рассказа представляется опасным и непредсказуемым. Во время экспедиции путешественники погибают один за другим: Ямагути соскальзывает в бездну; один из героев умирает от пули профессора Морозова; Китахару съедает тиранозавр; Наташа заболевает цингой. «Подземными зверями» рассказа становятся не только фактически обитающие животные, но и отдельные люди, ступившие однажды на тропу преступлений или безнравственных поступков.

После двух месяцев похода выжившие герои оказываются на маленьком острове, на котором умирает и сам доктор Ярославский. Когда путешественников находит японское судно, они узнают, что находятся на острове Арайдото (яп. 阿賴度島, рус. название – остров Атласова), расположенном недалеко от Камчатки. Поиски природного тоннеля в рассказе связываются с желанием найти какой-то необычный способ нападения на Японию.

Рассказы «Остров Тюлений» и «Подземная страна зверей» были опубликованы в одно и то же время. Местом действия этих двух историй становятся два маленьких острова: остров Тюлений, вблизи восточного побережья Сахалина, и остров Атласова, входящий в состав Курильской гряды. Оба рассказа несут на себе отпечатки детективного действия с элементами мистического повествования.

По мнению Ивамото Кадзухисы, «в рассказах "Остров Тюлений" и "Подземная страна зверей" северное пространство воспринимается как неизвестное» Когда в 1920–1930 годах территория Южного Сахалина стала развиваться быстрыми темпами, Сахалин уже не казался романтическим местом, где могло бы произойти нечто неординарное. Поэтому Хисао вводит в литературную географию новые реалии – остров Тюлений и остров Атласова, находящиеся в то время где-то в заповедных краях, в малоизвестных местах земли. Именно на удалённых от цивилизации островах случаются по замыслу Хисао странные истории, являющиеся отражением запутанных отношений, которые царят между людьми в обыденной жизни.

1.6. Симаки Кэнсаку и сахалинский персонаж новеллы «Чёрный кот»

Из биографии писателя

Японский прозаик Симаки Кэнсаку (яп. 島木健作, настоящее имя – Асакура Кикуо, яп. 朝倉菊雄; 1903–1945) родился на острове Хоккайдо, в Саппоро. «Университеты» Симаки Кэнсаку начались очень рано: он потерял отца, когда ему было два года. Обеспечение ребёнка легло на плечи матери. Симаки вынужден был оставить школу и самостоятельно зарабатывать на жизнь, помогая матери. Его первые литературные опыты совпали с собственным шестнадцатилетием. В 1925 году Симаки начал учиться на юридическом факультете университета Тохоку в городе Сендай и в это же время стал участвовать в рабочем движении, а потом – в аграрном. На следующий год он оставил обучение в университете. В 1927 году молодой человек заболел туберкулёзом. Приблизительно в это время он вступил в ряды Коммунистической партии Японии. На долю писателя выпало большое количество испытаний: за революционные взгляды он подвергался гонениям со стороны властей, был арестован во время инцидента 15 марта 1928 года и посажен в тюрьму⁵². В течение двух лет с марта 1930 года Симаки пробыл в тюрьмных застенках. А в марте 1932 года он был освобождён из-за ухудшения состояния здоровья. Симаки являлся представителем так называемой «литературы поворота». После репрессий, которые японское правительство обрушило на прогрессивных писателей в 1930-е годы, Симаки и его единомышленники отошли от активной революционной деятельности.

Рис. 15. Книга Симаки Кэнсаку «Путевые заметки о Маньчжурии», 1940 г.

После этих событий Симаки устроился у своего брата, который держал букинистический магазин в Токио, и стал изучать английский язык. В 1934 году в четвёртом номере журнала «Литературное обозрение» (яп. 『文学評論』) было опубликовано дебютное произведение писателя – «Проказа» (яп. 『癩』), получившее положительные оценки. В этом же году в журнале «Центральное обозрение» (яп. 『中央公論』) был напечатан ещё один рассказ под названием «Слепой» (яп. 『盲目』, 1934), окончательно определивший творческий путь Симаки.

Произведения «Проказа» и «Слепой» отражали дух эпохи упадка. В период массовых перемен писатель показал твёрдые характеры героев, отвергавших предательство идеологических принципов и даже в тюрьме остававшихся стойкими до конца. У Симаки герои, оказавшиеся на грани отчаяния изза своей физической слабости, слепоты или тяжкой болезни – «проказы», всё же выживали благодаря своим философским взглядам на мир.

Первый роман писателя под названием «Реконструкция» (яп. 『再建』, 1937), изображающий осуждённого за левые взгляды человека, был запрещён для продажи. Наиболее известным произведением Симаки стал роман «Поиски жизни» (яп. 『生活の探

求』, 1937), впоследствии удостоенный премии Китамуры Тококу.

С 1937 года Симаки стал проживать в Камакуре. В 1939 году он совершил путешествие в Маньчжурию, в результате которого появились «Путевые заметки о Маньчжурии» (яп. 『満州紀行』, 1940). В 1941 году писателя призвали на войну, но после обследования здоровья его отпустили домой. Симаки умер от туберкулёза в больнице Камакуры в 1945 году, спустя два дня после окончания войны. Должное признание Симаки получил только после смерти: полное собрание сочинений писателя издавалось дважды: пять томов (яп. 『島木健作作品集) в 1953 году и пятнадцать томов (яп. 『島木健作全集』) в период 1976—1981 годов. Новеллы Симаки неоднократно публиковались в антологиях прозы.

Для российского читателя Симаки – всё ещё малознакомый автор. Перевод на русский язык его рассказа «Слепой» был опубликован в 1935 году на страницах журнала «Интернациональная литература» (в настоящее время – «Иностранная литература»). В последующем в русской переводной литературе появились ещё две истории японского писателя: в 1968 году – новелла «Чёрный кот» (яп. 『黒猫』, 1946), а в 1973 году – новелла «Красная лягушка» (яп. 『赤蛙』, 1946)⁵³. При этом большая часть наследия Симаки неизвестна для отечественных читателей.

Новелла «Чёрный кот» и её главный персонаж

Новелла «Чёрный кот», вошедшая в своё время в седьмой том сборника «Избранных произведений послевоенного десятилетия» (Токио, 1955), отчасти затрагивает «сахалинскую» тематику. «Чёрный кот» открывается рассказом главного героя (от имени которого ведётся повествование) о том, как он во время продолжительной болезни коротал время за чтением «географических» журналов: «В одном из последних номеров меня заинтересовали впечатления некоего профессора о поездке на Сахалин. Особенно поразил моё воображение рассказ о горном коте, которого не раз пытались истребить. Сахалинского горного кота вылавли-

⁵⁰ Название острова, вероятно, дано по названию действующего вулкана Алаид, самой высокой точки Курильских островов.

⁵¹ Ивамото, Кадзухиса. Остров Тюлений и остров Атласова в рассказах Дзюрана Хисао / Кадзухиса Ивамото // Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей / под ред.: Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко ; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой, И. В. Расторгуевой ; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2013. – С. 58.

⁵² Инцидент 15 марта 1928 года (яп. 三•一五事件) – массовые аресты членов левых партий в Японии, предпринятые с целью нейтрализовать коммунистическую пропаганду среди рабочих.

⁵³ По названию этой новеллы было дано и общее название всего сборника «Красная лягушка. Новеллы японских писателей». – М., 1973. – 142 с.

вали трижды – в 1908, 1911 и 1930 годах – и решили, что он истреблён. Однако в феврале 1941 года горный кот снова появился в местечке $Hoga^{54}...$ »⁵⁵.

Образ сахалинского кота удерживал воображение героя в течение многих дней. Фотографический снимок чучела кота, представленный в журнале, свидетельствовал о свирепости и бесстрашии этого дикого животного. А рассказ охотившихся за последним сахалинским котом людей поразил героя неординарностью ситуации: «Когда охотники спустили на него собак, он отбил их атаку. Изумлённые охотники приготовились стрелять, но горный кот, сидя на дереве, вдруг помочился прямо на них»⁵⁶.

В новелле сахалинскому горному коту, по представлению героя, предписываются исключительные черты: лапы в сравнении с туловищем «казались устрашающе мощными и длинными», «олицетворяли собой большую силу», «на таких лапах он мог передвигаться почти бесшумно»⁵⁷. Внутреннее коварство и звериная суть горного кота противопоставляются мирному существованию сахалинских лесов: «Я представил себе, как этот лютый зверь, сверкая глазами, бродит в тиши сахалинских лесов. Может быть, на всём Сахалине их осталось всего один-два, да и тех скоро уничтожат»⁵⁸.

История о сахалинском коте в общей композиции новеллы «Чёрный кот» рассматривается как вставной эпизод, включённый в общее повествование новеллы. Но этот эпизод, будучи абсолютно автономным, вносит свои содержательные штрихи и в совокупности с иными композиционными элементами помогает понять авторскую концепцию всего произведения.

Три уровня прочтения новеллы «Чёрный кот»

В новелле отчётливо выделяется несколько возможных уровней прочтения истории с сахалинским котом. Первый, самый безусловный уровень соотносится со сравнением природного коварства сахалинского животного с лишёнными дома кошками токийских улиц: «Кошки <...> были более вороватыми и наглыми. Они беззастенчиво пробирались в дом, даже когда там были люди. Оставляя грязные следы на циновках, они пробегали через комнаты и разваливались где-нибудь на дзабутоне с таким видом, будто предавались воспоминаниям о прошлом. Но стоило им встретиться взглядом с человеком, как они тут же удирали»⁵⁹.

Сахалинский кот, живущий в условиях дикой природы, противостоит любому человеческому началу, а городские кошки, напротив, пытаются проникнуть в человеческое жилище и занять там когда-то им доступное место. Среди бродячих собак и кошек, атакующих дом семьи главного героя, выделяется чёрный кот, своей «гордой осанкой» напоминавший сахалинское животное. Именно с образом этого кота связывается в первую очередь название новеллы.

Бездомному токийскому коту предписываются все качества его сахалинского собрата: «огромный чёрный кот, раза в полтора крупнее обычных котов», «величественный, полный чувства собственного достоинства», «был воплощением мужественности». Названный героем «великолепным экземпляром» уличный кот приковывает внимание находящегося в состоянии долгой болезни героя. Но обнаруженная вскоре тяга кота к воровству еды только умиляет героя, видящего в этом хитром животном достойное порождение человеческого сообщества. Естественный голод, который испытывает бездомный кот, подчёркивается ещё одной фактической деталью. События новеллы происходят в сложные 1940-е годы, когда люди дорожат любой едой, а в семьях отсутствует прежний достаток.

Рис. 16. Сборник рассказов «Красная лягушка» Симаки Кэнсаку, 1948 г.

Второй уровень смыслового содержания новеллы «Чёрный кот» связан с образом матери главного героя. Уже немолодая женщина с упорством возделывает небольшой земельный участок под окнами дома. Но всякий раз её труды вытаптываются желающими проникнуть в дом брошенными животными. Чёрный кот, вызывающий восхищение у сына, становится личным врагом пожилой женщины, которая однажды ловит несчастное животное, а потом собственноручно забивает его палкой в саду. Жестокость матери, как ни странно, оправдывается её практическими интересами - обезопасить дом, вырастить рис и овощи для своего нуждающегося в хорошем питании больного сына. И если сахалинский кот активно сопротивляется уничтожающим его охотникам, то чёрный токийский кот, крепко связанный, молчаливо дожидается своей печальной участи в ванной комнате, а позже, очевидно, даже не издав звука, принимает смерть под банановым деревом.

Третий уровень прочтения новеллы соотносится непосредственно с образом главного героя, для которого жизненная стойкость и упорство сахалинского кота ассоциируются с необходимым желанием противостоять вынужденным обстоятельствам. Сахалинский кот, спасая своё право на существование, вступает в борьбу с охотниками. Главный герой, напротив, до ключевых событий новеллы почти не сопротивляется своему болезненному состоянию, а, напротив, целиком отдаётся ему. Прочитанная в одном журнале история о сахалинском коте, а также непримиримость с голодом чёрного уличного кота заставляют главного героя на некоторое время отвлечься от болезни. При этом герой, предавшись философским раздумьям о брошенном на произвол судьбы коте, позволяет матери совершить убийство животного. Со смертью чёрного кота к герою приходит и осознание исчерпанности собственной жизни.

«В последующие дни, я, как и прежде, на пятнадцать минут выходил в сад погреться на солнышке. Чёрного кота не стало, и вокруг бродили лишь какие-то противные твари. Они были глупыми и скучными, как моя болезнь, болезнь человека, который не знает, когда поправится. И я стал ненавидеть их ещё больше, чем прежде», – такими словами завершается новелла Симаки. Главный герой смиряется с неотвратимостью нависшего над ним смертельного приговора⁶¹.

Тем самым вставная история о сахалинском коте позволяет читателю понять смысл новеллы через образы персонажей разного уровня. Предшествующий основному содержанию новеллы «Чёрный кот» рассказ о сахалинском животном (позже уже не упоминаемом на страницах этого произведения) придаёт всему тексту некое равновесие, определяя идейно-тематический замысел лаконичного эпического повествования Симаки.

Новелла «Красная лягушка» (яп. 『赤蛙』, 1946), как и история о чёрном коте, была создана писателем незадолго до смерти. Мотив умирания, преждевременного расставания с жизнью становится ведущим и в этом автобиографическом произведении, основное действие которого разворачивается недалеко от храма Сюдзэндзи на полуострове Идзу.

⁵⁴ Современное название – Чехов Сахалинской области.

⁵⁵ Симаки, Кэнсаку. Чёрный кот / Кэнсаку Симаки ; пер. с яп. Д. Бугаевой // Современная восточная новелла. № 36. Новеллы японских писателей. – М., 1968. – С. 132–133.

⁵⁶ Там же. – С. 133.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. – С. 135.

⁶⁰ Там же. – С. 136.

⁶¹ В образе главного героя новеллы «Чёрный кот» можно усмотреть автобиографические черты Симаки, который был болен туберкулёзом, а большую часть времени проводил в стенах родного дома.

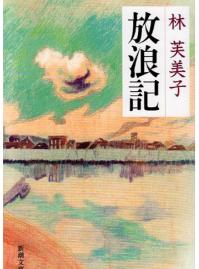

Рис. 17. Книга Хаяси Фумико «Скитания», 1979 г.

1.7. Хаяси Фумико и её сахалинские дороги

Из биографии писательницы

Японская писательница Хаяси Фумико (яп. 林芙美子, 1903–1951) по одной из версий родилась в городе Модзи префектуры Фукуока, по другой – в городе Симоносэки префектуры Ямагути. Родной отец, которого звали Мията Асатаро (яп. 宮田麻太郎, 1882–1945), и мать писательницы Хаяси Кику (яп. 林丰夕, 1868–1954) не состояли в законном браке. Мията, имевший любовную связь на стороне, вскоре стал тяготиться заботами о дочери и её матери. Когда Хаяси было семь лет, её мать покинула дом вместе с работником магазина своего гражданского мужа. Приёмного отца девочки звали Саваи Кисабуро (яп. 沢井喜三郎, 1888–1933), он был старше своей избранницы на двадцать лет.

Сбежавшая любовная пара занималась розничной торговлей в городах Кюсю, часто переезжая с места на место. По этой причине с самого детства Хаяси была вынуждена скитаться по западной Японии, меняя одну школу за другой. В четырнадцать лет с опозданием в два года она

окончила младшую школу в городе Ономити. По совету учителя, который заметил литературные способности своей подопечной, уже в то время сочиняющей первые пятистишия, Хаяси продолжила обучение в старшей школе для девочек. Она сама платила за обучение, подрабатывая вечерами на фабрике, а по выходным — в заведении по продаже лапши. С восемнадцатилетнего возраста под псевдонимом Акинума Ёко (яп. 秋沼陽子) она стала публиковать свои стихотворения в местных газетах.

Во время обучения в старшей школе Хаяси встретила своего первого возлюбленного, студента школы коммерции в Ономити. В 1921 году он переехал в Токио для продолжения обучения в университете Мэйдзи. В столицу молодой мужчина позвал завершающую учёбу в школе Хаяси. В 1922 году, окончив школу, девушка отправилась в Токио, где стала самостоятельно зарабатывать на жизнь, пробуя себя в разных профессиях. Когда в Токио переехали её мать с приёмным отцом, она помогала им заниматься торговлей. После землетрясения Канто, случившегося в сентябре 1923 года, семья девушки на некоторое время опять вернулась в Ономити. С этого времени Хаяси начала писать под своим настоящим именем. Снова появившись в Токио в 1924 году, она завела знакомства с известными поэтами и писателями того времени. Творческие встречи с Цубои Сигэдзи (яп. 壺井繁治, 1897–1975), Такахаси Синкити (яп. 高橋新吉, 1901–1987), Оно Тодзабуро (яп. 小野十三郎, 1903–1996), Хирабаяси Тайко (яп. 平林たい子, 1905–1972) и другими авторами того времени укрепили в Хаяси желание заниматься литературой. Спустя несколько лет она начала жить в гражданском браке с художником Тэдзукой Рокубином (яп. 手塚緑敏, 1902–1989), который активно поддерживал Хаяси в её творческих устремлениях.

В феврале 1928 году в журнале «Нёнин Гэйдзюцу» (яп. 『女人芸術』, 1928–1932), изданием которого руководила известная поэтесса Хасэгава Сигурэ (яп. 長谷川時雨, 1879–1941), было напечатано стихотворение Хаяси «Просяное поле» (яп. 『黍畑』), а затем там же в течение двух лет по частям публиковался автобиографический роман «Скитания» (яп. 『放浪記』). Получив денежную помощь от друзей, в июне 1929 года Хаяси смогла напечатать сборник стихов «Любуюсь бледным конём» (яп. 『蒼馬を見たり』). В 1930 году в издательстве «Кайдзося» (яп. 『改造社』) вышло продолжение её романа «Скитания», основанного на дневниковых записях 1922–1928 годов. Обе части «Скитаний» были высоко оценены критикой и ста-

ли хорошо продаваться, что для того времени было не характерно. После издания автобиографической книги к Хаяси пришла заслуженная известность.

Поездка Хаяси Фумико на Сахалин

В творчестве Хаяси обнаруживается одна особенность – постоянное стремление к путешествиям. Первое объёмное эпическое произведение «Скитания» почти целиком посвящено поездкам по разным местам, поиску своего дома. Мотив путешествия стал основным и в других произведениях. Хаяси странствовала не только по Японии, но и за границей. На свой первый авторский гонорар от продажи «Скитаний» писательница совершила две самостоятельные поездки в Китай в 1930 году, позже ей ещё не раз приходилось бывать в Китае. В ноябре 1931 года, проехав Корею и Сибирь, она побывала во Франции и в Англии. Впечатления от этих и других поездок отразились в сборнике под названием «Мои путевые заметки» (яп. 『私の紀行』, 1939), а также в ряде иных произведений писательницы⁶².

В 1934 году Хаяси решила побывать на Сахалине. О причине этой поездки она писала так: «Я отправилась в это северное путешествие не по такой пустяковой причине, как творческий кризис, это была поездка с целью уйти от различных невидимых мучений» 63.

Подробности поездки по Сахалину зафиксированы в очерках «Путешествие на Карафуто» (яп. 『樺太への旅』, 1934). Географически повествование начинается, когда писательница прибывает в Вакканай. Переезд из Вакканая до Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области) на небольшом судне «Анива-мару» занял восемь часов. В порт Оодомари писательница прибыла 4 июня в 16 часов, в Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области) была уже в 18 часов того же дня. «Дороги плохие, в городе довольно грязно» писата Хаяси о первых часах пребывания на Сахалине. Наблюдая из окна поезда, следующего в Тоёхару, за проносящимся пейзажем, Хаяси была поражена отсутствием деревьев. Писательница с удивлением отмечала, что вокруг были «только одни пеньки от деревьев, будто на кладбище проложили рельсы» Вместе с Хаяси в поезде ехало много людей, одетых по-европейски, но ей в тот момент казалось, что «все они едут, чтобы рубить лес» 66.

В Тоёхаре писательница остановилась в гостинице «Ханая», расположенной рядом с железнодорожным вокзалом. На следующий день в сопровождении сотрудников сахалинского филиала газеты «Асахи» (яп. 『朝日新聞』) Хаяси отправилась на экскурсию в посёлок Конума (современное название – планировочный район Ново-Александровск города Южно-Сахалинска). Посёлок находился через две станции – Кита-Тоёхара (современное название – станция «Южно-Сахалинск-Грузовой») и Кусано (современное название – планировочный район Луговое города Южно-Сахалинска) – на север от Тоёхары. От вокзала до сельскохозяйственной опытной станции Хаяси и сотрудники газеты шли пешком по широкой дороге. «Деревянное помещение станции, – позже отмечала писательница, – до сих пор отапливалось печкой, а из умывальника шёл пар. Несмотря на то, что по календарю уже наступил июнь, на улице было очень холодно. Вероятно, из-за дождя»⁶⁷.

⁶² Подробнее о путешествиях Хаяси Фумико и её дневниках см.: Сулейменова, А. М. Военные дневники писательницы Хаяси Фумико / А. М. Сулейменова // Проблемы литератур Дальнего Востока. VI Международная научная конференция. 25–29 июня 2014 г.: сборник материалов / отв. ред.: А. А. Родионов, Гуань Цзисинь, П. Л. Гроховский. – СПб.: изд-во «Студия "НП-Принт"», 2014. – Т. 2. – С. 417–425.

⁶³ Хаяси, Фумико. Карафуто-э но таби (Путешествие на Карафуто) / Фумико Хаяси // Хаяси, Фумико. Таби даёри (Вести из путешествий). – Токио: Кайдзося, 1934. – С. 104. (Здесь и далее по тексту перевод из этого издания выполнен А. С. Никоновой.)

⁶⁴ Там же. – С. 76.

⁶⁵ Там же. – С. 77.

⁶⁶ Там же. – С. 78.

⁶⁷ Там же. – С. 87.

После осмотра станции путешественники отправились на лисий питомник.

Питомник был обнесён широкой проволочной сеткой. Маленьких лисят, только оторванных от самок, содержали в большой деревянной коробке в доме сторожа, расположенного рядом с питомником. Кормили лисят удивительно сытно: говядиной, яйцами и молоком. Возвращались назад в Тоёхару путешественники на машине, так как на поезд не успели. По пути Хаяси обратила внимание на мелькающие время от времени русские бревенчатые дома, увидела одетую в кимоно русскую девочку, шедшую из школы.

6 июня на поезде писательница вместе с сотрудником газеты «Асахи» выехала в Сисуку (современное название – Поронайск Сахалинской области). По пути был заезд в Отиай (современное название – Долинск Сахалинской области): «Раньше город был маленьким селом под названием Галкино-Врасское. Теперь же здесь расположен завод "Оодзи Сэйси", это большой город» 68. В своём путевом дневнике Хаяси упоминает также такие населённые пункты, как Сираура (современное название – Взморье Сахалинской области), где русские люди торговали хлебом; Сирутору (современное название – Макаров Сахалинской области), оживлённый по сравнению с Тоёхарой город. В селе Ниитой (современное название – Новое Сахалинской области) Хаяси и её спутник пересели с поезда на автобус, который был набит людьми, и к девяти часам вечера прибыли в Сисуку. На ночь писательница остановилась в гостинице «Акитая», которая стояла на берегу реки Поронай. Первоначально в планы Хаяси входило также побывать на советско-японской границе, но добраться до неё было затруднительно, поэтому решено было ехать в Отасу⁶⁹.

Первым, что увидела писательница в Отасу, была школа. «Есть ли другие такие одинокие школы? Я знаю одну школу, которая расположена в горном ущелье, но даже она не выглядит такой одинокой»⁷⁰, – восклицала Хаяси. Заглянув в класс, где проходил урок пения, писательница обратила внимание, что на уроке присутствовали ученики разного возраста: от первого до шестого класса. Учительница, «толстая женщина босиком, как будто только что пришедшая из кухни, играет на органе»⁷¹. Сначала Хаяси познакомилась с директором школы, а позже узнала, что игравшая на органе женщина приходится мужчине супругой. «Вскоре директор школы достал и показал мне детские рисунки. На всех стояли интересные подписи. Например, было написано: "Девочка-уйльта, 11 лет, Ханако", "Девочка-нивха, 8 лет, Момоко" и другие»⁷². Хаяси отмечала, что было много рисунков оленей или медведей, а вот пейзажные зарисовки почти отсутствовали, поскольку местность, расположенная в тундре, не представляла какого-то интереса.

Выйдя из школы, писательница увидела сахалинских лаек перед небольшим бревенчатым домом. Также Хаяси запомнилось, как «на берегу, словно бамбуковой шторой, была вывешана коптиться сельдь»⁷³. Обратила внимание писательница и на располагавшийся на окраине дом знаменитого купца Дмитрия Винокурова (1884–1942)⁷⁴ – «короля оленей». Местные жители рассказали Хаяси о

такой примете на доме торговца: если на окнах дома были опущены кружевные занавески, то это означало, что все ушли на выгон оленей, и никого дома нет.

Сисуку писательница называет передовым городом, в котором есть много кафе и ресторанов. Здесь она встретилась с работниками маленького газетного издательства, вместе с ними зашла пострелять в местный тир. Хаяси писала, что в Сисуке совсем короткая ночь: «Может, потому что было лето, но в два часа ночи уже начинает светать»⁷⁵. Последним местом путешествия в её повествовании стало озеро Тарайка, «пейзаж которого не походил ни на японский, ни на российский»⁷⁶. Из всех увиденных на острове мест город Сисука запомнился писательнице больше всего. «Я даже подумываю, – размышляла Хаяси, – написать какой-нибудь небольшой рассказ на фоне Сисуки»⁷⁷.

Действительно, «Путешествие на Карафуто» – это не единственная книга писательницы о Сахалине. Островной край упоминается и в других её произведениях: в эссе «Берег реки Поронай» (яп. 『幌内河畔』, 1938), в рассказах «Песня реки» (яп. 『川歌』, 1942), «Белая куропатка» (яп. 『雷鳥』, 1951) и других.

Исследовательница творчества Хаяси профессор Ямасита Киёми подмечает важную особенность путевых очерков писательницы: «Вместе с пейзажными зарисовками она в деталях описывает людей, которых встречала в поездках, и совершенно понятно, что её взгляд в произведениях обращён на людей. Получается, что Хаяси Фумико, уставшая от людских отношений и уехавшая из Токио на север, в конце концов, демонстрирует высокий интерес к людям. Куда бы она

ни поехала, она всматривалась в людей и поэтому в своих произведениях описывала их жизнь. Это было основной особенностью её творчества»⁷⁸.

Рис. 18. Русское издание произведений Хаяси Фумико «Шесть рассказов», 1960 г.

Произведения Хаяси в России

Произведения Хаяси несколько раз публиковались и переиздавались на русском языке в XX веке, однако это не привело к повышенному интересу и появлению новых переводов произведений писательницы. Первой русской книгой Хаяси стал изданный в 1960 году неприметный сборник в сто тридцать пять страниц с общим названием «Шесть рассказов» В книгу вошли написанные и изданные в разные годы эпические истории: «Ночные обезьяны» (яп. 『夜猿』, пер. Д. Андреева и З. Рахима), «Алмазы Борнео» (яп. 『ボルネオダイヤ』, пер. З. Рахима и А. Хмельницкого), «Марш» (яп. 『軍歌』, пер. Д. Андреева и З. Рахима), «Поздняя хризантема» (яп. 『晚 菊』, пер. Д. Андреева и З. Рахима), «У плотины» (яп. 『河沙魚』, пер. В. Смирнова) и «Макиэ» (яп. 『牛肉』, пер. Я. Берлина и З. Рахима).

Сборник рассказов японской писательницы сопровождён небольшим предисловием известного

⁶⁸ Хаяси, Фумико. Карафуто-э но таби (Путешествие на Карафуто) / Фумико Хаяси // Хаяси, Фумико. Таби даёри (Вести из путешествий). – Токио: Кайдзося, 1934. – С. 92.

⁶⁹ Посёлок, расположенный в границах округа Сисуки, был основан в 1926 году японцами и получил название «Роща Отасу» (яп. 『オタスの杜』). В нём проживали сахалинские аборигены—нивхи и уйльта.

⁷⁰ Хаяси, Фумико. Карафуто-э но таби (Путешествие на Карафуто) / Фумико Хаяси // Хаяси, Фумико. Таби даёри (Вести из путешествий). – Токио: Кайдзося, 1934. – С. 100.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. − С. 102.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Подробнее о Д. П. Винокурове см. следующую книгу: Вишневский, Н. В. Отасу: этнополитические очерки [ред кол.: Т. П. Роон (отв. ред.) и др.]; Государственное бюджетное учреждение культуры «Сахалинский областной краеведческий музей». — 2-е изд., доп. — Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2013. — С. 165—213.

⁷⁵ Хаяси, Фумико. Карафуто-э но таби (Путешествие на Карафуто) / Фумико Хаяси // Хаяси, Фумико. Таби даёри (Вести из путешествий). – Токио: Кайдзося, 1934. – С. 106.

⁷⁶ Там же. – С. 107.

⁷⁷ Там же. – С. 108.

 $^{^{78}}$ Ямасита, Киёми. Миядзава Кэндзи то Хаяси Фумико ни окэру, Карафуто (Сахарин) (Сахалин в творчестве Миядзавы Кэндзи и Хаяси Фумико) / Киёми Ямасита // Гэйбунко, Нихондайгаку дайгакуин гэйдзюцугаку кэнкю:ка бунгэйгаку сэнко. — Токио, 2013. — № 18. — С. 148.

⁷⁹ Хаяси, Фумико. Шесть рассказов / Фумико Хаяси // пер. с япон., пред. Ильи Эренбурга. – М.: изд-во «Иностранная литература», 1960.

⁸⁰ Интересно, что это произведение Хаяси Фумико в том же году было напечатано в сборнике «Восточный альманах» (1960, № 2) в переводе И. Л. Иоффе, работавшей под псевдонимом Ирина Львова.

Рис. 19. Фильм по книге Хаяси Фумико «Плывущие облака», 1955 г.

прозаика, поэта и переводчика (французского и испанского языков) Ильи Эренбурга (1891–1967). Эренбург даёт читателям довольно полное представление о достоинствах прозы Хаяси: «Проза Хаяси Фумико сильна тем, что автор не доказывает, а показывает, предоставляя читателю, дочитав книгу до конца, над многим задуматься» Эренбург, смело поставив героев японской писательницы в один ряд с яркими персонажами и «Чехова, и Мопассана, и Лу Синя, и Хемингуэя, и Прем Чанда, и Моравиа» 7 относит к особенностям прозы Хаяси наличие правдивости, сострадание к героям, соседство «лирических пейзажей» с «грубым диалогом».

Ровно через год после издания «Шести рассказов» в серии издательства «Иностранной литературы» вышла новая книга – «Японская новелла. 1945–1960» которую включены прозаические произведения почти тридцати японских писателей (Абэ Кобо, Дадзая Осаму, Кавабаты Ясунари, Нагаи Кафу, Танидзаки Дзюнъитиро, Эдогавы Рампо и др.). Из творчества Хаяси отобрана одна новелла – «На окраине» (яп. Г

ведений Хаяси на русском языке стал сборник «Современная японская новелла. 1945–1978» (1980). В эту книгу вошли произведения двадцати девяти писателей из Японии (Дадзая Осаму, Иноуэ Ясуси, Исикавы Дзюна, Оэ Кэндзабуро, Мори Ёсио и др.). Однако представленная в этой книге новелла Хаяси «Поздние хризантемы» являлась повторной публикацией из книги «Восточный альманах» (1960). Эта новелла ранее была переведена Ириной Львовой.

Почти неизвестными в России остаются и экранизированные версии книг Хаяси. В мае 2001 года «Японским Фондом» (яп. 国際交流基金) в Москве были показаны несколько фильмов Нарусэ Микио (яп. 成瀬巳喜男, 1905–1969), в том числе и созданные по произведениям Хаяси кинокартины «Семейная жизнь» (яп. 『めし』, 1951), «Поздние хризантемы» (яп. 『晩菊』, 1954), «Плывущие облака» (яп. 『浮雲』, 1955) и «Дневник бродяги» (яп. 『放浪記』, 1962). Однако на широком экране для большой зрительской аудитории эти фильмы не демонстрировались.

О Хаяси на русском языке

Недостаточное количество переводов писательницы на русский язык не способствует появлению обширных критических работ или иного рода материалов, посвящённых Хаяси. На русскоязычных сайтах в Интернете тем не менее обнаруживаются лаконичные информационные справки о Хаяси. В частности, на разных сайтах дублируется небольшая биобиблиографическая статья, которая была опубликована в составе восьмого тома «Краткой литературной энциклопедии» (1975) и «Большой советской энциклопедии» (1969–1978). Автор биографических данных о Хаяси в этих изданиях – знаменитый востоковед, специалист в области японской литературы Ким Ле Чун (псевдоним – Ким Рёхо, род. 1928). В книге

⁸¹ Эренбурга, И. Предисловие // Хаяси, Фумико. Шесть рассказов; пер. с яп. / Фумико Хаяси; предисл. Ильи Эренбурга; сост. и ред. П. Петров. – М.: изд-во «Иностр. лит-ра», 1960. – С. 5.

Кима Рёхо «Русская классика и японская литература» (1987), а также в одной из критических статей учёного (1991) можно найти переведённое Вячеславом Куприяновым (род. 1939) стихотворение Хаяси «Милая Катюша» (яп. 『いとしのカチューシャ』, 1928). Также в работах учёного можно найти информацию о том, какое влияние оказал роман Льва Толстого (1828–1910) «Воскресение» (1889–1899) на творчество японской писательницы. Вместе с этим в монографии, посвящённой литературным связям России и Японии, приводится объёмная цитата из романа Хаяси «Скитания». «Героиня Хаяси Фумико, – пишет Ким Рёхо, – так же, как и Катюша, оказалась на одной из крайних ступеней унижения человеческой личности, но это не стало непреодолимым препятствием для её духовного развития. Оказавшись в жизненном тупике, она порой впадает в безысходное отчаяние, но все же берёт верх её прирождённый оптимизм, и она находит своё место в мире» 88.

Ким Рёхо утверждает, что известность «Скитаний», ставших настоящим японским бестселлером, объясняется реминисценциями из толстовского «Воскресения». Популярность творчества Λ ьва Толстого в Японии обеспечила внимание японских читателей к талантливой соотечественнице.

Из числа собственно критических и биографических материалов о Хаяси в числе прочего можно отметить статью К. А. Пак «Японские писательницы XX века» вошедшую в коллективный сборник «Россия и Япония: гуманитарные исследования. Материалы российско-японских научных конференций» (2005). В работе Ксении Пак даются подробные сведения о таких произведениях, как «Плачущий ребёнок» (яп. 『泣虫小僧』, 1934), «Устрица» (яп. 『牡蠣』, 1935), «Бурное течение» (яп. 『うず潮, 1948』), и других.

Художественное наследие Хаяси в России начала XXI века представлено в общих чертах и не даёт читателям возможности проследить по переводам всю творческую эволюцию японской писательницы, работавшей не только в эпических жанрах, но выступавшей как лирик, журналист и критик. Факт пребывания японской писательницы в 1934 году на Сахалине вскрывает малоизвестную часть творческой жизни Хаяси – её публицистических статей и дневниковых повествований.

⁸³ Японская новелла. 1945–1960 ; пер. с япон., пред. А. Чаковского. – М. : изд-во «Иностр. литра», 1961.

⁸⁴ Хаяси, Ф. На окраине // Японская новелла. 1945–1960 / пер. с япон., пред. А. Чаковского // Ф. Хаяси. – М.: изд-во «Иностр. лит-ра», 1961. – С. 395–408.

⁸⁵ Рассказ Хаяси Фумико переведён как «Поздняя хризантема», а в кинофильме это название использовано во множественном числе.

⁸⁷ Ким, Рёхо. К истории восприятия романа «Воскресение» в Японии / Рёхо Ким // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1991. – С. 165–188.

⁸⁸ Там же. – С. 168.

⁸⁹ См.: Пак, К. А. Японские писательницы XX века / К. А. Пак // Россия и Япония: гуманитарные исследования. Материалы российско-японских научных конференций. — Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 2005. — С. 87–104 (конкретно о Хаяси Фумико. — С. 97–99).

ГЛАВА 2. САХАЛИН КАК ФАКТИЧЕСКАЯ И КАК МАЛАЯ РОДИНА ЯПОНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

2.1. Сахалин в жизни и творчестве Огумы Хидэо

Страницы биографии

Творчество японского поэта, писателя, литературного критика и художника Огумы Хидэо (яп. 小熊秀雄, 1901–1940) незаслуженно забывается год от года. Между тем авангардистские стихотворные эксперименты Огумы вписаны в разные антологии японской литературы первой половины XX века, память о поэте увековечена в нескольких литературных музеях на Хоккайдо (Саппоро, Асахикава,

Рис. 20. Книга «Из современной японской поэзии», 1971 г.

Отару), ежегодно (с 1968 года) за заслуги в литературе и искусстве присуждается премия Отумы. Переведённые на несколько языков мира (на английский язык⁹⁰ Дэвидом Гудманом, на русский⁹¹ – Анатолием Мамоновым и др.) произведения Огумы расширяют границы национальной японской литературы.

В России имя Огумы практически неизвестно. Исключение составляет только небольшая подборка стихотворений поэта на русском языке в книге «Из современной японской поэзии» (1971). Отдельные фрагменты стихотворений Огумы, упоминания о нём можно найти в монографических исследованиях А. А. Долина («Новая японская поэзия» (1990), «История новой японской поэзии» (2007) и др.). При этом полная биография поэта и входящая в неё «сахалинская» часть жизни Огумы всё ещё не написаны.

По официальным документам Огума появился на свет на севере Японии, в портовом городе Отару 9 сентября 1901 года. Однако сам поэт утверждал, что родился двумя годами раньше, осенью 1899 года. Биография Огумы полна многочисленных расхождений: это касается не только времени рождения, но и других важных фактов. Отца поэта звали Мики

Сэйдзиро (яп. 三木清次郎, 1864–1928), он был родом из крестьянской семьи, занимался портновским ремеслом и не мог обеспечить сыну получения необходимого образования. Мать поэта – Огума Мацу (яп. 小魚 1871–1904), у которой до вступления в брак уже была дочь по имени Хацу (яп. ハツ, 1894–?), умерла в 1904 году от туберкулёза. После смерти жены отец будущего поэта вновь вступил в брак, отдав Хацу на усыновление чужим людям, и очень скоро покинул Отару, обосновавшись в городе Вакканай на севере Хоккайдо. В то время в Вакканае жило не менее девяти тысяч человек. Этот город, как и Отару, был портовым, а значит – живым, многолюдным, растущим. В Вакканае отец поэта мог рассчитывать на некоторую материальную стабильность. К тому же его новая жена была родом из этого города. Но очень скоро, оставив Огуму на попечение родной тёти из префектуры Акита, супруги в поисках лучшей жизни поехали на Сахалин. Два года, проведённые вместе с тётей, сохранятся в памяти поэта как счастливейшее время в его жизни.

Переезд на новое место

В 1914 году было принято решение, что Огума переедет из Акита к отцу в Томариору (современное название – Томари Сахалинской области). С пятнадцатилетнего возраста Огума пытался самостоятельно обеспечить себя случайными заработками: подковывал коней на кузнице, выходил на промысел в море, собирал морскую капусту, рубил дрова, нанимался сторожем. Он потерял два пальца на правой руке, работая на заводе в Томариору. На Сахалине отец и мачеха Огумы приняли решение удочерить одну девочку. Причиной такого поступка стало отсутствие в браке совместных детей. Это решение для Огумы тяжело отозвалось в будущем.

Йроходя медицинское освидетельствование перед началом службы в армии, в семейных записях он обнаружил прочерк в той графе, где должно было стоять имя физического отца. Это обстоятельство наложило на поэта статус внебрачного сына, в то время как у приёмной дочери отца были все юридические полномочия. С момента открытия горькой правды (непризнание отцом сына) Огума отказался от отцовской фамилии Мики (яп. 三木) и взял себе родовую фамилию матери − Огума. Под этим именем поэт получил широкую известность ещё при жизни, исключительно этим именем были подписаны все его произведения.

Ещё одной горькой правдой для Огумы стала новость о том, что приёмная дочь Тиэ забеременела от отца поэта. Со временем обида на отца несколько сгладилась. К отцу на Сахалин двадцатичетырехлетний Огума привёз свою молодую жену. Приехал на Сахалин поэт и в трагические дни, чтобы проводить отца в последний путь в 1928 году.

Начало творческого пути

В 1921 году Огуму призвали в армию, командируя его для службы в родной город Отару. А уже спустя год молодой человек переехал в город Асахикава, где жила его сестра Хацу, с которой он не виделся семнадцать лет. Вскоре с помощью Хацу он устроился на работу в издательство газеты «Асахикава» (яп. 旭川新聞社) в качестве репортёра. Там же он начал писать небольшие очерки, стихи и рассказы для детей. Первые литературные успехи дали возможность начинающему автору создать журнал «Круглая шляпа» (яп. 『円筒帽』). В 1925 году Огума женился на учительнице музыки Сакимото Цунэко (яп. 崎本つね子, 1903—1982). Но их брак нельзя было назвать безоблачным: безденежье, болезнь мужа, частые переезды, творческие неудачи — всё это отражалось на взаимоотношениях молодых людей, только связавших себя узами семейного союза. За время супружества у Огумы родились дети, неотступно следующие за своими переезжающими с одного места на другое родителями.

Популярность к поэту пришла уже к концу 1920-х годов. В 1928 году Огума вторично отправился в Токио (во время первой поездки в 1925 году ему не удалось устроиться в столице), где он присоединился к «Обществу пролетарских поэтов». В столице Огума читал книги русских революционеров, писал сатирические произведения и критические статьи о современном состоянии поэзии, коренным образом меняя весь ритмический строй и благозвучие японских силлабических стихов.

В Токио, а позже в Нагасаки поэт активно изучал книги о революционном движении в России, и, конечно же, много писал сам, размышляя о необходимости обновления поэзии. В 1931 году Огума вступил в пролетарский писательский клуб. В это же время японское правительство начало подавлять развитие пролетарского литературного движения. Для Огумы политика и поэзия были неразделимы: поэт не понимал, как можно не выражать в стихах свою позицию. Несмотря на опасности, которыми была чревата жизнь любого сторонника пролетарского движения в Японии, Огума продолжил в стихах и прозе разоблачать лицемерие имущего класса. Однако полностью претворить новые принципы в литературе ему не удалось.

Жизнь поэта оборвалась преждевременной смертью в городе Токио. В возрасте 39 лет 20 ноября 1940 года Огума, как когда-то и его мать, умер от туберкулёза. Его супруге суждено было дожить до 79 лет, Сакимото Цунэко ушла из жизни в 1982 году.

⁹⁰ Goodman, David G. Long, Long Autumn Nights: Selected Poems of Oguma Hideo, 1901–1940. Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan, 1989.

⁹¹ Огума, Хидэо. Кондо, Ёсими. Из современной японской поэзии. – М., 1971. (В этом же издании представлены и биографические сведения о поэте.)

Влияние русских писателей на творчество поэта

Четвёртую часть всей своей короткой жизни поэт провёл на Сахалине, воспоминания о котором неизменно пронизывают значимую часть его творческого наследия. Большинство произведений Огумы возникло под влиянием симпатии к России: её истории и культуре. Поэт неоднократно рассказывал о своём восхищении Россией, о душевном родстве с мировоззрением русских писателей, о внутренней близости с идеологией русских революционеров. Не случайно и Сахалин Огума считал своей духовной колыбелью.

Ориентируя японских читателей на русскую литературу, Огума обращался в своих стихотворениях к Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Маяковскому и Есенину. Известно, что Огума смастерил самодельный томик пушкинских стихов в собственных переводах, которые при случае читал своим друзьям и знакомым. Интересно, что и внешне японский поэт выглядел немного похожим на Пушкина. Многочисленные фотоснимки Огумы свидетельствуют о том, что поэт был невысокого роста. Лицо его отличалось правильными и красивыми чертами, широкими выразительными глазами, точно очерченной линией губ и самое главное – густой копной чёрных вьющихся волос.

Пушкин был не единственным кумиром японского поэта. Так, например, в стихотворении «Действительность канатоходца» (яп. 『綱渡りの現実』) Отума цитировал предсмертные слова Гоголя. А стихотворение «Гром» (яп. 『カミナリ』) полностью посвятил Лермонтову: неординарные поступки и короткая жизнь русского поэта XIX века сравнивались Огумой с ударом разящей молнии.

Отход от канонических форм японской поэзии, обращение к объёмным формам стихотворного повествования, нетрадиционные метафоры, яркие риторические фигуры позволили Огуме считать себя последователем Маяковского. Огума стилизует голос русского поэта-футуриста в стихотворении «Языком Маяковского» (яп. 『マヤコオフスキイの舌にかはつて』):

ウラジミル・マヤコオフスキイよ 君の舌はこの世にないから もうこの世ではしゃべれないだらうから 私がかわつて過去から 君の舌の仕事を引き継がう Маяковский, Трибун Маяковский! Твой рот исторгал, словно пламя из доменной печи, Громадины слов. Теперь его нет, но в строчках прямых

Шествует слово

по всей

планете! (Пер. с яп. яз. А. Мамонова)

Стихи Маяковского и Есенина японский поэт считал образцом революции, «комментарием к Октябрю». Не забывал при этом Огума и лидеров русской революции. Например, в стихотворении «Мать крепко пожала руку сыну» (яп. 『母親は息子の手を』), поэт вспоминает Ленина, возвращавшегося из сибирской ссылки.

Наряду с конкретными именами русских писателей и революционеров Огума создаёт и обобщённый образ всего русского народа, наиболее удачно представленного в стихотворении «О Волга-река!» (яп. 『ヴォルガ河のために』). Воды величественной реки, вобравшей в себя народную скорбь, – это символ многострадальной женской души необъятной России:

沈着な河、ヴォルガよ、 君はいま歴史を貫く国を 貫ぬいてゐる、 正義の河と言へるだらう。 О Волга, ты мужества символ, Ты течёшь по великой стране, Что диктует законы истории. Как хочу я назвать тебя Рекой Справедливости, Волга! (Пер. с яп. яз. А. Мамонова)

Литературное наследие поэта невелико: ещё при жизни им был собран материал для трёх изданий, два из которых – «Сборник стихов Огумы Хидэо»

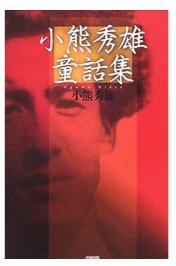

Рис. 21. Сборник сказок Огумы Хидэо, 2006 г.

冬が襲つてきた、 他人に不意に平手で 激しく、頬を打たれたときのやうに、 しばらくは呆然と 自然も人間も佇んでゐた。 褐色の地肌は一晩のうちに 純白な雪をもつて、掩ひ隠くされ

(яп. 『小熊秀雄詩集』) и «Летящие сани» (яп. 『飛ぶ橇』) — были опубликованы до 1935 года, а сборник «Кочевники» (яп. 『流民詩集』, 1947) вышел в свет уже после смерти его автора. Сказки и фантастические истории: «Обманутая рыба» (яп. 『焼かれた魚』), «Рассказ о белой камбале» (яп. 『白い鰈の話』), «Луна и бандиты» (яп. 『お月さまと馬賊』), «Рыбак Мосаку и сигаретный дым» (яп. 『たばこの好きな漁師』), «Фокусник» (яп. 『或る手品師の話』), «Старая курица» (яп. 『鶏のお婆さん』), «Рассказ о корове и быке, состоявших в браке» (яп. 『或る夫婦牛の話』), «Непочтительный к родителям дятел» (яп. 『親不孝なイソクソキ』) — эти произведения Огумы памятны многим японским читателям и сегодня.

«Летящие сани» жизни

«Летящие сани» – это самое объёмное лироэпическое повествование Огумы, посвящённое сахалинским айнам. В поэме прославляется могучий дух малочисленного народа, противостоящего неукротимым силам северной зимы:

Зима рванулась в атаку — Как будто наотмашь Ладонью Ударили по щеке... На какое-то время растерянно И природа, и люди застыли... Бурая кожа земли За вечер Покрылась чистейшим снегом.

(Пер. с яп. яз. А. Мамонова)

Умирающий айнский народ вступает в борьбу с природной стихией, породившей и кормящей его. Неукротимость и ярость зимних ветров созвучны духовной и физической стойкости айнов.

Несложными, импрессионистическими штрихами рисует поэт образы сахалинской природы («снежная крыша», «словно закоченела» изба, «холодный снег», «ветер студёный», ветер, «ползущий с моря») и людей, готовящихся к «вторжению ветра и снега». При этом в контексте описания природного колорита сахалинской зимы Огума поднимает и вопросы социальной справедливости:

これらの冬の準備は、 北国の人々の敏感さで、 金のある者は有るやうに、 金のないものは又無いやうに、 それぞれの予算の中で 非常な素早さをもつて手順よく行はれた Северяне, с их чуткостью к переменам, Тщательностью и быстротой, Готовились встретить зиму. Готовились Каждый по-своему: Имеющий деньги – по-своему, Не имеющий денег – по-своему. (Пер. с яп. яз. А. Мамонова)

Реалии природного уклада Сахалина даются поэтом как художественный образ северной природы, не привязанной к какому-либо конкретному географическому месту. Тем не менее одна из хрестоматийных цитат поэта – «У природы чистое сердце», вполне вероятно, родилась от соприкосновения с миром сахалинской природы, её первозданной красотой.

В центре поэмы – дружба между айном по имени Ёцуцудзи Гонтаро (яп. 四辻 権太郎), (айнское имя – Икубасюй) и японским лесником, который волею судьбы оказался на Сахалине. В поэтическом повествовании Гонтаро не раз приходит на помощь леснику. Однажды во время охоты он перенёс своего друга на плечах через бурный поток реки:

山林官は水の流れの激しさに 暫し躊躇してゐると 権太郎は肩幅の広い背をつきだして おんぶすれといつてきかない アイヌは獣よりも 確かな敏捷な足どりをもつて 飛石伝ひに彼を対岸まで運んだ、 山林官はその時のことを覚えてゐる

Он увидел, что лесник стоит, Не решаясь перейти бурный поток. Тогда Гонтаро подставил ему Свою широкую спину И приказал взбираться. Твёрдой и быстрой походкой – Лучше, чем у любого зверя – Айн перенёс его на другой берег. Лесник помнил об этом.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

В поэме критикуется вторжение японцев на земли традиционного проживания айнов. Жители Сахалина называются «отбросами жизни». Айны и японцы противопоставляются по умению охотиться, по отношению к пойманной на охоте добыче.

Так, несмотря на первоклассное ружьё и удачную позицию для стрельбы, японцу на охоте удаётся подстрелить только пару птиц из трёх десятков. И тогда Гонтаро обучает своего друга стрельбе из ружья. Он подманивает птиц и выстреливает: птицы, словно зрелые фрукты, падают вокруг. Гонтаро объясняет, что охотник должен стрелять по дереву снизу вверх, даже если наиболее желаемая добыча сидит на самом верху. Исход охоты не зависит от модели и срока службы ружья, всё определяется мастерством охотника. Ружьё у японца новое, у айна - старой модели, использующейся уже двадцать лет. Для айна ружьё – это продолжение руки. Лесник всегда просит айна сопровождать его, отправляясь на охоту.

Отдельное место в поэме отведено описанию ездовой породы собак - сахалинским лайкам, известным также под названием Карафуто-кэн (яп. 樺太犬):

Когда на горизонте

Рис. 22. Книга Огумы Хидэо «Летящие сани», 1935 г.

Он посвистел. 小屋が見えたとき彼はピュと口笛を吹いた、 В эту минуту すると小屋の板戸は激しく バタンと音して開き И целая орда животных 中から一団の生物の固まりがとびだし 疾風のやうに路をとんでくる、 Вниз по дороге. 十数匹の犬の群があつた、 Это была свора собак, 彼等はなんと走ることが巧いのだらう、 Дюжина, даже больше. それは走つてゐるのか Как они бежали! 踊つてゐるのか判らない それほど犬達は美しく身をくねらし

Показалась его лачуга, Дверь с грохотом распахнулась, Помчалась, словно ветер, Было даже сложно сказать, Бежали они или танцевали, Так красиво изгибались они всем телом. (Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Свора из тринадцати сахалинских лаек, вожака которой звали Таро, приходит на помощь своему хозяину, когда деревню накрывает лавина. Руку спящего лесника придавливает балкой, сломанной из-за обрушившейся лавины, в доме Гонтаро. Поднять балку не представляется возможным, потому что дом айна охватило пожаром, возникнувшим от очага. Для спасения жизни своему другу, айн отпиливает ему часть руки, которую нужно было как-то освободить из-под завала.

権太郎は自分の帯をほどいて 山林官の腕をかたくしばりだした 傍の鋸をみつけると 梁を伐るのではなく シャモ、がまんしれよ、

山林官の二の腕に鋸をびたりとあてた。 ―シャモ、がまんしれよ

Рис. 23. Сборник стихов Огумы Хидэо на английском языке, 1989 г.

Гонтаро развязал свой ремень И плотно обвязал его вокруг руки лесника.

Потом он взял пилу И приложил её: Не к упавшей балке, А к руке лесника. - Терпи, сямо! – Терпи, сямо!

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)⁹²

Свистом Гонтаро подзывает вожака Таро, который послушно выстраивает всех собак в две колоны. На санях, запряжённых упряжкой сахалинских лаек, Гонтаро везёт японца в соседнюю деревню за медицинской помощью.

Кидзима Хадзимэ (яп. 木島始, 1928–2004) называет это произведение «лучшей поэмой, написанной когда-либо на японском языке»⁹³. Признавая, что она не сопоставима по масштабу с пушкинским «Евгением Онегиным» (1825–1837), Кидзима подчёркивает, что «Летящие сани» - это высоко драматичное произведение.

Кроме поэмы, Сахалину Огума посвятил такие произведения, как «Собаки Карафуто» (яп. 『樺太犬』, 1927), «Мотивы Карафуто» (яп. 『樺太節』, 1929). Упоминания о Сахалине есть и в стихотворении «Белая ночь» (яп. 『白い夜』), в котором лирический герой вспоминает одну зимнюю ночь, когда брат следует за своей сестрой, подверженной лунатизму.

Детальное изучение биографии и творчества Огумы, новые переводы из наследия поэта могут продемонстрировать особую симпатию, которую испытывали японцы к русской культуре, её истории в

первой половине XX столетия. Вместе с тем поэзия Огумы становится примером того, как воспринимали в Японии XX века стихотворные эксперименты Маяковского и других русских авангардистов.

2.2. Ямагути Сэйси и его сахалинские стихотворения

Сахалинский период жизни

Японский поэт Ямагути Сэйси (яп. 山口誓子, настоящее имя – Ямагути Тикахико, яп. 山口新比古; 1901–1994) небольшую часть своей жизни провёл на территории Южного Сахалина (1905–1945)⁹⁴. Но «сахалинский» период Ямагути практически не освещён, а иногда в биографические описания вкрадываются ошибки. Между тем именно на Сахалине у поэта зародился интерес к сочинительству, а дальневосточные пейзажи легли в основу первых стихов Ямагути.

 $^{^{92}}$ Словом «сямо» айны называли японцев («сямо», «сисаму» на айнском языке означало «со-

⁹³ Goodman, David G. Introduction: Oguma Hideo: A man in Dark Times / Long, Long Autumn Nights: Selected Poems of Oguma Hideo, 1901–1940. Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan, 1989. Trans. David G. Goodman. – P. 14–15.

 $^{^{94}}$ Π одробнее о творчестве поэта можно узнать из следующего источника: Долин, $A.\ A.\ «Не$ охайку» и поэзия «Асиби» // История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах: 64 т. / А. А. Долин. – СПб.: Гиперион, 2007. – С. 318–333.

«Замёрзшая гавань»⁹⁵ (яп. 『凍港』, 1932) – так была названа основанная на сахалинских воспоминаниях дебютная книга поэта. Тема Сахалина – одна из ярких страниц творческого наследия поэта.

Ямагути Сэйси – старший сын Ямагути Синсукэ (яп. 山口新助) и его жены Минэко (яп. 岑子), родился в Киото в 1901 году. По семейным обстоятельствам воспитание будущего поэта с самого детства легло на плечи его деда по материнской линии Вакита Каити (яп. 脇田嘉一). В восьмилетнем возрасте вместе с дедом Ямагути переехал сначала в Токио, а через три года оказался на Южном Сахалине. Поводом для смены места жительства стало предложение, сделанное Ваките его другом Накагавой Кодзюро (яп. 中川小十郎, 1866–1944), занять пост директора в местной газете «Карафуто нити-нити симбун» (яп. 『樺太日日新聞』). Вакита принял приглашение. И в 1911 году один отправился на Сахалин, а на следующий год вслед за ним на остров вместе с бабушкой приехал и Ямагути.

На Сахалине Ямагути посещал начальную школу в городе Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области). Будучи ещё ребёнком, Ямагути жил в том же доме, где располагалось издательство газеты «Карафуто нити-нити симбун». Это двухэтажное здание находилось на перекрестке улиц Одори и Дзиндзя-дори⁹⁶. В комнате на втором этаже всегда находились недавно изданные журналы, которые доставляли из Токио. И поэтому, придя со школы, мальчик до ночи зачитывался взятыми в издательстве свежими номерами литературного журнала «Центральное обозрение» (яп. 『中央公論』). Дед давал внуку уроки быстрого чтения и тем самым приучил мальчика к литературе. Но воспитание книгами было только одной частью того, что дал Вакита своему внуку. Вместе с дедом мальчик тренировался на лыжах, а иногда смотрел представления гейш в театре Тоёхары.

В 1914 году Ямагути стал посещать и среднюю школу в городе Оодомари (современное название - Корсаков Сахалинской области), которая на тот момент была единственной средней школой на острове. По этой причине будущий поэт переехал из Тоёхары в Оодомари. Здание школы располагалось в бывшем здании казармы гарнизона деревянной постройки, а в общежитии, где раньше была гарнизонная больница, ещё витал запах лекарственных средств. Директором школы в те годы был Оота Тацуто⁹⁷ (яп. 太田達人, 1866–1945). Учитель японского языка сочинял стихи, а в комендантской комнате устраивал литературные вечера, посвящённые хайку. Такие встречи посещали все желающие, среди которых частым участником был и Ямагути. Интерес к написанию хайку у Ямагути в полной мере проявился во время его учёбы в школе высшей ступени при Киотском университете.

Сахалинские реалии в хайку Ямагути

Темой первых хайку стали сахалинские пейзажи, которые окружали поэта в детские годы. В традиционной японской стихотворной форме (5–7–5 слогов) Ямагути вспоминает о самом разном: о замёрзших равнинах, сахалинской рыбе. Пишет он об айнах как коренных народах южной части острова.

Так, например, под впечатлением доносившегося до второго этажа дома в Тоёхаре пения кукушки в 1926 году появилось следующее хайку:

「郭公や韃靼の日の没るなべに」 Кукушка поёт,

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Когда солнце садится За Татарский пролив.

Весной в собачьих упряжках по различным делам в Тоёхару приезжали айны. Днём снег на дорогах, по которым они ехали, подтаивал, а к вечеру снова подмерзал. Закончив свои дела, айны заснеженными путями возвращались к себе в деревню. Это воспоминание отразилось в одном из хайку Ямагути:

「犬橇かえる雪解けの道の夕凝りに」 В собачьей упряжке

Назад по подмёрзшей дороге, Растаявшей днём.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Будучи учеником средней школы, Ямагути часто любил гулять в порту Оодомари, где не раз видел, как на остров приезжали люди:

「氷海や船客すでに橇の客」 Замёрзшее море. Пассажиров судна

Уже развозят сани. (Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Город Оодомари был с двух сторон «зажат» холмами, и это придавало ему вид подковы. Справа были расположены японские кварталы, слева, в районе Нан $кэй^{98}$, – бывшие русские кварталы, заброшенные, «такие как есть».

「凍港や旧露の街はありとのみ」 Замёрзший порт. Бывший русский городок вот такой, как есть...

(Пер. с яп. яз. А. Долина)

Первая строка этого хайку легла в основу названия дебютного сборника поэта. С 1924 по 1932 год хайку публиковались в журнале «Хототогису» (яп. 『ホトト ギス』), а в 1932 году вышел отдельный сборник «Замёрзшая гавань», в который вошло около 300 стихотворений.

Многие хайку первой книги были посвящены характерной особенности острова – сахалинской рыбе. Весной на побережье можно было увидеть, как стаи сельди шли нереститься:

「唐太の天ぞ垂れたり鰊群来」 Небо над Карафуто Низко нависло, И сельдь идёт на нерест.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Однажды на лыжах поэт отправился по морскому льду смотреть на ледокол. Море замёрзло на тридцать сантиметров – это можно было понять по толщине льда в лунках, пробуренных для ловли наваги. Эту картину поэт неоднократно воспевал в своих стихах:

「氷の窓に冥き海ぞも氷下魚釣る」

В окошке на льду Тёмное море. Ловля наваги.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

「橇行や氷下魚の穴に海溢る」 Поездка в санях. В лунках для наваги Плещется море.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Катание на лыжах входило в число обязательных школьных предметов. Лыжные соревнования проводились на склоне холма, где располагалась школа. Воспоминания о занятиях на природе сохранились и в поэзии Ямагути:

⁹⁵ Название этого сборника на русском языке может звучать ещё и как «Замёрзший порт». 96 Согласно современным названиям города Южно-Сахалинска, это место находилось на пересечении улицы Ленина и Коммунистического проспекта.

⁹⁷ Оота Тацуто был другом Нацумэ Сосэки (яп. 夏目漱石, настоящее имя – Нацумэ Кинносукэ, яп. 夏目金之助; 1867–1916), с которым вместе учился. В произведении «Сквозь стеклянную дверь» (яп. 『硝子戸の中』, 1915) Нацумэ Сосэки учитель «О» был списан с Ооты Тацуто.

⁹⁸ Районом Нанкэй в Оодомари называлась территория современных улиц Южно-Сахалинской, Пролетарской, Матросова и части Окружной на территории современного Корсакова.

「硬雪に焚く炭俵スキー会」 На твёрдом снегу Жгут мешок углей. Лыжные гонки.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Весной 1915 года из-за болезни дед поэта покинул Южный Сахалин, переехав в Киото. Ямагути остался доучиваться в Оодомари, но одному жить на острове было сложно, поэтому в 1917 году юноша вернулся в Киото. Выйдя на палубу отплывающего от острова судна, Ямагути увидел чёрную спину кита.

「解纜や亜庭の鯨浮き出でぬ」

Снялись с якоря. В заливе Анива Показался кит.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Когда судно вошло в пролив Лаперуза, в иллюминаторе поэт заметил дрейфующие льдины. Белые глыбы льда перемещались с большой скоростью, приближаясь к судну. Это зрелище и пугало, и завораживало:

「流氷や宗谷の門波荒れやまず」 Вешний ледоход –

Волны бешено ярятся В горловине пролива...

(Пер. с яп. яз. А. Долина)

В шестнадцать лет Ямагути покинул Сахалин навсегда, сохранив в памяти множество воспоминаний об островной жизни. Спустя годы, поэт восстановил самые яркие сахалинские впечатления в своих стихах, которые представляют собой редкий и ценный материал по поэтическому восприятию острова.

Творческая жизнь за пределами Сахалина

После возвращения в Киото Ямагути вскоре поступил в Третью школу высшей ступени при Киотском университете, где стал посещать кружок хайку. Способности юноши сразу заметил молодой поэт Хино Содзё (яп. 日野草城, 1901–1956) — руководитель кружка. Вскоре он рекомендовал стихи молодого человека для публикации в журнале «Хототогису». Ямагути вспоминал этот период жизни так: «Содзё был на один класс старше меня. Он помогал советами. И не только это: в хайку Содзё я открыл для себя неведомый ранее новый мир. Увидев, что в хайку можно воспеть этот новый мир, я принял решение посвятить себя поэзии хайку»⁹⁹.

В 1922 году Ямагути познакомился с литератором Такахамой Кёси (яп. 高浜虚子, 1874–1959), беседы с которым окончательно определили жизненный путь Ямагути как поэта. Тогда же, в апреле 1922 года, произошло знакомство с Мидзухарой Сюоси (яп. 水原秋桜子, 1892–1981), позже вставшим у основ «неохайку». Между двумя поклонниками реформации хайку завязалась дружба, подкреплённая общностью литературных интересов.

Будучи студентом юридического факультета Токийского университета, Ямагути вместе с Мидзухарой разрабатывал новые идеи для традиционного японского трёхстишия. Он мечтал о создании собственной поэтики в рамках «отражения натуры» (яп. 写生 – «сясэй»), пытаясь создать новый мир хайку, который бы отражал реалии современности.

Как пишет А. А. Долин, в ранней лирике Ямагути типичное для поэтики «сясэй» внимание к мельчайшим деталям окружающей природы подменяется изображением грандиозных пейзажей, выявляющих космическую гармонию окружающего мира. Подходящим материалом для подобной лирики были сахалинские пейзажи, художественные воплощения которых составили

основу стихотворного сборника «Замёрзшая гавань».

山口誓子著

三省堂

Рис. 24.

Сборник стихов

Ямагути Сэйси

«Седмица»,

1942 г.

Экспериментируя с традиционным жанром, Ямагути создавал уникальные лирические картины, построенные на контрастах романтического пейзажа и метаполиса XX столетия:

「七月の青嶺まぢかく溶鉱炉」

Июльская зелень невысоких вершин вдалеке – мартеновская печь...

(Пер. с яп. яз. А. Долина)

Поэтам неохайку сложно было вписывать в свои стихи модернистские образы индустриальной цивилизации. Но это удавалось Ямагути, который стремился к естественному, органичному сочетанию новых тенденций с традиционными. Китобойные суда, портовые города, ежедневные будни рыбаков, грузовые баржи, урбанистические постройки и их детали – эти и многие иные части бурно развивающейся цивилизации упоминаются в его стихах 1930–1940-х годов наряду с лирическими пейзажами, характерными для многих классических хайку:

「春日を鉄骨のなかに見て帰る」

Полюбовался весенним солнцем сквозь железные прутья в бетонном каркасе здания – и возвращаюсь домой...

(Пер. с яп. яз. А. Долина)

Ямагути можно считать одним из идейных создателей «неохайку». Внося новые содержательные приёмы, поэт неукоснительно соблюдал трёхстишную композицию строфы, порядок и общее количество слогов. Расширения границ тематики и углубления смысла он добивался не только при помощи описания современных индустриальных

реалий, но и посредством архаичной лексики, нередко восходящей к «Манъёсю» (яп. 『万葉集』) – первой антологии японской поэзии, датируемой VIII веком.

Наиболее оригинальные и быстро запоминающиеся хайку Ямагути представлены в сборнике «Седмица» (яп. 『七曜』, 1942). После издания этой книги поэт несколько лет ничего не публиковал из-за обострения хронического лёгочного заболевания. К творчеству он вернулся на исходе Второй мировой войны. И поэтому не случайно в сборнике «Бурные волны» (яп. 『激浪』, 1946) легко различима грусть, связанная с происходящими в Японии социально-историческими и политическими событиями:

「海に出て木枯らし帰る所なし」 Вырвался в море – уж ему не вернуться назад, зимнему вихрю...

(Пер. с яп. яз. А. Долина)

В 1948 году поэт возглавил журнал хайку «Сириус» (яп. 『天狼』), сплотив вокруг себя литераторов послевоенных лет. На протяжении последующего времени Ямагути продолжил писать и публиковать тысячи хайку. Кроме того, он занимался филологическими исследованиями творчества Мацуо Басё (яп. 松尾芭蕉, 1644–1694) и Масаоки Сики (яп. 正岡子規, настоящее имя – Масаока Цунэнори, яп. 正岡常規; 1867–1902).

Сахалинский период жизни Ямагути составил яркую страницу поэтического наследия этого автора, нередко стоявшего в стороне от политических и социальных проблем своего времени, но при этом отличающегося современным взглядом на мир.

⁹⁹ Цит. по: Долин, А. А. История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах : в 4 т. – Т. 4 : Танка и хайку. – СПб. : Гиперион, 2007. – С. 305–306.

2.3. Самукава Котаро и магистральная тематика его произведений

Страницы биографии

Японский писатель Самукава Котаро (яп. 寒川光太郎, настоящее имя – яп. 菅原憲光, Сугавара Норимицу; 1908–1977) родился в городе Хаборо на Хоккайдо в семье знаменитого ботаника Сугавары Сигэдзо (яп. 菅原繁蔵, 1876–1967)¹⁰⁰. Мать писателя звали Суэ (яп. スエ, 1886–1944), она была уроженкой префектуры Акита.

В 1921 году Сугавара Сигэдзо вместе с семьёй отправился на Сахалин, где сначала работал директором школы в деревне Фукакуса (современное название – село Углезаводск Долинского района Сахалинской области), а затем с 1928 по 1941 год был сотрудником музея Карафуто, где занимался научной работой в области ботаники. В апреле 1922 года Самукава поступил в среднюю школу города Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области), в которой в то время преподавателем по японскому языку был отец писателя Мияути Канъя (яп. 宮內寒弥, 1912–1983)¹⁰¹.

После окончания первого класса на Сахалине родители перевели Самукаву в среднюю школу города Токио. В этом же году случилось землетрясение в районе Канто (1923) и будущий писатель уже в сентябре был вынужден вернуться к родителям. Однако продолжить обучение Самукава решил не в Оодомари, а в средней школе Хоккай города Саппоро. В марте 1927 года Самукава, завершив школьное обучение, переехал в Токио, где стал студентом университета Хосэй на отделении английской литературы. Уже через два года

он бросил учёбу и отправился в Маньчжурию. Позже, вернувшись в Японию, писатель работал в качестве корреспондента, сотрудничая с различными токийскими газетами.

Вновь в родительский дом Самукава (вместе со своей женой) приехал только в 1932 году, когда его отец был сотрудником расположенного в Тоёхаре музея Карафуто (современное название – Сахалинский областной краеведческий музей). Самукава стал помогать отцу как ассистент. Работая в музее, он составлял подробные иллюстрации растений, собранных отцом во время исследовательских поездок по Сахалину. Сугавара-старший карандашом схематично делал наброски, а сын, работая тушью, завершал иллюстрации. Выполняя функции чертёжника и копировщика, сын помог оформить отцу около 30 000 рисунков растений для публикации.

В 1937 году писатель приехал в Токио и устроился в издательство, опубликовавшее в 1940 году труды Сугавары и его сына в четырёх томах под общим названием «Флора Сахалина» (1937–1940)¹⁰². Позже Самукава открыл магазин букинистической книги.

Рис. 25. Книга Самукавы Котаро «Браконьеры», 1940 г.

Дебютная повесть «Браконьеры»

Книга Самукавы «Браконьеры» принесла ему желаемый успех и внимание со стороны критики. За это произведение писатель был отмечен десятой премией Акутагавы (1940), став тем самым первым удостоенным такой высокой награды литератором с Хоккайдо. Это событие, несмотря на то, что начинающий писатель в то время не проживал на Южном Сахалине, было освещено «Сахалинской ежедневной газетой» за 9 февраля 1940 года. Повесть «Браконьеры», в которой описана сложная судьба северного охотника по прозвищу Барс, появилась в России благодаря журналисту и переводчику Михаилу Григорьеву (1899–1943), чья жизнь на протяжении нескольких лет была связана с Сахалином¹⁰³.

С 1928 года Григорьев служил в правлении нефтяной компании «Кита Карафуто» (яп. 「北樺太石油会社」). Одновременно с этим он занимался переводами японской литературы на русский язык. В число привлёкших внимание переводчика писателей попал и его современник – автор малой и средней прозы Самукава, которому ещё только предстояло написать свои главные произведения. В годы работы Григорьева в «Кита Карафуто» Самукава жил на Сахалине. После получения молодым писателем премии Акутагавы его имя стало известно всему Южному Сахалину.

Сюжет повести несложен. Главный герой повести – охотник по прозвищу Барс – живёт благодаря промысловой охоте на медведя в прибрежной зоне и в сопках Сахалина. Однажды Барс узнаёт, что американец Арнольд ищет метких стрелков, способных убить полярного медведя. Главный герой на браконьерском судне отправляется в море для охоты на белого медведя. Но перестрелка на льду между Барсом и его соперником Молнией рушит планы героя. Единожды в своей жизни не попав в намеченную цель – полярного медведя – тяжело раненный Барс гибнет в морских пучинах, оставаясь символом мужества в памяти всех охотников сурового севера.

«Браконьеры» были высоко оценены литературной критикой, усмотревшей в повести Самукавы особый динамизм в описании человека, противостоящего дикой и необузданной северной природе. Повесть переведена не только на русский, но и на английский, немецкий языки.

«Записки о Сагарэне»: жанр, история создания, сюжет

В основном корпусе сочинений Самукавы часто встречается образ Сахалинской каторги. Наиболее полно своё представление о царской России, о господствующих на каторжном острове законах писатель изобразил в «Записках о Сагарэне» (яп. 『サガレン風土記』, 1941). Художественное описание русской тюремной системы для японской литературы первой половины XX века – явление уникальное и ранее неизвестное. В послесловии к сборнику, в котором впервые были изданы «Записки…», Самукава писал следующее: «Прежде чем губернаторство Карафуто достигло процветания, здесь в тяжёлом положении находились русские каторжники. И мы непременно должны выразить им своё сочувствие и благодарность как первым колонизаторам и цивилизаторам острова» 104.

В «Записках...» для обозначения Сахалина писатель использует не только широко распространённое в его время административное название нового губернаторства, но и менее устойчивый топоним – Сагарэн, который выносится

Подробнее о Сугаваре Сигэдзо см. следующие работы: Синго, Накадзава. Сигэдзо Сугавара: ботаник, посвятивший свою жизнь изучению Сахалина / пер. с яп. В. В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. — 1991. — № 1. — С. 22—27; Прокофьев, М. М. Сахалинский период в биографиях Сугавара Сигэдзо и Самукава Котаро / М. М. Прокофьев // Вестник Сахалинского музея. — № 20. — Южно-Сахалинск, 2013. — С. 36—43; Прокофьев, М. М. Мир высокогорных растений Карафуто глазами ботаника Сугавары Сигэдзо в очерке Самукавы Котаро «Пик» / М. М. Прокофьев // Вестник Сахалинского музея. — № 22. — Южно-Сахалинск, 2015. — С. 178—181; и др.

См. п. 2.5 «Мияути Канъя и его роман "Ситиригахама"».
 Один экземпляр этого издания имеется в фондах Сахалинского областного краеведческого музея.

¹⁰³ Самукава, Котаро. Браконьеры / Котаро Самукава // Григорьев, М. Лик Японии. Переводы и эссе (приложение к Буддийскому альманаху). – М., 1997. – С. 205–229.

¹⁰⁴ Кихара, Наохико. Карафуто бунгаку-но таби (дзё) (Путешествие по литературе Карафуто [первая часть]) / Наохико Кихара. — Саппоро, 1994. — С. 331—332. (Здесь и далее по тексту переводы произведений Самукавы Котаро с японского языка сделаны А. С. Никоновой.)

Рис. 26. Книга Самукавы Котаро «Записки о Сагарэне», 1941 г.

в заглавие произведения. Слово «Сагарэн» является транслитерацией маньчжурского слова «Сагалиен», от которого, вероятно, и происходит современное название острова.

Интересен выбранный писателем жанр книги. Оригинальное название «Записок о Сагарэне» – «Сагарэн фудоки». Фудоки (яп. 風土記, букв. «описание земли и нравов») – это повествовательный жанр, допускающий соединение документального и художественного начал. Аналогом фудоки в европейской литературе считается этнографическая повесть, рассказ или очерк. «Записки» – это один из возможных вариантов перевода слова «фудоки» на русский язык. И именно слово «записки» используется специалистом по творчеству Самукавы Камией Тадатакой для перевода заглавия этой книги на английский язык – «Sagaren Records» 105.

Географические реалии «Записок...» узнаваемы и соотносятся со многими конкретными названиями на карте Сахалина конца XIX-начале XX века. Главным героем повествования становится учёный из Северной Европы, исследователь почв, профессор М.,

который противостоит начальнику Корсаковской тюрьмы Васильеву, применяющему физические наказания к заключённым. М. посещает колонию в Корсаковском посту и делает предостережение Васильеву по поводу бесчеловечного отношения к людям. М. убеждён, что ссылка на далёкий остров – это уже достаточное наказание, которое значительно изменяет внутренний мир преступников. «...решая наказать заключённого за незначительный проступок, – говорит герой Васильеву, – вы мало-помалу опускаете его до животного» 106. Столкновение между героями приводит профессора к недолгому тюремному заключению, после окончания которого он заявляет, что не хочет возвращаться к себе на родину вопреки прежним желаниям. Продолжая своё противостояние с М., Васильев открыто объявляет о намерении выпороть за провинность восьмерых заключённых. В ответ на это профессор обращается к генерал-губернатору Сагарэна с приватной просьбой. Он просит дать ему для сельскохозяйственных работ восемь заключённых. Тем самым главный герой полагает, что убережёт провинившихся людей от физических наказаний, на которых настаивает Васильев.

В «Записках...» есть несколько упоминаний «Острова Сахалин» А. П. Чехова. Открывается книга Самукавы следующими словами: «В эти времена для ознакомления с островом на Сагарэн приезжали разные европейцы. Например, Чехов <...> составил свою пейзажную историю увиденного» Имя русского писателя встречается также и в комментариях к «Запискам...». Самукаве не довелось быть глубоко знакомым с российской каторгой, но отдельные материалы для художественного воплощения темы каторги писатель, видимо, брал из чеховского «Острова Сахалин».

Впервые перевод «Острова Сахалин» Чехова на японский язык был выполнен в 1925 году Миякэ Масару (яп. 三宅賢). Кроме того, перевод «Острова Сахалин» 108 Чехова был издан в серии издательства «Карафуто сосё» (яп. 樺太叢

書) в 1941 году. Этот перевод состоит всего из девяти глав. Японский вариант книги включает в себя материалы с пятнадцатой по двадцать третью главу оригинального «Острова Сахалин». Это издание Самукава не мог читать, так как его «Записки...» были опубликованы ещё в ноябре 1941 года. Однако почти двумя годами ранее в «Карафуто сосё» были изданы ещё две переводные работы Дадзая Тосио (яп. 太宰俊夫). В одну книгу были включены части двух разных произведений: в первой – 12, 13 и 14 главы чеховского «Острова Сахалин», во второй – «Воспоминание о Сагарэне» (включающее в себя работу «Каторга и поселение на острове Сахалин...», 1903) Николая Лобаса (1858–?)109. Первое издание этой книги, объединившей двух авторов, состоялось 5 декабря 1939 года, а второе - 30 августа 1940 года. К любому из этих изданий «Острова Сахалин» на японском языке мог обращаться Самукава во время работы над «Записками...». Но, вероятнее всего, он читал именно сахалинские издания перевода Чехова: ведь эти книги имели непосредственное отношение к «Обществу содействия развитию культуры Карафуто» (яп. 樺太文化振興会), все публикации которого распространялись, прежде всего, на Южном Сахалине.

В «Записках…» Сахалин представляется местом «бескрайних лесов и полей, где существовала русская колония каторжан, и куда два раза в год, весной и осенью, доставляли ссыльных из европейской части» Временные рамки сюжета «Записок…» не указаны. Но предположительно, основные события происходят не ранее 1884 года. С 1884 года каторжан стали привозить на остров дважды в течение одной навигации – весенним и осенним рейсами (до этого отправка ссыльных совершалась только один раз в год¹¹¹).

Прототип военного губернатора в «Записках...»

Корсаковский пост как место главных событий «Записок...» представляется Самукавой лаконично: «...с вершины холма тянулась дремучая горная цепь хвойных деревьев. Впереди, прямо напротив, продолжался отлогий холм, а между ними, в долине, виднелись продолговатые крыши деревенских домов. Вокруг тюрьмы можно было увидеть небольшие поля» Стремясь к соблюдению реалистичности повествования, Самукава намеренно не указывает точных названий населённых пунктов, расположенных в Корсаковском посту. Однако упоминает, что ключевые события разворачиваются в поселениях К. и Т.

Примечателен в «Записках...» образ военного губернатора острова. Возможно, что прототипом губернатора мог стать, прежде всего, Владимир Мерказин (1835–?). Он единственный из главных административных лиц каторжного Сахалина носил фамилию, начинающуюся с буквы М.

И именно Мерказин занимал губернаторский пост в период 1894–1898 годов. Эти хронологические границы хорошо вписываются и в то обстоятельство, что каторжан на остров привозили дважды в год. Кроме того, можно найти и ряд других косвенных доказательств того, что Самукава мог запечатлеть в своих «Записках…» деятельность Мерказина¹¹³.

На Сахалине Мерказин был первым военным губернатором. И благадаря его стараниям на острове возник музей, фонды которого после Русско-японской войны оказались в Японии. Самукава, помогая отцу по музейной работе, мог слышать от своего отца или его коллег рассказы о просветительской деятельности

¹⁰⁵ Kamiya, Tadataka. Sakhalin and Samukawa Kotaro // Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур: Материалы международной научно-практической конференции (Южно-Сахалинск, сентябрь 2003 г.). – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 21.

¹⁰⁶ Самукава, Котаро. Сагарэн фудоки / Котаро Самукава. – Токио, 1941. – С. 10.

¹⁰⁷ Там же. – С. 2–3.

¹⁰⁸ Публикация отдельных фрагментов «Острова Сахалин» в переводе Дадзая Тосио состоялась 10 декабря 1941 года. См. следующее издание: Тэ:хофу, Антон. Сагарэн-то (Чехов, Антон. Остров Сахалин) / пер. с рус. яз. Дадзай Тосио. – Карафутотё: Карафуто со:сё, 1941. – 210 с.

¹⁰⁹ Тэ:хофу, Антон. Сагарэн кико:сё. Роба:су Н.С. Сагарэн-но омоидэ (Чехов, Антон. Из путевых заметок по Сахалину. Лобас, Н. С. Сахалинские воспоминания) / Антон Тэ:хофу; пер. с рус. яз. Дадзай Тосио. – Карафутотё: Карафуто со:сё, 1939. – 181 с.

¹¹⁰ Самукава, Котаро. Сагарэн фудоки / Котаро Самукава. – Токио, 1941. – С. 2.

¹¹¹ Кораблин, К. К. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX — начало XX вв.) / К. К. Кораблин // Вестник ДВО РАН. — 2004. — Ω 6. — С. 125—126.

¹¹² Самукава, Котаро. Сагарэн фудоки / Котаро Самукава. – Токио, 1941. – С. 13.

¹¹³ Подробнее о сахалинском периоде жизни В. Д. Мерказина см. в следующей работе: Латышев, В. М. Суровый генерал (О Владимире Дмитриевиче Мерказине) / В. М. Латышев // Губернаторы Сахалина / гл. ред. А. И. Костанов. – Южно-Сахалинск, 2000. – С. 33–42.

Мерказина. Проявленное литературным героем Самукавы губернатором М. милосердие в отношении восьмерых заключённых может быть подтверждено одной строчкой из книги «Сахалин. (Каторга)» (1903) Власа Дорошевича (1865–1922): «За четыре года управления генерала Мерказина, на Сахалине не было ни одной смертной казни»¹¹⁴.

В противовес гуманному губернатору М. начальник Корсаковского поста Васильев изображается человеком жестоким и бессердечным. За ничтожные провинности он «громко ругает каторжан и назначает им наказания плетью» Васильев не любит «новых ссыльных, которые, приезжая на остров, привозят с собой запах родины, потому что они совершенно не похожи на тех несчастных людей, которые здесь живут» 116.

 \mathcal{A} ля исправления этого различия прибывших в пост каторжников «колотят за лишние разговоры, бьют ногами за смех» 117 . \mathcal{A} ля устрашения заключённых на каторге нередко устраиваются публичные наказания, свидетелем одного из которых становится профессор M.

Другие произведения Самукавы Котаро

В творческом багаже Самукавы насчитывается достаточное количество произведений, тематически связанных с Сахалином. Поездка на остров в июне 1940 года легла в основу «Путевых записок о Карафуто (Сахалин и ностальгия)» (яп.『樺太紀行ーのすたるじあ・さがれんー』, 1941). В центре рассказа «Каторжанка» (яп.『流刑囚』, 1939) рассматривается история взаимоотношений молодой девушки Екатерины, которая служит в доме сельского старосты домработницей, и сосланного на каторгу по подозрению в убийстве Петра. События рассказа «Метель» (яп.『吹雪』, 1939) происходят на сахалинской ферме по разведению лисиц.

В декабре 1940 года был издан первый исторический роман писателя под названием «Пролив» (яп. 『海峡』, 1940). В центре романе – Мамия Риндзо (яп. 間宮林蔵, 1775–1844) и японский картограф Мацуда Дэндзюро (яп. 松田伝十郎, 1769–1842), которые по приказу правительства в апреле 1808 года отправляются в экспедицию для обследования северных владений Эдзо¹¹⁹. Переправившись на южный берег Сахалина, исследователи шли на север: Мацуда Дэндзюро – по западному побережью острова, а Мамия Риндзо – по восточному. Встретившись в одном месте, они пришли к выводу, что Сахалин – это остров, отделённый от материка проливом. Поскольку продвигаться дальше на север Мацуда и Мамия не могли, было решено вернуться на Хоккайдо. Однако в 1809 году Мамия продолжил обследование острова: он в одиночку добрался до деревни Нанио (район современного посёлка Луполово Сахалинской области), где ещё раз убедился, что Сахалин является островом. В финале романа исследователь отправляется в Дерен (Маньчжурия) – китайский административный пост в низовье Амура.

«Малая» проза Самукавы включает в себя истории о членах его семьи и близких ему людях: рассказы «Ботаник» (яп. 『草人』, 1940) и «Пик» 120 (яп. 『嶺』,

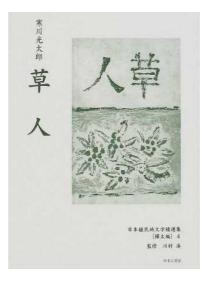

Рис. 27. Рассказ Самукавы Котаро «Ботаник», 2001 г.

1940) об отце писателя; повесть «Дикие птицы» (яп. 『野鳥』, 1940) о дальнем родственнике; «Хижина охотника» (яп. 『猟小舎』, 1940) о Кокубуне Сигэцугу (яп. 国分重次), выслеживащем зверей в лесах Хоккайдо, Сахалина и Приморского края.

В рассказе «Миф» (яп. 『神話』, 1941) повествуется о коренных жителях Дальнего Востока – ороках (современный вариант – уйльта). «Миф» Самукавы начинается с истории о том, как рассказчик получил курительную трубку от старого орока Сёродзэя. Со слов старого орока, герой книги (повествование ведётся от первого лица) тщательно записывает историю древнего племени, предки которого были выходцами из Сибири, пересекли замёрзший Татарский пролив (в тексте – пролив Мамия) и двинулись вверх по течению реки Поронай в северную часть Сахалина. Глава рода Шуни приводит свой клан на новые земли для создания поселения, позже названного Отасу¹²¹.

В книге «Плавучая льдина» (яп. 『流水』, 1941) дрейфующий рыбак, попадая на некий остров, открывает его богатые запасы. Главный

герой рассказа «Лисицелов» (яп. 『狐罠師』, 1941) – охотник по имени Оота Сёроку – занимается тем, что ставит ловушки на лисиц в сахалинских лесах. В рассказе «Любовь к молодым листьям» (яп. 『青葉の愛情』, 1941) изображён человек, интересующийся растениями. В произведении «Во время метели» (яп. 『吹雪の中』, 1941) показана жизнь учителя Ивамуры, недавно прибывшего в расположенную рядом с границей школу деревни С.

Местом развития событий рассказа «Замёрзшее море» (яп. 『浓海』, 1941) становится остров Тюлений¹²²: «...отдалённый остров, в длину не превышающий расстояния пяти кварталов, был целиком сложен из рифов. Здесь произрастали только четыре вида растений, а животный мир острова ограничивался лишь бесчисленным количеством морских птиц, усеивающих рифы, и морским зверем, который собирался на берегу. Люди, которые здесь высаживались, были либо из группы по надзору и охране острова, либо браконьеры»¹²³.

Герой рассказа «Канун освоения» (яп. 『開拓前記』, 1941) Мицуль вместе со своей женой Натальей возглавляет отряд ссыльнопоселенцев, следующих из Корсакова во Владимировку. Образ Мицуля в этом произведении уходит на второй план, и ведущей становится история поселенца Коровкова. В сюжетном плане рассказ является продолжением «Записок о Сагарэне».

Посвящённые Сахалину произведения Самукавы становятся своеобразным зеркалом, в котором запечатлены научные интересы Сугавары Сигэдзо – отца писателя. Проза Самукавы имеет не только художественную, но и историческую ценность. Самукава Котаро ушёл из жизни в возрасте шестидесяти девяти лет. Его творческое наследие, магистральной темой которого стала история Сахалина, почти неизвестно в современной Японии и практически не представлено в России.

¹¹⁴ Дорошевич, В. М. Сахалин (Каторга) / В. М. Дорошевич. – М., 1903. – С. 225.

¹¹⁵ Самукава, Котаро. Сагарэн фудоки / Котаро Самукава. – Токио, 1941. – С. 4.

¹¹⁶ Там же. – С. 6.

¹¹⁷ Там же.

 $^{^{118}}$ Русский перевод рассказа представлен в следующем издании: Самукава, К. Записки Карафуто (Сахалин и ностальгия) / К. Самукава; пер. с яп. яз. А. В. Фетисова; подг. к публ. и коммен. М. М. Прокофьева // Вестник Сахалинского музея. — № 21. — Южно-Сахалинск, 2014. — С. 116—125.

¹¹⁹ Долгое время японцы считали острова к северу от Японского архипелага своими владениями, объединяя под общим названием «Эдзо» Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова.

¹²⁰ Русский перевод представлен в следующем издании: Самукава, К. Пик / К. Самукава; пер. с яп. яз. А. В. Фетисова; подг. к публ. и коммен. М. М. Прокофъева // Вестник Сахалинского музея. — N 22. — Южно-Сахалинск, 2015. — С. 182—195.

 $^{^{121}}$ Местечко, расположенное в границах современного города Поронайска Сахалинской области.

¹²² Остров в юго-западной части Охотского моря, в 12 км к юго-западу от мыса Терпения — южной оконечности полуострова Терпения острова Сахалин.

¹²³ Цит. по: Кихара, Наохико. Карафуто бунгаку-но таби (дзё) (Путешествие по литературе Карафуто [первая часть]) / Наохико Кихара. – Саппоро, 1994. – С. 331.

2.4. Юдзурихара Масако о Сахалине в поэзии и прозе

Первые успехи в поэзии и переход к прозе

Японская писательница Юдзурихара Масако (яп. 譲原昌子, настоящее имя – яп. 船橋きよの, Фунабаси Киёно; 1911–1949) приехала на Сахалин в шестилетнем возрасте¹²⁴. Это случилось в 1917 году. Вместе с отцом Сутэкити (яп. 捨吉) и ма-

Рис. 28. Книга Юдзурихары Масако «Северное сражение», 1985 г.

терью Судзу (яп. ХХ) маленькая Киёно переехала в город Отиай (современное название – Долинск Сахалинской области). Её отец сначала работал в лесной отрасли, потом - на бумажном заводе «Фудзи сэйси», мать трудилась в закусочной. Приехав на Сахалин, девочка стала учиться в младшей школе в Отиай, в тринадцать лет она поступила в женскую гимназию в городе Тоёхаре (современное название - Южно-Сахалинск Сахалинской области). После окончания учёбы девушка в течение года ходила на дополнительные курсы при гимназии для получения квалификации учителя начальных классов и вскоре устроилась на работу в младшей школе Отиай, затем - в городе Маоке (современное название - Холмск Сахалинской области). Уже будучи учительницей, Фунабаси Киёно сделала свои первые литературные шаги.

В январе 1933 года в Токио стал издаваться журнал «Литературная столица» (яп. 『文芸首都』), в редакцию которого Фунабаси послала своё стихотворение «Синее море» (яп. 『青き海』). Для публикации в журнале его отобрала японская писательница Хаяси Фумико¹²⁵ (яп. 林美美子, 1903–1951), которая в то вре-

мя сама мечтала побывать на Сахалине. В стихотворении начинающей поэтессы упоминается Охотское море:

Синее небо,

Синее море...

Даже белые крылья чаек окрашены синевой.

Прохладный ветер Охотского моря.

Одолевают воспоминания о том,

Кто ушёл далеко за море.

Синее Охотское море ранней весной

Грустью переполняет душу.

(Пер. с яп. яз. А. Никоновой)

Молодая учительница продолжила писать стихи для токийского журнала и даже некоторое время вела поэтическую колонку столичного издания, но вскоре она начала пробовать себя в прозаических жанрах. И в июле 1933 года в седьмом номере журнала публикуют её первую прозаическую работу «Отец» (яп. 『父親』), которая была отобрана литературным критиком Хироцу Кадзуо (яп. 広津和郎, 1891–1968).

В 1939 году в «Литературной столице» было напечатано произведение, участвовавшее в конкурсе на очередную премию Акутагавы – «Северное сражение» (яп. 『朔北の闘い』). Это произведение в дальнейшем стало восприниматься как самое важное в творчестве писательницы. С 1936 года Фунабаси для всех произведений, созданных на Сахалине, использовала псевдоним Васидзу Юки

(яп. 鷲津ゆき). Но в 1940 году начала подписывать свои сочинения другим именем – Юдзурихара Масако.

В марте 1941 года Юдзурихара, учительница с двенадцатилетним стажем, решила уйти с работы. И уже в мае молодая женщина вместе со своей сестрой Юмико (яп. 優美子) уехала с Сахалина. Поселившись в Токио, Юдзурихара поставила себе целью начать жизнь писательницы, но, встретившись с довоенными и послевоенными трудностями, не справилась с ними. После войны у женщины обнаружился туберкулёз. В январе 1949 года тридцативосьмилетняя писательница ушла из жизни.

Автобиографические факты «Северного сражения»

В творчестве Юдзурихары можно выделить много произведений, действие которых разворачивается на Сахалине. Однако среди всех её историй «Северное сражение» считается лучшим. Первоначально оно публиковалось в журнале «Карафуто» (яп. 『樺太』) по главам: «Сражение – Краткая биография Фую» и «Сражение – Записки матери», но после этого было значительно доработано.

Начало действия рассказа связано с тем временем, когда на Южный Сахалин стали приезжать вольные переселенцы, мечтавшие о быстром обогащении. В их числе была и семья главной героини по имени Фую. Фую приезжает на остров в апреле 1917 года в возрасте шести лет. Эта художественная деталь совпадает с фактом приезда на остров и самой писательницы.

Семья Фую на пароходе прибыла в порт Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области), откуда на поезде далее последовала в Отиай (современное название – Долинск Сахалинской области), «где работал бумажный завод, дела у которого шли в гору» 126. Новым местом жительства Фую стало барачное общежитие 127. Вскоре отец стал пилить деревья, а мать устроилась на работу по обеспечению рабочих питанием. В «Северном сражении» описаны разные случаи из жизни семьи.

Так, рассказывается, как однажды ночью родители Фую отправились на реку Найбу (в рассказе дано её айнское название – Найбучи) за браконьерским выловом кеты. По закону о защите аборигенов губернаторства ловить кету и горбушу на реке могли только айны. Однако родители Фую пошли на нарушение запрета, потому что ловлю рыбы расценивают как дополнительный доход. Мать девочки умело обращалась с рыбой. Она засаливала рыбу и шла продавать её по деревне. Однажды отца-браконьера задержали, пять дней он просидел под арестом, а на шестой с постановлением о выплате штрафа его отпустили.

Жизнь на Сахалине для семьи Фую была нелегкой. Родители девочки часто спорили о том, правильно ли они поступили, приехав на остров. Пока отец и мать Фую лелеяли надежду разбогатеть и вернуться к себе на родину, девочка росла в окружении островной природы. Она ходила в местную школу. Ей нравился директор этой школы, который говорил о важности образования, но подчёркивал, что для воспитания второго поколения людей, осваивающих Сахалин, необходимо крепкое здоровье. Позже директору пришлось уволиться. Поскольку у него не было официального диплома учителя, он стал простым крестьянином. Ему на смену пришла молодая учительница, которая красивым голосом рассказывала маленьким детям разные истории.

Событийно рассказ заканчивается похоронами отца. Свой личный опыт и наблюдения, сделанные во время жизни на Сахалине, писательница показала через переживания девочки Фую, через её восприятие мира.

¹²⁴ Информацию о жизни и творчестве писательницы см. в следующем издании: Кихара, Нао-хико. Карафуто бунгаку-но таби (дзё) (Путешествие по литературе Карафуто [первая часть]) / Наохико Кихара. – Саппоро, 1994. – С. 247–278.

¹²⁵ См. п. 1.7 «Хаяси Фумико и её сахалинские дороги».

 $^{^{126}}$ Цит. по: Кихара, Наохико. Карафуто бунгаку-но таби (дзё) (Путешествие по литературе Карафуто [первая часть]) / Наохико Кихара. — Саппоро, 1994. — С. 262.

 $^{^{127}}$ В тексте это называется словом «хамба» (яп. 飯場) — барак-общежитие, в котором жили сезонные рабочие, горняки и другие люди.

Очерки Юдзурихары о Сахалине

Сахалинские воспоминания писательницы прочитываются в её очерках. «О разном на Карафуто» (яп. 『我が郷土と文学―樺太のことあれこれ』, 1943) - лаконичное (в три страницы) произведение, созданное по канонам дзуйхицу¹²⁸. В этой зарисовке, проникнутой духом автобиографических впечатлений, рассказывается о самых разных моментах из жизни писательницы на Сахалине: она рассуждает об острове, еде, праздниках; пишет о крабовом заводе и многом другом, что сохранилось в её памяти. Воспитанная на острове, Юдзурихара зачитывалась книгами Ивана Тургенева (1818–1883), Фёдора Достоевского (1821–1881) и Антона Чехова (1860–1904). Природа и настроение, которые русские классики описывали в своих произведениях, как казалось писательнице, походили на те условия, которые были на Сахалине. Многое в русской литературе имперской эпохи было близко и понятно Юдзурихаре. Так, например, она хорошо знала те чувства, которые дети и взрослые могут испытывать во время катания на санях в снежную зиму. Ей также был знаком вкус икры, о которой писал Чехов в рассказе «В овраге» (1899): читая этот эпизод, писательница невольно улыбалась тому, что даже дьячок не устоял перед икрой.

Юдзурихара пишет, что русские, как их изображают в литературе, очень любят водку. И люди, живущие на Южном Сахалине, тоже любят выпить, но только пьют они саке. Также русские предпочитают пить чай, так что трудно представить жизнь русского человека без самовара. И японцы тоже любят чай. На печке всегда стоит кипящий чайник, и вечерами, когда порошит снег, вся семья собирается вместе и наслаждается горячим напитком. К чаю подаётся традиционное соленье Южного Сахалина – нисиндзук (яп. 鰊漬) – маринованная сельдь, до того холодная, что, когда её ешь, то щемит зубы. Наслаждаясь вкусом сельди, собравшиеся за столом разговаривают обо всём понемногу. Считается, что те, кто не разгадали вкуса нисиндзук и супа сампэй, не являются настоящими жителями Южного Сахалина – губернаторства Карафуто.

По одной из версий, суп сампэй получил своё название по имени человека, который был поваром в клане Мацумаэ¹²⁹. Суп готовился из голов разных видов рыб (трески, кеты, горбуши и другого). При приготовлении к рыбе добавлялись картофель и белая редька. Всё это варилось, а потом приправлялось солью. Получалось насыщенное блюдо. Даже в Токио писательница всегда вспоминала аромат и приятный вкус этого кушанья. Кроме него, она также не могла забыть вкуса камчатского краба – жареного или в маринаде, прожаренной молодой сельди, подававшейся вместе с треской и посыпанной натёртой белой редькой, а также искусно приготовленных горбуши и кеты.

В Маоке, где жила писательница, был крабовый завод. Весной и осенью с приливом в Татарском проливе увеличивалось число выловленных крабов. Как пишет Юдзурихара, этот завод становится местом действия в произведении Ямамото Юдзо¹³⁰ (яп. 山本有三, 1887–1974) «Венец жизни» (1920).

Раньше люди, переехавшие на Сахалин, думали, что, заработав необходимую для жизни сумму денег, покинут остров, вернутся в свои родные края. Вероятно, этим объяснялось отсутствие на юге Сахалина больших кладбищ. Люди полагали, что в тот день, когда они разбогатеют, они вернуться в дома своих предков, забрав временно хранящиеся в синтоистских храмах урны с прахом родственников. Поэтому писательница росла, совершенно не зная того чувства, с которым посещают могилы и зажигают костры мукаэ-би (яп. 迎え火), приветствуя духов

128 Дзуйхицу (яп. 随筆, букв. «вслед за кистью») – жанр японской короткой прозы, в котором записывается всё, что приходит автору на ум; композиция дзуйхицу условна.

¹²⁹ Княжество Мацумаэ – первое этнически японское государственное образование на острове Хоккайдо (1604–1868).

умерших в праздник урабон¹³¹. Тем не менее праздник Танабата¹³² отмечался в подражание центральной Японии. Вместо бамбуковых веток для тандзаку (яп. 短) — особой полоски бумаги, на которой написано пожелание, использовались ветки ивы. Юдзурихара пишет, как, вешая тандзаку на ивовые ветки, она слушала рассказы матери про Ткачиху и Пастуха.

В дзуйхицу «Мама и я» (яп. 『母と私の事』, 1939) писательница вспоминает о своей матери, родившейся в 1880 году. Мать держала, как это было принято, книгу домашних расходов. В эту книгу для памяти вносились все денежные траты. Делали её так: испорченные листы своего романа героиня произведения «Мама и я» Киёно сгружала в ящик возле печки для растопки. Мать тщательно укладывала в одну стопку исписанные листы чистой стороной вверх, сгибала их пополам, после чего перетягивала бумажным шпагатом. Вечерами она садилась, надев очки, и исписанным, совсем коротким карандашом, которым уже не пользовалась сестрашкольница, заносила расходы за день. К неумелым знакам азбуки хираганы за женщина приписывала что-то непонятное, шепотом приговаривая: «10 мешков угля» и тому подобное. Так мать распоряжалась скудным семейным бюджетом.

Закончив вносить записи в книгу расходов, женщина смотрела на работающую за столом старшую дочь и говорила: «Опять пишешь свой роман? Так он станет очень длинным. Ещё отец, когда был жив, говорил: "Наверное, не закончишь, пока я жив", а теперь настал черёд мне так говорить» ¹³⁴. Мать Киёно откуда-то услыша-

ла разговор о писательнице Ёсии Нобуко¹³⁵ (яп. 吉屋信子, 1896–1973) про то, что она очень богата и живёт в великолепном доме за тридцать тысяч иен. Женщина думала, что и её старшая дочь когда-нибудь сможет стать такой же. А писательница, в свою очередь, не знала, как объяснить матери разницу между «массовой литературой», пользующейся большой популярностью, и «чистой литературой», которую даже публиковать непросто.

Рис. 29. Сборник произведений Юдзурихары Масако, 2001 г.

Другие рассказы писательницы о Сахалине

Сахалину посвящены и многие другие произведения писательницы. В рассказе «Лирическая песня» (яп. 『抒情歌』, 1941) рассказывается о больной матери, которая лечится от своей зависимости к морфию, и дочери по имени Сидзуко. В «Береге родины» (яп. 『故郷の岸』, 1943) показана жизнь учительницы, работающей в младшей школе в Маоке. В рассказе «Кореец Яки» (яп. 『朝鮮ヤキ』, 1948) повествуется о переселённых на остров корейцах — о нуждах и страданиях несчастных людей. Сахалинская тематика представлена в таких сочинениях, как: «Памятник тундре»

¹³⁰ См. п. 1.3 «Ямамото Юдзо и его сахалинские впечатления».

¹³¹ Урабон (яп. 盂蘭盆; также Обон, яп. お盆) – японский праздник поминовения усопших. Согласно традиции, считается, что души усопших возвращаются к живым и посещают своих родных. В память об умерших на праздник зажигают приветственные костры мукаэ-би, а в конце праздника такие костры сменяются прощальными кострами окури-би.

¹³² Танабата (яп. 七夕) — традиционный японский праздник, который обычно отмечается 7 июля. Это единственный день в году, когда, согласно древней китайской легенде и синтоистским сказаниям, любящие друг друга Ткачиха Орихимэ (Вега) и Пастух Хикобоси (Альтаир) могут перейти Млечный Путь, который разделяет их, и встретиться.

¹³³ Хирагана (яп. 平仮名) – японская слоговая азбука, одна из составляющих японской письменности

¹³⁴ Кихара, Наохико. Карафуто бунгаку-но таби [дзё:] (Путешествие по литературе Карафуто [первая часть]) / Наохико Кихара. – Саппоро, 1994. – С. 253.

¹³⁵ Ёсия Нобуко (яп. 吉屋信子, 1896–1973) – японская писательница середины XX века, один из наиболее коммерчески успешных авторов в жанре романтической прозы.

(яп. 『つんどらの碑』, 1947), «Источник» (яп. 『泉』, 1943), «Светящийся снег» (яп. 『雪明かり』, 1946), и других.

Все рассказы, написанные Юдзурихарой, представляют не только художественный, но и исторический интерес, так как в них повествуется о разных проблемах рядовых жителей Южного Сахалина до 1945 года. Однако после смерти имя писательницы кануло в Лету. Юдзурихара почти забыта в современной Японии. Мечты получить признание в области «чистой» литературы так и не воплотились.

2.5. Мияути Канъя и его роман «Ситиригахама»

Первые литературные шаги и признание

Мияути Канъя (яп. 宮内寒弥, настоящее имя – Икэгами Сиро, яп. 池上子郎; 1912–1983) родился в префектуре Окаяма и, будучи ещё ребёнком, переехал вместе с родителями на Южный Сахалин. Уже в следующем году он стал учиться в средней школе Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области), где работал его отец – учитель японского языка. С апреля 1930 года Икэгами обучался на отделении английской литературы в университете Васэда. Незадолго до окончания университета он дебютировал в журнале «Гуманитарные науки Васэда» (яп. 『早稲田文科』), издаваемом начинающими авторами за счёт членских взносов. Именно на страницах этого журнала, имевшего очень ограниченную читательскую аудиторию, были опубликованы такие произведения Икэгами,

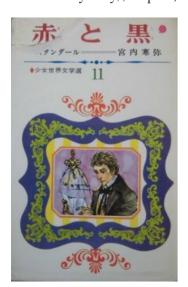

Рис. 30. Книга Фредерика Стендаля «Красное и чёрное» в переводе Мияути Канъи, 1973 г.

как «Первая печаль» (яп. 『初愁』, 1933), «Туман» (яп. 『霧』, 1934), «Колокольчик пастуха» (яп. 『牧人の鈴』, 1934), «Лодка» (яп. 『端艇』, 1934) и «Эдзо» (яп. 『蝦夷』, 1934). Примечательно, что местом действия всех этих историй выступает исключительно Сахалин. В последующем писатель создал ещё одно произведение о Сахалине – книгу «Центральные горы» (яп. 『中央高地』, 1938). Своим современникам Икэгами запомнился не только написанными произведениями, но и переводами книг Фредерика Стендаля (1783–1842) и Александра Дюма (1824–1895) на японский язык.

Канъе (под таким псевдонимом со временем стал выступать в печати Икэгами Сиро) довольно поздно. В 1978 году шестидесятишестилетний писатель удостоился премии имени Хирабаяси Тайко за книгу «Ситиригахама» (яп. 『七里ケ浜』, 1978). Премия, учреждённая по завещанию писательницы Хирабаяси Тайко (яп. 平林たい子, 1905–1972), была ориентирована исключительно на тех авторов, которые, посвятив себя литературе, не получили должного признания. Эта ежегодная премия присуждалась за выдающиеся художественные или литературоведческие произведения. С 1997 года премия прекратила своё существование, а ровно за год до этого её номинантом стал один из наиболее скандальных писателей совре-

менной Японии – Мураками Рю (яп. 村上龍, настоящее имя – Мураками Рюноскэ, яп. 村上龍之助; род. 1952). Имя Мияути в ряду обладателей премии имени Хирабаяси Тайко не выделяется чем-то необычным, но отмеченный комитетом премии роман «Ситиригахама» вскрывает непростые взаимоотношения писателя и его отца, взявшего на себя вину смерти нескольких детей и попытавшегося забыть страшную историю на Сахалине.

Ситиригахама: факты и литературный вымысел

Название романа «Ситиригахама» дано по аналогии с одноимённым пляжем в префектуре Канагава. В книге, основанной на реальных событиях, рассказывается

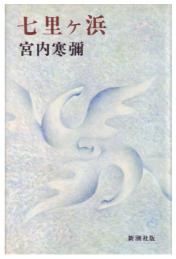

Рис. 31. Книга Мияути Канъи «Ситиригахама», 1978 г.

о трагедии двенадцати школьников из города Дзуси. Школьники отправляются на лодке в море, где неожиданно погибают. Мияути в самом начале романа замечает, что никто в городе не догадывается, почему молодой учитель, взяв на себя ответственность за случившееся, уезжает с привычного места. Прототипом этого романного героя стал отец писателя, который в те годы работал учителем. Одновременно с этим отец являлся ещё и комендантом школьного общежития. В трагический день он поехал провожать своего сослуживца, переезжающего на другое место жительства, и школьники, воспользовавшись отсутствием начальства в общежитии, взяли без разрешения лодку, ставшую причиной их смерти.

В романе, который позволяет восстановить значительные биографические факты жизни писателя на Сахалине, отца зовут Исидзука Мисабуро. После происшествия Исидзука без определённой цели отправляется в путешествие и устраивается преподавателем в школу префектуры Окаяма. В 1911 году он женится на девушке из приютившей его семьи Икэгами и в знак признания берёт себе девичью фамилию жены. На следующий год в молодой семье

появляется первенец – сын Хатанака (главный герой, от имени которого ведётся повествование в романе «Ситиригахама»).

Весной 1922 года Исидзука принимает решение о переводе в школу Карафуто, куда он предварительно намеревается ехать без семьи. Школа, в которой начинает работать отец главного героя, называлась Карафутской средней школой города Оодомари. В романе отмечается, что это была самая первая японская школа, открывшаяся в мае 1912 года на Южном Сахалине. Подыскав на Сахалине квартиру для всей семьи, Исидзука возвращается в Окаяму, где его ждёт беременная жена и четверо малолетних детей. В таком составе семья литературного героя Исидзуки (и вместе с тем фактическая семья Икэгами) в 1923 году прибыла на Сахалин.

Первые впечатления и первые запреты

Для пятиклассника младшей школы Хатанаки поездка на Сахалин была, прежде всего, увлекательным путешествием в совершенно незнакомый край. Маршрут пролегал из порта префектуры Аомори через пролив Цугару в Хакодате, оттуда трое суток езды на поезде до Отару. На следующий день из портового города на небольшой барже семья отправилась в открытое море, где на якоре стоял корабль, курсирующий между Отару и Оодомари. Во время пути судно качало так, что казалось, будто оно в любой момент может перевернуться, но уже в заливе Анива качка пропала, а перед глазами путешественников развернулось замёрзшее море, выглядевшее будто белая равнина. К вечеру корабль прибыл в порт Оодомари. И вскоре герои романа уже неслись в санях, вместивших семью в шесть человек, по главной городской улице, освещённой электрическим светом, в старый город, где находилась их казённая квартира.

Дом, в котором разместилась семья Икэгами, был построен в европейском стиле, в нём имелась дымовая труба из красного кирпича. В комнате для гостей находилась русская печка. Из-за необычной обстановки Хатанаке казалось, будто он оказался в совсем другой стране. Это усиливалось ещё и тем, что в младшей школе, куда пошёл герой, было много голубоглазых и кареглазых русских детей, которые каждый день катались на санях или лыжах со склона холма, что находился за их домом. Когда после долгой зимы наступала весна, в горных потоках можно было поймать пресноводную рыбу: кунджу и форель. В море попадалась мелкая навага, а во время отлива можно было собирать морских ежей. Во время короткого лета дети купались в холодном море, а потом грелись у разведённых на побережье костров. Однако такая безмятежная жизнь Хатанаки очень быстро закончилась.

В 1924 году он стал учиться в средней школе, где работал его отец. Это была единственная средняя школа на острове, поэтому её называли Сахалинским университетом. На церемонии поступления в школу Хатанака получил от отца предупреждение о том, чтобы сын не смел нарушать школьный устав, и чтобы Икэгами как учителю не было стыдно перед школьным советом. Со дня поступления в школу и до выпуска из неё по приказу отца Хатанака старался следовать школьному уставу не только в классе, но и после занятий, когда он находился дома. Хатанаке пришлось даже подписать клятвенное обещание, что, если он нарушит слово, данное отцу, то понесёт наказание в зависимости от вины проступка. Таким образом, со дня поступления в среднюю школу сын попал под строгий контроль отца, не прекращавшего учительствовать и на работе, и дома. С каждым годом отцовские ограничения становились всё более и более строгими: например, Хатанаке не разрешалось читать ничего, кроме учебников. Но в четырнадцатилетнем возрасте юноша нарушил запрет на чтение: он самостоятельно выписал полное собрание сочинений мировой литературы. Среди ожидаемых книг были и произведения русской классики.

Чехов и новый дом семейства Икэгами

Ведомственная квартира семьи Икэтами в Оодомари находилась в доме русской постройки, но внутри была переделана под японский стиль. Вскоре после приезда на Сахалин у Хатанаки появилось ещё две сестры, и теперь уже сильно разросшейся семье стало тесно жить в прежней квартире. Именно поэтому в 1926 году Икэтами переехали из казённой квартиры в ветхое, но более просторное жилище, находившееся в доме префектурального управления Оодомари. Этот дом под номером восемь располагался в районе Нанкэй¹³⁶.

Новый дом Икэтами славился историей о том, что в 1890 году во время путешествия по Сахалину в этом месте на несколько дней останавливался А. П. Чехов. В те годы дом под номером восемь принадлежал полицейскому управлению. Об этом доме в «Острове Сахалин» Чехова находится следующее упоминание: «Я простился с гостеприимным г. Б. и отправился к секретарю полицейского управления, у которого мне была приготовлена квартира. <...> Это была квартира секретаря. По ветхим скрипучим ступеням я поднялся на террасу и вошёл в дом» 137.

Секретарём Корсаковского окружного полицейского управления, о котором пишет Чехов, в это время был Степан Фельдман¹³⁸. Согласно хронике пребывания русского писателя на Сахалине, комнату в доме полицейского управления он снял 12 сентября 1890 года, когда прибыл на пароходе «Байкал» в Корсаковский пост¹³⁹.

Но о таком любопытном факте Хатанака узнаёт уже после окончания школы, когда приезжает на Сахалин из Токио и временно останавливается, согласно литературной биографии, у пожилого мужчины – бывшего ссыльного Янковского.

Примечательно, что в листах сахалинской переписи Чехова действительно обнаруживается человек с таким именем: Осип Адамов Янковский (учётная карточка РГБ № 2081) из Тымовского округа селения Дербинское. Янковский, по записи Чехова, прибыл на Сахалин в 1880 году, а во время переписи указал, что ему тридцать семь лет¹⁴⁰. К моменту окончания Мияути школы, когда писателю стало

 $^{136}\,$ См. п. 2.2 «Ямагути Сэйси и его сахалинские стихотворения».

известно о том месте, где он жил с родителями, Янковскому должно было быть не менее семидесяти шести лет.

Мияути в романе пишет о том, что Янковский, подобно нескольким бывшим каторжанам, после перехода Южного Сахалина японцам остался в новом губернаторстве. Такие люди держали коров, продавали на станции молоко и русский хлеб, выполняли подсобную работу на винном заводе – искали любые средства, чтобы выжить, но продолжали жить на ставшей чужой земле, не желая возвращаться на родину.

При этом фамилия «Янковский» и имя отца Адам, напротив, могут свидетельствовать о нерусском происхождении героя. К тому же в записи Чехова указано католическое вероисповедание Янковского, что позволяет считать этого человека, скорее, поляком, чем русским¹⁴¹. К сожалению, пока не найдено иных свидетельств о дальнейшей жизни этого человека. Но, тем не менее, такое совпадение нельзя считать случайным. Мияути не говорил по-русски и если и имел какое-то представление о России своего времени, то только весьма общее. Поэтому нельзя исключить то, что фамилия «Янковский» для героя могла быть выбрана писателем сознательно, под влиянием каких-то фактических обстоятельств.

Открытие литературы и отцовское недовольство

В марте 1927 года на судне в Оодомари была доставлена первая партия книг, в числе этого заказа был и роман Виктора Гюго (1802–1885) «Отверженные» (1862), сильно ожидаемый Хатанакой. Забрав свою книгу из магазина, мальчик спрятал её в школьный портфель и принёс домой в тот день, когда отец находился на ночном дежурстве. А в один из прохладных ноябрьских дней пришло долгожданное собрание мировой литературы (всего двадцать три книги), а также роман Льва Толстого (1828–1910) «Воскресение» (1899). Однако, к несчастью, вернувшийся из школы в этот день отец заметил книги. По приказу отца Хатанака принёс все книги на склон холма, недалеко от обрыва, где отец вырыл яму. Отец бросил всю коллекцию в яму и поджёг. Это было наказание «сожжением книг». Мать с бледным лицом наблюдала за происходящим из окна гостиной.

Этот случай, как и другие печальные события, действительно имел место в жизни Мияути. Причину такого необычного поведения своего отца, который не стремился привить интерес к книгам, а, наоборот, отстранял сына от изучения литературы, будущий писатель узнал намного позже. Под впечатлением от прочитанного романа Токутоми Рока (яп. 徳富蘆花, 1868–1927) «Лучше не жить» (яп. 「不如帰』, 1899; оригинальное название романа – «Хототогису», что означает «Кукушка»; рус. пер. 1905) отец переехал в префектуру Канагава, где и произошло трагическое событие с гибелью двенадцати учеников. Свою нелюбовь к книгам отец писателя связывал с перипетиями своей сложной жизни.

От самостоятельной жизни к финалу

Вскоре после окончания средней школы Карафуто Хатанака приезжает в Токио, где начинает учиться на курсах для поступления в университет Васэда. Точно сказать, почему Хатанака останавливает свой выбор именно на этом университете, невозможно. Но в 1930-е годы в университете Васэда училось много провинциалов, к тому же отделение английской литературы, куда намеревался попасть Мияути, лучше всего подходило для юноши, мечтавшего о карьере писателя. Вместе с тем желание быть литератором было созвучно возможности забыть детскую обиду, которая осталась после сожжения книг отцом. Вероятно, на выбор университета Васэда повлиял и тот факт, что подавляющее большинство современных Хатанаке писателей когда-то учились у педагогов из Васэды. Кроме

¹³⁷ Чехов, А. П. Остров Сахалин // Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – Сочинения. – Т. 14–15: Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М., 1978. – С. 187.

¹³⁸ О семье Фельдманов см. следующую статью: Латышев, В. М. А. П. Чехов и сахалинские Фельдманы / В. М. Латышев // А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы международной научно-практической конференции. 21–30 сентября 2005 года. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 124–132.

 $^{^{139}}$ «Быть может, пригодятся и мои цифры». Материалы сахалинской переписи А. П. Чехова. 1890 год / сост.: А. И. Костанов, В. М. Латышев, И. А. Цупенкова [и др.]. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 597.

¹⁴⁰ Там же. – С. 240.

¹⁴¹ В книге С. П. Федорчука «Поляки на Сахалине» (Южно-Сахалинск, 1994) не упоминается об О. А. Янковском, однако общие сведения, которые даёт об Янковском в своём романе «Ситиригахама» Мияути Канъя, полностью соответствуют той информации, которую приводит сахалинский краевед, рассказывая о жизни поляков на Сахалине.

того, оказалось, что японский поэт Китахара Хакусю (яп. 北原白秋, 1885–1942)¹⁴², посетивший Сахалин летом 1925 года и написавший после этого увлекательную книгу о своей поездке, тоже был выпускником этого учебного заведения. Узнав об этом, Хатанака решил выбрать не только тот же университет, но и то же отделение, на котором когда-то учился прославленный Китахара.

Отец Хатанаки мечтал, чтобы сын пошёл по его стопам и стал учителем. Но Хатанака, понимая, что у него почти нет возможности осуществить свою мечту, всё же начинает жить, стремясь по мере сил реализовать себя в литературе. Вскоре после поступления Хатанаки в университет вся семья переезжает с Сахалина обратно в префектуру Окаяма. Однако с того времени Хатанака ни разу не приезжал на свою родину, постоянно живя в Токио и почти разорвав отношения с родителями.

Большинство произведений, тематически связанных с Сахалином, Мияути создал в 1930–1940 годы, в числе которых и такие, которые забыты современными читателями: «Мираж» (яп. 『蜃気楼』), «Белое течение» (яп. 『白い潮』), «Чёрное море» (яп. 『黒い海』), «На льду» (яп. 『氷の上』), «Первый снег» (яп. 『初雪』), «Дневник Карафуто» (яп. 『樺太日記』), «Центральные горы» (яп. 『中央高地』), «Цветы цитрона» (яп. 『からたちの花』) и другие. В этих произведениях показана жизнь переселенцев с северо-западной Японии и Хоккайдо на Южный Сахалин.

Автобиографический роман Мияути «Ситиригахама» был опубликован неза-

ひとり旅 - 歴史と文学 綱淵謙錠

Рис. 33. Книга Цунабути Кэндзё «Одинокое путешествие: история и литература», 1987 г.

долго до смерти писателя, серьёзно дополнив другие произведения о Сахалине. Эта книга стала самой значительной в творческом наследии Мияути. Через несколько лет после её публикации, вскрывающей неприглядные факты семьи Икэгами, писатель ушёл из жизни. Его не стало 5 марта 1983 года.

Мияути похоронен у себя на родине в префектуре Окаяма. Вместе со смертью писателя замкнулось пространство реальности и художественного вымысла. Книги писателя канули в реку времени, так и не став достоянием той части литературы, которая находится на стыке японской культуры и русской истории.

2.6. Сахалин в жизни Цунабути Кэндзё

Обзор творчества

Японский писатель Цунабути Кэндзё (яп. 網淵謙錠, 1924–1996) родился в селе Тофуцу округа Маоки (современное название – село Красноярское Холмского района). В 1945 году был демобилизован. В 1953 году он окончил Токийский университет по специальности английской литературы, после чего стал работать в издательстве «Центральное обозрение»

(яп. 中央公論社), а в 1971 году ушёл в отставку. И уже через год Цунабути был удостоен 67-й премии Наоки за произведение «Отсечение головы» (яп. 『斬』, 1972).

В эссе Цунабути встречаются упоминания о Сахалине. В таких работах, как «И история, и жизнь» (яп. 『歴史と人生と』, 1976), «Одинокое путешествие: история и литература» (яп. 『ひとり旅一歴史と文学』, 1977), «В погоне за рассветом» (яп. 『夜明けを駆ける』, 1978), «Далеко в памяти: исторический роман и я» (яп. 『遠い記憶一歴史小説と私』, 1978), «На волне истории, на ветру четырёх сезонов» (яп. 『歴史の海四季の風』, 1984)¹⁴³, можно найти упоминания о жизни писателя на Сахалине.

Отца Цунабути звали Канэкити (яп. 兼吉), он родился в 1884 году. Демобилизованный из Маньчжурии после Русско-японской войны (1904–1905) отец спустя год поехал на заработки из префектуры Ямагата на Сахалин, где устроился на сезонную работу в рыбацкое село Тофуцу. Отработав с весны по лето, перед началом сезона он вернулся домой. Постоянно Канэкити стал жить на Сахалине с 1919 года. Мать писателя родилась в 1894 году в Хакодате. В 1920 году на свет появилась старшая сестра Цунабути, а в 1924 году родился и он сам. В то время семья Канэкити была состоятельной: одни из немногих они жили в селе в двухэтажном доме, и родители могли купить детям трёхколесный велосипед. В 1931 году будущий писатель пошёл в младшую школу. Но к этому времени семья уже была разорена: дом перешёл в чужие руки, и семейство Цунабути переехало в небольшое строение недалеко от села. Цунабути слышал от матери причину семейного разорения: отец выступил поручителем долговых обязательств своего друга, но подробностей писатель не знал. В детскую память врезалась только одна странность: в дом, в котором они ещё вчера жили спокойно, пришли совершенно чужие люди. Годы, когда мальчик ходил в младшую и среднюю школу, прошли в нищете.

Работа отца определила основные воспоминания писателя: они были связаны с морем. Цунабути писал, что на окраине деревни, где они жили, стоял памятник. Памятник был в два с половиной метра высотой, один метр шириной и тридцать сантиметров толщиной. И, как гласила надпись на сооружении, было оно поставлено за упокой тысячи душ. Перед началом рыбного сезона около этого места собирались управляющие рыболовных участков села (отец писателя был одним из таких людей). Из соседнего города приглашали священника, который проводил службу: он молился за упокоение душ, а также за безопасность на море и богатый улов каждого года.

Детские годы писателя

После занятий в младшей школе дети всегда бегали к памятнику и покорно ждали, когда закончится чтение сутр. По окончании службы взрослые давали детям сладости. Это соответствовало обряду «сэгаки» (яп. 施餓鬼) – буддийскому ритуалу для облегчения участи голодных духов.

Цунабути вспоминал, что день, когда в море заходила сельдь – это называлось японским словом «кукиру» (яп. 群来る) – на удивление был пасмурным. Это погодное явление получило название «нисин гумори» (яп. ニシン曇り) – «облачность от сельди». В школе поднимали флаг и устраивали «нисин ясуми» (яп. ニシン休み) – «селёдочный выходной». Школьники с радостью возвращались домой, где помогали с домашними делами родителям. Когда период ловли сельди, продолжающийся с апреля по май, заканчивался, на море снова начиналось затишье.

Писатель рассказывал, как школьникам, несмотря на то, что вода была ещё холодной, не терпелось искупаться в море. Дети собирали на побережье щепки, разжигали костры, возле которых хорошо разогревались, после чего бежали купаться. Детский интерес отчётливо разглядеть ракушки и песок на дне, а также радость от того, что можно понырять под воду, перевешивали, и ребята были готовы терпеть холод морской воды. В августовские дни на берегу собирали морских ежей и маленьких крабов. С лета по осень в сети ловили дальневосточную сардину (другое название – сельдь иваси). На закате солнца рыбаки на моторных лодках отправлялись в море. Писатель указывал, что на море часто бывали различные происшествия: на суднах могли случаться пожары, или налетевшая буря опрокидывала лёгкие лодки. Поэтому, провожая своих мужей и отцов в море, жёны и дети всегда испытывали беспокойство и опасение. Эти чувства были и в душе ещё не повзрослевшего Цунабути.

Лето на Сахалине заканчивалось быстрее, чем в центральной Японии. После рыбного сезона многие наёмники уезжали с острова, поскольку наступал так называемый период «двухсот десяти нерыбных дней». Однако в середине эпохи Тайсё (1912–1926), когда железная дорога на южной части Сахалина уже работала ис-

¹⁴² См. п. 1.2 «Поездка Китахары Хакусю на Сахалин».

¹⁴³ Эти и другие произведения писателя не переведены на русский язык. Предложенные варианты перевода названий являются возможными и неокончательными.

правно, количество людей, остававшихся зимовать на острове, резко увеличилось.

Ежегодным мероприятием в младшей школе был соор брусники – он проходил в сентябре. В этом же месяце начинали делать и различные соленья на зиму. Заготовки заканчивались в октябре, и только тогда люди переводили дух в ожидании прихода «генерала Мороза». Третьего ноября в праздник дня рождения императора Мэйдзи¹⁴⁴ на крышах домов уже лежал снег. Так наступала зима.

Младшая школа, в которой учился Цунабути, находилась в Тофуцу. На выпускной фотографии, сделанной перед зданием школы, можно увидеть директора школы, трёх учителей и девятнадцать школьников (десять девочек и девять мальчиков), выстроенных в три ряда. Это был самый многочисленный выпуск за всю историю школы. Когда Цунабути заканчивал первый класс, его старшая сестра как раз завершала обучение в этой школе. И в выпуске сестры было всего пять или шесть человек. На обратной стороне фотографии можно прочитать запись о том, что это был двадцать шестой по счёту выпуск младшей школы в марте 1937 года.

Средней школы в Тофуцу не было, поэтому приходилось каждый день ездить на поезде в Маоку (современное название – Холмск Сахалинской области). Поезд курсировал между городами Нода (современное название – Чехов Сахалинской области) и Хонто (современное название – Невельск Сахалинской области). В те времена на Южном Сахалине в среднюю школу ходили ребята из обеспеченных семей, у семьи Цунабути не было достаточно средств, чтобы оплачивать обучение. Старшая сестра работала, чтобы брат мог посещать школьные занятия. Когда он учился в первом классе средней школы, сестра была сотрудницей аптеки при стоматологии села Рандомари (современное название – Яблочное Сахалинской области), а спустя несколько лет – служащей почты в Ноде.

Дебютной печатной работой Цунабути стало его сочинение, опубликованное в первом номере школьного журнала, когда он учился во втором классе средней школы. Мальчик был невероятно удивлён, что его сочинение было зачитано во время урока учителем японского языка.

Начало взрослой жизни

Как отмечает Кихара Наохико¹⁴⁵, в 1942 году Цунабути, окончив обучение в маокской средней школе, впервые в своей жизни поехал в Токио, чтобы сдать экзамены для поступления в высшую школу. Путь до Токио, куда молодой человек отправился со своими школьными друзьями, занял пять дней. Для семнадцатилетнего юноши это было первое долгое путешествие. Из Маоки одноклассники поездом добрались до Тоёхары (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области), где провели ночь, а на следующий день выехали в Оодомари (современное название – Корсаков Сахалинской области). Вторую ночь юноши провели в скором поезде, следовавшем из Вакканая в Хакодате. Переночевав в Хакодате, на следующее утро на пароходе одноклассники отправились в Аомори. Часы ожидания поезда пришлось коротать в кафе недалеко от станции, и молодые люди были поражены, что не могли понять ни слова из разговора местных официанток. Это создавало чёткое ощущение, что они оказались в чужой стране. В поезд юноши сели уже вечером, и на пятый день своего путешествия прибыли в столичный район Уэно.

Но экзамены будущий писатель не смог выдержать, поэтому вынужден был вернуться назад на Сахалин, где и стал помогать отцу в ловле рыбы. Отец начал брать сына на рыбалку, как только тот усвоил, как управлять лодкой. Вдвоём отец и сын расставляли сети на горбушу, выходили в открытое море на камбалу, толь-

 144 По современному календарю 3 ноября в Японии отмечают День культуры.

ко этим и обеспечивали себе на жизнь. А в свободное время юноша готовился к экзаменам.

В селе в то время не было электричества, поэтому помещения освещались керосиновыми лампами. Каждый вечер в гостиной Цунабути занимался под тусклым светом лампы. Нередко случалось так, что в три часа ночи вставал отец и вместе с сыном, который ещё не ложился спать, отправлялся на рыбалку за камбалой. Лодка длиной в три кэн¹⁴⁶ и шириной в три сяку¹⁴⁷ выходила под парусом, управляемым утренним ветром, в тёмное море. Эти полгода, когда отец с сыном без посторонней помощи вели рыбацкий промысел, писатель вспоминал как бесценный жизненный опыт.

В конце 1942 года юноша уехал в Токио, где стал жить в доме знакомого, готовясь к вступительным экзаменам. В апреле следующего года писатель поступил в высшую школу Ниигаты (по старой системе). В июле 1943 года он приехал в дом к отцу на каникулы.

Весной 1944 года писатель, который в то время учился на втором курсе, прошёл медицинский осмотр для призыва в армию и в феврале 1945 года поступил на военную службу в пехотную военную часть Асахикавы. В это время ему было двадцать лет. После получения телеграммы с письменным приказом о мобилизации он из Ниигаты сразу отправился на Сахалин, где провёл два дня с родственниками. Это был его последний приезд на остров. 29 января – день, когда Цунабути в последний раз видел не только свою родину, но и своего отца.

Будучи солдатом, Цунабути был удивлён, что в армии призванным студентам платили жалованье. О завершении войны он узнал во дворе казарм. В середине сентября 1945 года был отдан приказ о демобилизации. Два одеяла, сигареты фирмы «Хомарэ», немного денег на путевые расходы, бессчётное число вшей – так формулирует Кихара итоги военной службы писателя. Около трёх месяцев Цунабути жил в доме своего знакомого в Аките, потом он поехал в Ниигату, где пробыл около шести месяцев, а после продолжил обучение в Токийском университете.

15 августа 1945 года, когда объявили об окончании войны, семья Цунабути была на Сахалине. С этого дня для многих живших на Сахалине японцев настали тяжёлые дни в ожидании отъезда с острова. Отец не дожил до дней расставания со своим сахалинским домом, он умер от язвы в октябре 1946 года. Мать и младшая сестра, а также старшая сестра с мужем уехали с Сахалина в июне 1947 года, взяв с собой прах умершего отца.

Однажды мать, говоря сама с собой, произнесла: «Интересно, что же будет с книгами, зарытыми на берегу?» Перед самым поражением, когда ещё не было известно о нападении советских войск, отец положил в коробку все книги сына, которые он собирал до поступления в высшую школу, и вместе с сёстрами закопал их на песчаном берегу недалеко от дома. Возможно, отец думал, что когда-то настанет день и его любимый сын сможет вернуться в родные края за своим «наследством».

2.7. Дальний Восток в книгах Кандзавы Тосико

Писательница и её книги для детей

Японская писательница Кандзава Тосико (яп. 神沢利子, настоящее имя – Фурукава Тоси 古河トシ; род. 1924) родилась в префектуре Фукуока на острове Кюсю, но практически всё своё детство провела на севере Японии. Её отец работал горным инженером, поэтому часто переезжал с одного места, в котором добывался уголь, на другое. По этой причине в 1929 году семья Кандзавы поселилась на Сахалине: вначале в посёлке Каваками (современное название – Синегорск Саха-

¹⁴⁵ Здесь и далее по тексту значительная часть информации о жизни Цунабути почерпнута из следующей книги: Кихара, Наохико. Цунабути Кэндзё. Тофуцу дэ умарэ Маока тю:гаку ни манабу. (Цунабути Кэндзё родился в Тофуцу, учился в школе Маоки) / Наохико Кихара // Карафуто бунгаку-но таби (дзё) (Путешествие по литературе Карафуто [первая часть]). – Саппоро, 1994. – С. 287–297.

¹⁴⁶ 1 кэн равен 1,81 метра.

¹⁴⁷ 1 сяку равен 30,3 сантиметра.

линской области), а позже в районе Сисуки (современное название – Поронайск Сахалинской области). Сахалин запомнился писательнице пронзительными морскими ветрами, обилием снежных сугробов, поражающими своим великолепием летними травами и цветами. Счастливое время беззаботных детских лет совпало и с необычными открытиями мира. В центральной части острова Кандзава встречалась с нивхскими и уйльтскими детьми, наблюдала за национальными праздниками коренных народов Дальнего Востока.

В подростковом возрасте Кандзава вместе со своей семьёй обосновалась в Токио, где позже началась и литературная карьера писательницы. Когда Кандзава пошла в столичную школу, она была удивлена многими вещами, о существовании которых раньше не знала, поскольку до тринадцати лет жила только в сельской местности, бытовой уклад и природный ландшафт которой сильно отличался от городских кварталов. После окончания школы будущая писательница продолжила обучение в Токийском колледже искусств. В двадцать лет Кандзава вышла замуж, родила двоих детей. Из-за постоянного материального недостатка она стала сочинять короткие незамысловатые истории, предназначенные в первую очередь для дошкольников и учеников начальных классов. Основу этих историй составили её ранние впечатления о жизни на севере, в частности, на Хоккайдо и Сахалине.

В своих книгах писательница делится воспоминаниями о ярких годах своего детства, пытается рассказать о том бесконечно увлекательном мире, который есть за пределами городской цивилизации. По содержанию рассказы Кандзавы строятся как сказки, в которых герои (чаще всего – маленькие дети, наделённые человеческими способностями животные, растения или одушевлённые воображением автора бытовые предметы) сталкиваются с непреодолимыми препятствиями. Главные действия сказочных историй, как правило, разворачиваются на лоне природы, бесконечно разнообразный колорит которой часто напоминает север. Первое издание книги Кандзавы называлось «Песня одуванчика» (яп. 『タンポポのうた』, 1958). В этом и последующих своих произведениях писательница воспевает мир природы, малознакомой жителям городов.

Во второй отдельно изданной истории писательницы «Приключения маленького Каму» (яп. 『ちびっこカムのほうけん』, 1961) события происходят на севере. По признанию Кандзавы, климатические условия и природный мир этой книги напоминают Камчатку, которую писательница никогда не посещала, но была очарована рассказами об этом полуострове других авторов. В книге описывается сказочный герой по имени Каму, который, преодолевая многочисленные трудности, способствует победе добра над злом. «Приключение маленького Каму» состоит из

Рис. 33. Книга Кандзавы Тосико «О, Олень! О, мой брат», 2004 г.

двух частей: «У Вулкана» и «На Северном море». В первой части Каму с помощью чудесного кольца добывает целебную траву для своей больной матери, а во второй - мальчик, используя волшебство, спасает своего отца, ставшего моржом и оказавшегося в холодных морских водах. На протяжении всей книги Каму сопровождают медведи, олени, волки, зайцы, совы, тюлени, рыбы и другие животные севера. Писательница пытается показать бесконечное богатство морей, рек и лесов, среди которых человек живет в гармонии и единстве. Эта тема становится ведущей во многих произведениях Кандзавы.

Сибири и Дальнему Востоку (Сихотэ-Алинь) посвящена её книга «О, Олень! О, мой брат» (яп. 『鹿よおれの兄弟よ』, 2004) с иллюстрациями Ген-

надия Павлишина (род. 1938). Но и это произведение, изданное в Токио, совершенно не известно российским читателям, несмотря на интересный творческий союз японской писательницы и русского художника. В книге рассказывается об удэгейцах, занимающихся охотой и собирательством. Жизнь людей в непроходимой тайге наполнена поэтической музыкой природы. В ритмизированной прозе писательница пытается запечатлеть плеск воды, соприкасающейся с лодкой и вёслами, голоса оленей, крики диких уток, дыхание северного леса.

Кандзаву отличает максимальная внимательность к различным деталям: будь то красочные этнические одежды удэгейского охотника, шкура оленя или листья деревьев. В названии книги отражена идея общности человека и животного. Главные герои рассказа – удэгейцы, живущие промыслом оленей. Оленья шкура идёт на изготовление одежды, а мясо – на питание, поэтому любой охотник чувствует своё подобие оленю, так как окружает себя его «плотью» и «кровью». При этом отношения охотника с природой отличаются бережливостью, взаимным участием в общей судьбе. Показательным становится случай из детских лет отважного охотника. Когда охотник был ещё беззащитным ребёнком, то, собирая грибы, он уснул в лесу. Но дикие животные не нарушили покой маленького человека, а, напротив, оградили его от возможных опасностей. Многие поколения удэгейских охотников выжили в безжалостных условиях сурового края благодаря оленям, питаясь их мясом и укрываясь во время холодов оленьими шкурами. Но в книгах Кандзавы олень не воспринимается жертвой человека. Через вынужденную смерть от руки охотника олень наполняет духом весь северный лес.

Адресованные детям произведения писательницы: «Медвежонок Уфу» (яп. 『くまの子ウーフ』,1969), «Косматая голова Наны» (яп. 『もじゃもじゃあたまのナナちゃん』, 1985), «Маленькая горилла Рила» (яп. 『ゴリラのりらちゃん』, 2005) и многие другие отличаются доступным языком, занимательными сюжетами и красочными иллюстрациями. Многочисленные книги Кандзавы известны во многих странах –

Америке, Англии, Германии и других.

Произведения писательницы переводились и в России 148. Но её опубликованная на русском языке книга «Как бабушка была паровозом» (яп. 『せかしむ かしおばあちゃんは』, 1985) 149 в 1991 и 1994 годах даёт только частичное представление обо всём творчестве этого автора. Иллюстрированное издание книги включает в себя несколько историй. В них главная героиня рассказывает своим внукам о том, как в давние времена она была тем или иным сказочным героем: паровозом, домом, мышкой, совой, колодцем или грелкой. В незамысловатых повествованиях бабушки описывается не только быт японской семьи, но и своеобразие природы северной Японии: холодные снежные зимы, богатый растительный и животный мир.

Рис. 34. Книга Кандзавы Тосико «У берега реки», 2003 г.

Воспоминания о Сахалине в книгах для взрослых

В творческой биографии Кандзавы есть и книги для взрослых читателей. Так, в романе «У берега реки» (яп. 『流れのほとり』, 1976) в противовес детским книгам встречаются прямые упоминания о Сахалине. В образе главной героини этого произведения – девочки Асако, отец которой переехал с Хоккайдо на

 $^{^{148}}$ Кандзава, Тосико. Как бабушка была паровозом. Повесть-сказка / Тосико Кандзава ; пер. с яп. Г. Ронской ; худ. Ф. Ямаути. — М., 1991. — 110 с. ; Кандзава, Тосико. Как бабушка была паровозом. Сказки / Тосико Кандзава ; пер. с яп. Н. Ерофеевой ; худ. А. Куманьков. — М., 1994. — 56 с.

¹⁴⁹ Японское издание книги 1985 года называется «Давным-давно бабушка была...», но в России этот сборник получил название одного из входящих в него рассказов — «Как бабушка была паровозом» (яп. 『おばあちゃんが汽車だったはなし』).

одну из шахт Южного Сахалина, представлены автобиографические воспоминания писательницы.

В произведении колоритно описан растительный и животный мир северной природы, использованы точные географические названия островов, рек, гор, городов. Писательница подчёркивает, что растения севера отличаются нескончаемым разнообразием. Она подробно описывает большие цветы морского шиповника, кисловатый вкус сахалинской брусники, ягоды японской рябины, фиолетовые цветы диких ирисов, малиновые венчики узколистого кипрея («иван-чая») и другие сахалинские растения. Например, Кандзава пишет, что в день детского праздника «Сити-го-сан» входные двери домов украшались не традиционными для Японии бамбуковыми листьями, а ветками сосен, которые в изобилии растут на Сахалине.

Детально рассказывает писательница о бытовом устройстве людей, живущих на острове. Кандзава воссоздаёт увиденные ею в детстве русские и японские жилищные постройки, величественные синтоистские храмы и контрастирующие с ними заурядные лавки с необходимыми человеку товарами. На фоне этих природных и бытовых картин рисуются чувства маленькой Асако, познающей в жизни и первые приобретения, и первые потери.

Рис. 35. Книга Кандзавы Тосико «Я всё время пою одну

Апогеем творчества Кандзавы стала книга «Я всё время пою одну и ту же песню» (яп. 『同じうたを うたい続けて』, 2006). Это произведение, написанное от первого лица в форме интервью, построено на авторском осмыслении запоминающихся фактов прошлых лет. Основное содержание книги представлено в виде различных отрывков, датированных тем или иным периодом жизни писательницы. В этой книге Кандзава щедро делится авторским замыслом своих первых книжек для детей, объясняет идеи, которые пыталась донести до читателей в более поздние годы, рассказывает о творческом союзе с разными художниками, иллюстрировавшими её книги и, прежде всего, с Геннадием Павлишиным. Так, несколько эпизодов книги «Приключения маленького Каму» основаны на воспоминаниях о сахалинском детстве. В частности, лечение матери Каму при помощи волшебной травы – это прообраз того, как обращались к силам живой природы сахалинские уйльта. В период написания этой сказочной истории супруг Кандзавы, как и она сама, был болен. Через сказочный сюжет писательница попыталась и ту же песню», 2006 г. передать веру в выздоровление близкого ей человека, полагая, что светлые надежды всегда должны

осуществляться. Примечательно, что и в книге «У берега реки» главная героиня узнаёт о том, что её мать больна туберкулёзом, но в реалистическом повествовании девочка никак не может противостоять болезни, и, как в сказке, на помощь приходит целебная трава.

На страницах автобиографического произведения «Я всё время пою одну и ту же песню» Кандзава подробно говорит о своей жизни на Сахалине. Вспоминает небольшую школу с четырьмя классными комнатами, скудность учебников и важных для формирования сознания ребёнка книг. Писательница говорит о том, что в деревне, в которой она провела свои детские годы, не было специальных площадок для игр, поэтому её сверстники играли на лоне природы. Во все времена года дети были окружены горными речушками, разнообразными кустарниками и могучими лесными деревьями, знакомство с которыми восполняло недостаток увлекательных книг. Маленькой девочкой писательница любила в одиночестве сидеть в высокой траве, слушать пение птиц, наблюдать за насекомыми: кузнечиками, бабочками, стрекозами. Всё это делало её безмерно счастливой, поэтому в своих книгах Кандзава пыталась отразить доступную детским чувствам гармонию природного устройства, полноту бытия окружающего мира.

Светлыми красками очерчены воспоминания писательницы о семье – о родителях и братьях. Кандзава рассказывает о хозяйстве своего отца, о его бережном отношении к двум лошадям на их домашнем подворье. Симпатию к этим животным писательница пронесла через всю жизнь. К числу ярких моментов детства относятся и катание зимой на санях, запряжённых лошадьми, и игры со снегом, и молоко оленей, которое можно было пить, и многое другое.

Значительным впечатлением из детских лет становятся рассказы бывалых людей о встрече с бурыми медведями, которые не обитают в центральной Японии. Детские персонажи книг Кандзавы - большие медведи с коричневой шерстью, «лесные цари» списаны с медведей Хоккайдо и Сахалина.

Отдельные фрагменты книги обращены к разговору о коренных народах Дальнего Востока. По словам писательницы, Сахалин традиционно ассоциируется с айнами, которых ей не приходилось встречать в детстве. Однако в центральной части острова в её времена жили не менее интересные в этническом и культурном плане нивхи и уйльта, не знающие национальных границ и других ограничений цивилизации. Кандзава говорит о том, что во Вторую мировую войну многие из представителей этих свободных народов незаслуженно пострадали. В частности, достаточно подробно она размышляет над судьбой одного из представителей сахалинских уйльта – Гэндану Дахиниэна (1926–1984), пробывшего после войны семь лет в сибирских лагерях и эмигрировавшего в 1955 году в Японию. О сахалинских аборигенах Кандзава много слышала в детские годы, которые она провела в центральной части Сахалина. Но только спустя десятилетия писательница смогла осознать истинное положение коренных народов в условиях островной цивилизации.

Завершается книга Кандзавы рассказом о том, что сейчас писательница живёт в черте Токио в районе Митака, на территории которого находится много вишнёвых деревьев. Опадающие цветы этих деревьев побуждают всегда помнить о прошлом и думать о настоящем.

Художественное мастерство Кандзавы было высоко оценено литературной критикой: за успехи в области детской литературы писательница была удостоена награды имени Ивая Садзанами (1996), её издания для детей были премированы наградой Санкэя (1975, 1981, 1989, 1990) в номинации «Детская литература». В 2006 году Кандзава была номинирована на престижную среди детских авторов премию Ганса Христиана Андерсена. Это доказывает, что рассказы и сказки писательницы высоко оцениваются в мире детской литературы и рекомендуются современным читателям, среди которых, может быть, в будущем появятся и новые исследователи Дальнего Востока.

2.8. Сахалин Ри Кайсэя: через воспоминания к художественным образам

Писатель корейского происхождения Ри Кайсэй (яп. 李恢成; кор. 이회성; И Фе Сон (Ли Хёсон); род. 1935) является одним из ярких представителей литературных кругов современной Японии. Повышенное внимание Ри Кайсэя к Сахалину, чётко обозначенное в ряде его книг, неслучайно. Будущий писатель жил на Сахалине до двенадцатилетнего возраста. Свои детские воспоминания об острове он связывает с «морем», «плеском волн», «ужасными морозами». В беседе с Ли Сан Наком¹⁵⁰ (род. 1954) Ри Кайсэй так описывает стихийное начало сахалинской природы: «Волны были такие большие, что когда мы сидели дома, земля содрогалась так, словно наступило землетрясение. Мы боялись, как бы во время сна волны не смели нас с суши» 151.

 $^{^{150}}$ Ли Сан Нак - южно-корейский писатель и журналист. В 1990-х годах в журнале «Синдона» публиковал интервью с известными людьми в рубрике «Жизнь этого человека». Автор статей о Ри Кайсэе на корейском языке.

¹⁵¹ Ли, Сан Нак. Жизнь этого человека / Сан Нак Ли // Сэ корё синмун. – 20 ноября. – 1998. – С. 6. (Здесь и далее по тексту все переводы с корейского языка сделаны Йак Сын Ы.)

Рис. 36. Две части книги Ри Кайсэя «Дорога длиною в век», 1994 г.

Отец Ри Кайсэя – Ли Бон Сок (1902–1961) был выходцем из Северной Кореи, его дед первым приехал на Сахалин. Родственники матери жили в южной части Корейского полуострова. Когда в июле 1947 года отец Ри Кайсэя, не имея возможности вернуться в Корею, принял решение уехать из Маоки (современное название – Холмск Сахалинской области), матери будущего писателя Тян Суль И (1906?–1944) уже не было в живых. Она умерла, немногим не дожив до окончания войны. Желание скорейшего отъезда в Японию породило внутри семьи конфликт, драматизм которого был описан на страницах книги «Бассейн» (яп. 『流

域へ』, 1992). Сложная семейная ситуация не давала в течение долгих лет душевного покоя самому писателю. Вступив после смерти Тян Суль И во второй брак, отец Ри Кайсэя не признал дочь своей новой жены от первого супружеского союза, почему и оставил совсем ещё молодую девушку на Сахалине.

Отец писателя Ли Бон Сок выступил прототипом многих персонажей произведений Ри Кайсэя: в «Бассейне» главный герой описан максимально критично, его логические доводы вступают в противоречие с родственными привязанностями людей. В романе «Дорога длиною в век» (яп. 『百年の旅人たち』, 1994)¹⁵² отец, напротив, предстаёт крайне мужественным человеком. «Мой отец был сварливей, чем герой романа, и был скор на руку, – вспоминал Ри Кайсэй, – во многом герой показан как мужественный человек, прошедший через испытания народных бедствий. Такое "отцелепие" для меня обычный литературный приём, можно сказать, метод типизации образов» 153.

В своём автобиографическом романе «Дорога длиною в век», удостоенном премии Номы (1994), Ри Кайсэй детально описывает события поспешного отъезда своей семьи с Сахалина. Необходимость поспешного «бегства» с острова была вызвана социальным положением его отца на послевоенном острове. «Во время японской оккупации, – по словам Ри Кайсэя, – все корейцы, проживавшие на территории Японии, обязаны были вступать в прояпонскую "Организацию содействия", контролировавшую жизнь всех корейцев. А отец мой был членом её правления. После окончания войны на освобождённую землю Сахалина прибывало много "материковских" корейцев. Это были люди, которые вели борьбу против нацистов вместе с Советской Армией и были мобилизованы на Сахалин для строительства новой жизни на островах. Сталинская тайная полиция начала работу по выявлению тех корейцев, которые сотрудничали с японской властью, массово арестовывала их и ссылала в сибирские лагеря. И наша семья была вынуждена, маскируясь под японцев, тайком пробраться на корабль японского Красного Креста» 154.

Объективно оценивается писателем и противостояние между оставшимися на российской земле корейцами и покинувшими островную землю японцами. Многим спустя, во время публичного обсуждения одной из книг, посвящённых Сахалину, писатель вспомнил о следующем эпизоде из своих детских впечатле-

152 Название этой книги на русском языке может звучать ещё и как «Столетние путешественники». ний: «В Маоке была парикмахерская, которой управлял человек по имени Чин. Однажды утром он прибежал к нам домой и рассказал отцу, что японцы начали уничтожение корейцев. Я помню этот день, как сейчас» 155 .

Прибыв в Хакодате, отец Ри Кайсэя был подвергнут допросу американскими военными, затем вся семья попала в лагерь для заключённых на острове Кюсю. Первые годы жизни в послевоенной Японии были сопряжены с тяжёлым физическим трудом, с постоянным недоеданием и осознанием своей чуждости японцам: «Дома держали свиней, приходилось вставать рано, вытаскивать тележку и собирать по домам пищевые отходы. Мы не чурались никакой тяжёлой работы. <...> В то время я не мог жить, гордо говоря, что я – кореец. Жизнь была очень трудной. К тому же возникали разногласия с отцом. Будучи корейцами, надо было жить, имитируя японское гражданство. Всё это рождало хаос, нигилизм <...> Иногда накатывала мысль о самоубийстве» 156.

В дальнейшем, достигнув совершеннолетнего возраста, Ри Кайсэй поступил на факультет русской литературы в университет Васэда. В те годы решение о характере будущей профессии Ри Кайсэй отнюдь не связывал с Сахалином и, считая свой профессиональный выбор правильным, признавался, что при поступлении на факультет русской литературы руководствовался только тем, что проходной балл там был ниже, чем на аналогичном факультете английского языка. После окончания университета Ри Кайсэй работал журналистом, пытался писать на корейском языке, а позже стал профессионально заниматься публицистикой и собственно художественной литературой.

Начало активной литературной деятельности Ри Кайсэя приходится на 1960-е годы, когда он после публикации произведения «И снова та же дорога» (яп. 『またふたたびの道』, 1969) был удостоен премии журнала «Гундзо» (яп. 『群像』, 1969). Позже Ри Кайсэй был награждён престижной для начинающих писателей премией Акутагавы за роман «Прачка» (яп. 『砧をうつ女』, 1972).

«Путешествие на Сахалин»

Общественная и литературная работа Ри Кайсэя способствала тому, что в октябре 1981 года он по приглашению Союза писателей СССР приехал на Сахалин. Итогом двухнедельного пребывания на острове становится новая книга – «Путешествие на Сахалин» (яп. 『サハリンへの旅』, 1983), которая находится на стыке реальности и художественного вымысла.

Недолгое «возвращение» на остров детства описано глазами человека, познавшего горькие и счастливые минуты в своей жизни и тем самым предельно чётко определившего свой взгляд на жизнь сахалинских корейцев в условиях Советского государства. Воссоединение одной семьи, подробно описанное в «Путешествии на Сахалин», предстаёт как типичная ситуация тех времён, при этом ключевым словом во всём повествовании выступает слово «трения». Писатель рассматривает внутрисемейные «трения», основанные на чувствах близких друг другу людей – категоричных и непримиримых в своих решениях, и «трения» политические, исход которых мог зависеть от ещё большего количества заинтересованных лиц, также категоричных и непримиримых.

Рассказывая о своей семье, Ри Кайсэй говорит о судьбах большей части представителей сахалинской корейской диаспоры первого и второго поколений. В сахалинских страницах жизни корейского народа тесно переплелись и личные амбиции, и дух времени – сложного и непонятного. Оказавшиеся в новой исторической ситуации сахалинские корейцы стремились забыть своё «японское» прошлое и ассимилировали (в одних случаях вынужденно, в других – естественно) культуру своей нации с традициями русского народа. При всём этом Сахалин

¹⁵³ Ли, Сан Нак. Жизнь этого человека // Сэ корё синмун. – 4 декабря. – 1998. – С. 6.

 $^{^{154}}$ Цит. no: Ли, Сан Нак. Жизнь этого человека / Сан Нак Ли // Сэ корё синмун. - 20 ноября. - 1998. - С. 6.

¹⁵⁵ И, Фе Сон. Послесловие японского издателя / Фе Сон И // Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина / пер. с яп. Р. Брилёва и В. Соколова. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 125.

 $^{^{156}}$ Ли, Сан Нак. Жизнь этого человека / Сан Нак Ли // Сэ корё синмун. — 20 ноября. — 1998. — С. 6.

Рис. 37. Книга Ри Кайсэя «Путешествие на Сахалин», 1983 г.

Рис. 38. Книга Ри Кайсэя «Мой Сахалин», 1975 г.

выведен в книге как символ всего мира, в котором всё ещё есть место печалям и трагедиям.

Ри Кайсэй после переезда с Сахалина в Японию также не избежал ряда сложностей. Формирование менталитета писателя, как и в условиях Сахалина, было подвергнуто инокультурной среде, в которой доминирующее место занимал «японский», а не «корейский» фактор. Так, по словам самого писателя, он систематически не обучался корейскому языку. Ли Сан Нак во время визита Ри Кайсэя в Южную Корею отмечал, что его собеседник «временами в своих мыслях, которые <...> выражал <...> не использовал нужные слова, а подбирал близкие по смыслу выражения. <...> применял не иероглифические слова, а исконно корейские, иногда затруднялся пояснить их значение» 157.

Книга «Путешествие на Сахалин» может рассматриваться в сравнении с ещё одним сахалинским произведением — очерками почётного профессора Хоккайдского университета (Япония, Саппоро), обладателя нескольких литературных премий Кудо Масахиро (яп. 工藤正廣, род. 1943) «Путешествие на новый Сахалин» (яп. 「新サハリン紀行」, 1990). Название этой книги (за исключением слова «новый») в точности повторяет название более раннего по времени издания произведения Ри Кайсэя. Кудо Масахиро в своём постижении Сахалина соизмеряет остров с тем, что писал о нём Ри Кайсэй, и с тем, что открылось перед глазами путешественника спустя почти десятилетие.

Общественная деятельность писателя

Во второй половине 1980-х годов Ри Кайсэй встал во главе литературно-художественного журнала «Минто» (яп. 『民濤』). Среди книт писателя отдельное место занимает его работа, написанная совместно с профессором Киотского университета Мидзуно Наоки (яп. 水野直樹, род. 1950) «"Песня Арирана" Ким Сан и Ним Уэллс» (яп. 『「アリランの歌」覚書 ーキム・サンとニム・ウェールズー』, 1991). Совместное исследование, основанное на документальных фактах, посвящено, с одной стороны, борцу за независимость Кореи, с другой – автору книги «Песня Ариран» (1941) – американской писательнице Ним Уэллс¹⁵⁸ (1907–1997).

В 1988 году, а затем уже в 2005 и 2006 годах Ри Кайсэй вновь приехал на Сахалин 159 . Тему истори-

ческой родины своих предков и «малой» родины своего детства писатель неоднократно поднимал в ряде книг. Так, в произведении «Запретная земля» (яп. 『禁じられた土地』, 1977) он пытался определить возможные варианты решения исторических и собственно национальных проблем. В аналогичном ключе написаны и другие книги Ри Кайсэя: главным образом, это «Мой Сахалин» (яп.

¹⁵⁷ Ли, Сан Нак. Жизнь этого человека / Сан Нак Ли // Сэ корё синмун. – 20 ноября. – 1998. – С. 6.

¹⁵⁸ Хелен Фостер Сноу – американская журналистка, которая писала в Китае в 1930-е годы под псевдонимом Ним Уэллс; первая жена писателя Эдгара Сноу (1905–1972). Книга «Песня Ариран» была опубликована в Америке, а позже переведена на японский и корейский языки.

159 Ри Кайсэй приехал в Южно-Сахалинск в первой половине сентября 2006 года для участия в Днях корейской культуры на Сахалине.

『私のサハリン』, 1975) и «Биография беженцев» (яп. 『流民伝』, 1980).

В дни своего второго приезда на Сахалин Ри Кайсэй встречается с представителями корейской диаспоры города Чехова Сахалинской области. Там же произошло знакомство писателя с Пак Хен Чжу, позже написавшего историческое эссе о сахалинских корейцах. Книга Пак Хен Чжу «Репортаж с Сахалина» (яп. 『サハリンからのレポート』, 1988, рус. пер. 2004) была издана впервые в Японии. Ри Кайсэй, будучи обладателем авторских прав на это издание, выступил инициатором её общественного обсуждения. Художественно-документальное повествование Пак Хен Чжу, целиком написанное на японском языке, как и книги самого Ри Кайсэя, стало той частью японской литературы, которая тематически и идейно сконцентрирована на сахалинских реалиях разных исторических периодов.

Не угасаемый на протяжении нескольких десятилетий творческой биографии Ри Кайсэя интерес к Сахалину объясняется лаконичными словами самого писателя, полагающего, что «Сахалин – это историческая реальность, вобравшая в себя судьбы многих корейцев, переживших страх и боль» 160.

В первом десятилетии нового столетия Ри Кайсэй по-прежнему является ведущим японским писателем и человеком с активной общественной позицией. Братья писателя живут на Хоккайдо, в Саппоро. Один из его сыновей работает фотокорреспондентом. Двоюродная сестра писателя проживает в городе Южно-Сахалинске, родственники по линии отца – в городе Долинске Сахалинской области.

Несмотря на высокое признание своих заслуг в Японии, Ри Кайсэй попрежнему продолжает считать свою жизнь «жизнью в эмиграции», которая и способствует стремлению сохранить писателем свою национальную идентичность. Именно поэтому Ри Кайсэй продолжает выступать инициатором ряда общественных выступлений в поддержку статуса Южной Кореи в мировом сообществе и, в частности, в системе японо-корейских отношений. Помня свои детские годы, проведённые на Сахалине, Ри Кайсэй убеждён, что представители первого поколения сахалинских корейцев, невзирая на политическую действительность своей «малой» родины, прежде всего «пытались сохранить национальную культуру»¹⁶¹ своего великого народа.

Реальное и художественное

Ри Кайсэй часто общается со своими многочисленными читателями. Одна из таких встреч прошла в Хоккайдском литературном музее в феврале 2012 года. Во время мероприятия, носившего формат трёхстороннего разговора, присутствовали и фотограф Ябу Хироси (яп. 藪博, 1935–2015), герой ряда книг японского писателя, его детский друг; сам Ри Кайсэй и литературные критики – Кудо Масахиро (яп. 工藤正廣, род. 1943) и Нагаока Морито (яп. 永岡杜人, род. 1958). В центре внимания было обсуждение произведений, основные события которых происходили в Маоке. Зрители вместе с участниками встречи на несколько часов как будто бы оказались в небольшом приморском городе, на его прежних улицах. Движение литературных героев книги «Путешествие на Сахалин» было отмечено на заранее розданных топографических рисунках, где были выделены школа, парк, пристань, храмовые постройки, железная дорога, большие и малые кварталы. Перед началом основной части встречи Нагаока Морито отметил, что подобная практика разбора художественных произведений связана с восполнением памяти с двух сторон: литературной и реальной. Такую независимую связь литературы и действительности осуществлял Ябу Хироси – один из магистральных персонажей книг Ри Кайсэя.

Поэтому не случайно в процессе обсуждения не только сопоставлялась

¹⁶¹ Там же. – С. 129.

¹⁶⁰ И, Фе Сон. Послесловие японского издателя / Фе Сон И // Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина / пер. с яп. Р. Брилёва и В. Соколова. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 116.

историческая картина Сахалина с литературными аналогами, но и проводились сравнения разных «сахалинских» книг, принадлежащих по преимуществу русским и японским писателям. По словам Ри Кайсэя, реалистичные описания Сахалина обнаруживаются у Чехова. Воссозданный русским классиком облик острова очень похож на то, что видел в своём детстве Ри Кайсэй. Особенно писателю у Чехова памятны рассказы о коренных народах Сахалина, короткие упоминания о Мамии Риндзо (1775–1844). А вот книга Александра Чаковского (1913–1994) «У нас уже утро» (1949), по мнению Ри Кайсэя, однажды встречавшегося с советским писателем, несколько искажает сахалинскую действительность.

Присутствовавшие на мероприятии исследователи творчества Ри Кайсэя говорили об «инаковости» прозы японского писателя, но эту «инаковость» они связывали, прежде всего, не с корейскими этническими корнями писателя, а с «русским» компонентом. Попытка глубже всмотреться в мир чувствующего человека соотносилась с идентичными приемами в прозе Достоевского. В изданном стостраничном путеводителе выставки Хоккайдского литературного музея первые страницы украшала фотография, сделанная в ноябре 2011 года¹⁶². Японский писатель находится в своем рабочем кабинете, а на одной из окружающих его многочисленных стопок книг стоит икона Казанской Божьей Матери. Без «русского» контекста не обошлась и сама встреча. В зрительном зале звучали русские слова, произносимые как самим писателем, так и увлечёнными процессом возвращения в прошлое зрителями: «японский», «корейский», «солдат», «вот так» и, конечно же, сокровенное «спасибо». А финальные аккорды встречи совпали с искренними слезами Ябу Хироси – слезами памяти, слезами уже невозвратимого детства - с его поступками, за которыми временами скрывались радость, а иногда и сожаление.

Экранизация книги Ри Кайсэя «Ради Каяко»

По мотивам книги писателя «Ради Каяко» (яп. 『伽倻子のために』, 1970) был создан фильм японского режиссёра Огури Кохэя (яп. 小栗康平, род. 1945). В этой киноленте, вышедшей на экраны ещё в 1984 году, рассказывается о любви двух героев – корейского юноши Им Сан Чжуни и японки Каяко. Детство этих людей прошло на довоенном Сахалине. С первых фрагментов фильма зрители вместе с главным героем переносятся в лето 1945 года. И это не случайно, ведь сценарий фильма отчасти повторяет отдельные эпизоды биографии самого Ри Кайсэя, родившегося и выросшего на Сахалине. Писатель в своей повести поднимает крайне деликатную для Японии проблему, остро назревшую в 1940-е годы: неприятие этническими японцами людей других национальностей.

Слово «иностранец» (яп. 外国人) на японском языке означает «другой человек» или «человек из другой страны». Такая же надпись стоит и на удостоверяющем личность Им Сан Чжуни документе. В фильме «Ради Каяко» главный герой остро ощущает на себе иное, другое происхождение и в результате этого понимает, что не может быть принятым в японское общество. С неприязнью к себе со стороны окружающих Им Сан Чжуни сталкивается вначале в японской школе, потом – в университете. Именно по причине своего происхождения он испытывает трудности при аренде квартиры и при поиске работы. В интервью газете «Советский Сахалин» Ри Кайсэй так рассказывал о современной корейской диаспоре в Японии: «В Японии корейца подстерегает множество трудностей. Во-первых, с устройством на работу. Практически о каком-то солидном предприятии ему можно лишь мечтать. Легче верблюду пройти в игольное ушко, нежели корейцу попасть в приличную фирму. Если же каким-то чудом ему это удастся, то власти начинают принуждать его к тому, чтобы он принял

японское гражданство» 163 . Фактическое представление об ущемлении этнических корейцев отражается и в художественном пространстве истории жизни Им Сан Чжуни.

В новом более ярком свете вырисовывается жизнь для Им Сан Чжуни, когда он встречает приёмную дочь своего дяди – девушку Каяко.

Слово «Каяко» происходит от названия корейского музыкального инструмента каягым. Имя возлюбленной восстанавливает для главного героя единство с неизвестной ему родиной отца и матери, с Кореей, о которой Им Сан Чжуни знает совсем немного. В его маленькой квартире на стене висит карта Корейского полуострова, а в памяти звучат забываемые день ото дня народные песни и корейская речь, которые он слышал когда-то на Сахалине. Воспоминания о далёком теперь острове в сознании главного героя связываются с советским солдатом, с красным флагом и несколькими словами на русском языке. На пустынном сахалинском берегу Им Сан Чжуни впервые познал одиночество. Это же одиночество преследует его и в новой жизни. Каяко больше, чем другим, понятны чувства молодого человека, ведь она сама когда-то оказалась брошенной своей матерью-японкой. Эта травма не заживает в душе девушки. Но как бы ни было хорошо вместе двум молодым людям (между ними возникают близкие отношения, которые остаются на некоторое время тайной для родных), обстоятельства заставляют их расстаться. Фильм начинается и завершается общей сценой. Неприметно одетый Им Сан Чжуни, которому исполнилось тридцать пять лет, движется вперед, предаваясь одному ему известным воспоминаниям: светлым мыслям о покойной матери, противоречивым чувствам к отцу, эпизодам сахалинского детства и чувством сильной, но запретной любви к Каяко.

В фильме, как и в книге Ри Кайсэя, рассматриваются образы разных корейских переселенцев, оказавшихся в Японии. Это оптимистически смотрящий в будущее Пак Чи Ё, женившийся на полюбившей его японской девушке. Пак Чи Ё – самый близкий друг главного героя, при этом Им Сан Чжуни и Пак Чи Ё воспринимаются как антиподы. Пак Чи Ё уверен, что жизнь в Японии следует воспринимать как учебную стажировку за рубежом, как некое переходное время. Как и учёба, этот период может быть закончен, но продолжен в чём-то другом. И если отношения между Каяко и Им Сан Чжуни не складываются, то Пак Чи Ё, несмотря на протесты родителей, женится на японке Марико.

Интересен и образ дяди главного героя. Дядя решает отказаться от традиций корейского народа, чтобы быть принятым японцами. Другая героиня – это преданная своим корням и культуре своих предков Че Мён Хи. Она активно пропагандирует корейскую музыку и играет в спектакле «Молодёжь, стремящаяся на вершину горы Пэкту». Че Мён Хи перебралась в Японию после того, как её семью зверски убили на острове Чеджудо. Эта героиня противопоставляется Каяко. Корейская девушка, преодолевая внутренние страхи, становится сильной личностью. Когда приходит время, Че Мён Хи покидает Японию на первом корабле, направляющемся к берегам Северной Кореи.

Чувства каждого из героев кинофильма отличаются заведомой противоречивостью, изначальные причины которой кроются в исторической несправедливости – в оторванности японских корейцев от родной земли. В российском прокате фильм «Ради Каяко» пока не представлен, равно как и другие киноленты Огури Кохэя (за исключением картины «Забытый лес», яп. 『埋もれ木』, 2005).

В творчестве Ри Кайсэя фактическое (биографическое) восприятие Сахалина преломилось в интригующем художественном и художественно-публицистическом повествовании, в котором остров детства стал источником творческого вдохновения.

 $^{^{162}}$ См. следующее издание: Ри Кайсэй но бунгаку. Нэои но ти кара тё:сэн ханто: \cdot сэкай-э (Литература Ри Кайсэя. С родной земли на Корейский полуостров и в мир). — Саппоро: Хоккай-дорицу бунгакукан, 2012. — 95 с.

 $^{^{163}}$ Вышковская, Т. Уходящие в небо города / Т. Вышковская // Советский Сахалин. -4 октября. -1988.-C.4.

2.9. Сахалин в творчестве других японских писателей первой половины XX века

Новые земли в книгах Хондзё Муцуо

Школьный учитель и пролетарский писатель Хондзё Муцуо (яп. 本庄陸男, 1905–1939) родился в городе Тобэцу на Хоккайдо, был шестым ребёнком. Вскоре после появления на свет Хондзё-младшего семья вынуждена была переехать в город Момбэцу. От родителей Хондзё слышал рассказы о тяготах, выпавших на долю переселенцев, которые вели постоянную борьбу за освоение новых земель. Эти рассказы определили будущую тематику произведений писателя.

Известно, что после обучения в средней школе в Момбэцу Хондзё начал работать в этой же школе как учитель, замещающий в случае надобности своих коллег. Зарплата у него была небольшая: и если жить на неё ещё было возможно, то продолжать обучение было крайне сложно. Для того чтобы скопить на учё-

Рис. 39. Книга Хондзё Муцуо «Река Исикари», 2011 г.

бу деньги, молодому человеку пришлось уволиться и переехать на Сахалин, где в то время было много возможностей для поиска работы.

На заводе в Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области) работал старший сын семейства Хондзё. Он мог помочь устроиться младшему брату. Получив в течение года достаточное количество денег, молодой мужчина поехал в Токио, чтобы приобрести профессию. После окончания обучения Хондзё работал учителем сначала в престижной школе для детей из обеспеченных семей, но вскоре вызвался обучать детей рабочих. А в 1928 году он оставил учительство и полностью посвятил себя литературе. Хондзё был членом Всеяпонской федерации пролетарского искусства (яп. 全日本無産者芸術連盟), а также состоял в Коммунистической партии Японии (яп. 日本共産党). Непродолжительный сахалинский период жизни Хондзё отразился в таких произведениях, как «Его дом, в который переезжаю» (яп. 『移 住する彼の家』, 1928), «Дым» (яп. 『煙』, 1935), «Городок Карафуто» (яп. 『樺太の町』, 1937).

Особое место в творчестве Хондзё занимает роман «Река Исикари» (яп. 『石狩川』, 1939) с его коло-

ритными хоккайдскими пейзажами. В центре романа – история ста пятидесяти переселенцев, принадлежащих к одному небольшому самурайскому клану. Под предводительством главы члены клана переезжают со своими семьями на Хоккайдо, надеясь обрести твёрдую почву под ногами. Главная причина поиска новых земель – это следствие реформ Мэйдзи, потеря самураями сословных привилегий. После долгих скитаний по покрытой снегом равнине Исикари переселенцы начинают прорубать дороги и строить жилища, вступая в жестокую борьбу с лесными деревьями, малоплодородной землёй, речными водами. Выдержав испытания силами дикой и необузданной природы, переселенцы создают на берегу реки Исикари деревню Тобэцу.

Роман «Река Исикари» публиковался с продолжениями в семи номерах журнала «Эндзю» (яп. 『槐』) с сентября 1938 года по март 1939 года. Предполагалось, что выйдет продолжение романа, но в 1939 году Хондзё скончался от туберкулёза. Заключительная часть книги так и не увидела свет. В 1956 году по мотивам романа «Река Исикари» японский режиссёр Саэки Киёси (яп. 佐伯清, 1914—2002) снял фильм под названием «Земля самураев» (яп. 『大地の侍』).

Основным мотивом немногочисленных книг Хондзё стало освоение новых земель и описание будней переселенцев, стараниями которых возникали новые города, посёлки и деревни.

Ёсида Томоко (яп. 吉田知子, настоящее имя – Кира Томоко, яп. 吉良知子; род. 1934) родилась в префектуре Сидзуока в семье профессионального военного, постоянно менявшего места службы¹⁶⁴. С 1940 по 1945 год Ёсида училась в шести различных школах, одна из которых находилась в Маньчжурии, а другая – на Сахалине. В конце Второй мировой войны она, будучи одиннадцатилетним ребёнком, вместе со своей семьёй проживала в городе Тоёхаре (современное название – Южно-Сахалинск Сахалинской области). Её отец был взят в плен советской армией. Что происходило с главой семьи в дальнейшем, для писательницы покрыто тайной. Только в 1947 году по настоянию матери осиротевшая семья Ёсиды перебралась к родственникам по материнской линии в префектуру Сидзуока.

Во время обучения в начале 1950-х годов в колледже города Нагоя интерес Ёсиды к экономике (её девушка избирает в качестве будущей профессии) сменился желанием писать пьесы. В студенческом журнале Ёсида публиковала свои драматические произведения, некоторые из которых были поставлены на сцене. После двухгодичного обучения в колледже она пробовала поступить в Университет Аити, но из-за финансовых проблем не могла вовремя приступить к учёбе. Поиски работы в области местной журналистики не принесли результата. И тогда Ёсида начала работать учительницей в городе Хамамацу, но в 1959 году выиграла приз в 50 тысяч иен (эквивалент средней заработной платы работающей женщины того времени) за пьесу, написанную для местной радиостанции. Первый успех способствовал тому, что Ёсида оставила преподавание и целиком посвятила себя литературе.

От первых шагов и побед к литературным свершениям

В 1966 году Ёсида стала обладательницей двух призов от администрации префектуры Сидзуока за рассказ и пьесу. За три года до этого начинающая писательница создала вместе с мужем, поэтом Кирой Дзинъити (яп. 吉良任市, 1927–2009), и другом их семьи литературный журнал под названием «Гому» (яп. 『ゴム』), в котором в дальнейшем публиковались её рассказы. Именно с этого времени началась настоящая карьера Ёсиды Томоко как писательницы.

Весной 1970 года за повесть «Долгая ночь иллюзии» (яп. 『無明長夜』, 1970) Ёсида была удостоена премии Акутагавы. В этом же году было опубликовано новое произведение писательницы – «О Тодо» (яп. 『東堂のこと』), главный герой которого, вероятно, является прототипом отца Ёсиды. Родившийся в 1877 году, самый молодой из десяти детей, Тодо выбирает карьеру военного, женится на девушке из дворянской семьи, становится отцом пятерых детей, некоторое время живёт в Маньчжурии, являясь важной общественной фигурой. Когда в 1963 году он умирает, пожилая женщина, которая прислуживала ему во время его учёбы в военной школе, добровольно ухаживает за его могилой.

Рассказ «Счастье собаки» (яп. 『犬の幸福』, 1979) представляет собой пародию на семейные отношения. В этом необычном произведении жена становится приручённой собакой, исполняющей любые прихоти своего мужа.

Тема жизни и смерти обозначена в «Пассажирах с райского корабля» (яп. 『極楽船の人びと』, 1984). В центре повествования – морское путешествие: с 84 пассажирами на борту корабль отправляется в неизвестном направлении. Точно обозначено только время отправления – в три с половиной часа во второй половине дня. Пассажиры корабля ищут убежища – места, где можно обрести смысл жизни. Все люди, отправляющиеся на корабле в неведомое путешествие, делятся друг с другом своим опытом и обсуждают лучший способ смерти. 6 июня корабль попадает в шторм, который длится пять дней. За это время половина пас-

¹⁶⁴ Подробнее о биографии писательницы см. в следующих работах: Yoshida, Sanroku. Yoshida Tomoko // Japanese Women Writers A Bio-critical sourcebook / Ed. By Chieko I. – Mulhern. L., 1994. – P. 490–499; Schierbeck, Sachiko, Rdelstein, Marlene R. Japanese Women Novelists in the 20th Century: 104 Biographies, 1900–1993. – New York: Museum Tusculanum Press, 1994. – P. 193–196.

Рис. 40. Книга Ёсиды Томоко «Я ничего не знаю о Маньчжурии», 1985 г.

сажиров умирает или сходит с ума. А незадолго до захода в залив Йокогама корабль неожиданно взрывается. Что такое смерть, как её встречают люди – это главные вопросы, которые тревожат писательницу в «Пассажирах с райского корабля».

В 1984 году Есида за повесть «Я ничего не знаю о Маньчжурии» (яп. 『満州は知らない』, 1985) получила награду в номинации «Женский писатель». В этом произведении затрагивается проблема идентификации личности. Главная героиня Сидзука, потеряв своих родителей, была репатриирована из Маньчжурии в Японию к своей тёте. В дальнейшем девушке удаётся счастливо выйти замуж и родить дочь. Но она постоянно размышляет о жизни. Девушка часто задаётся вопросом, кто она есть. Сидзука приходит к выводу, что в действительности она китаянка, не имеющая никакого родства со своей тётей. Весь её мир рушится, женщина испытывает эмоциональные страдания, пока не посещает лагерь китайских беженцев. Обретение своих корней, чувство своего народа – это главный мотив повести Есиды.

На сегодняшний день в творческом багаже писательницы насчитывается более семидесяти расска-

зов, приблизительно пятьдесят эссе, семь романов и повестей. На протяжении 1970-х годов Ёсида много путешествовала по миру и, в частности, в 1972 году посетила Сахалин, а в 1974 году как член делегации японских писателей получила возможность визита в Москву.

Магистральными темами творчества Ёсиды становятся военные конфликты прошлого: события в Маньчжурии и Китае во время японской оккупации 1931—1945 годов, окончание Второй мировой войны на Сахалине и Курильских островах. Значительная часть всего написанного Ёсидой основана на её детских воспоминаниях. Непрерывные попытки героини-повествователя, обращающейся в прошлое, в таких произведениях, как «Могила отца» (яп. 『父の墓』, 1980) или «Я ничего не знаю о Маньчжурии», связаны с желанием понять причины столкновений между разными народами. Воспоминания о трагическом расставании с отцом в раннем детстве заставляют писательницу использовать эту тему во многих произведениях. Карьера отца в Маньчжурии изображается в негативных красках, в то время как исчезновение отца на Сахалине описывается с глубоким состраданием.

Поворотный момент в жизни Яги Ёсинори

Яги Ёсинори (яп. 八木義徳, 1911–1999) родился на Хоккайдо, в городе Муроране. В 1938 году он окончил университет Васэда, в котором специализировался на французской литературе. В 1944 году Яги стал работать в химической индустрии в Маньчжурии. Одновременно с этим молодой мужчина увлекался произведениями Фёдора Достоевского и Арисимы Такэо (яп. 有島武郎, 1878–1923), был учеником Ёкомицу Риити (яп. 横光利一, 1898–1947). В 1944 году Яги получил премию Акутагавы за произведение «Лю Гуанфу» (яп. 劉廣福, 1944), а в 1976 году – премию Ёмиури за новеллу «Праздник ветра» (яп. 『風祭』, 1976). В 1990–1995 годах Яги входил в состав жюри города Отару по присуждению Литературной премии имени Ито Сэя (яп. 伊藤整文学賞).

«Праздник ветра» – одно из произведений, изданных на русском языке. Это произведение опубликовано в сборнике «Современная японская новелла 1945—1978» (1980) в переводе Александра Долина. В «Празднике ветра» рассказывается история о двух сыновьях – законном и внебрачном, которые показаны как чужие друг другу люди. Во исполнение воли восьмидесятипятилетней матери внебрачный сын разыскивает могилу отца, а встречаясь со своим братом, прощает ему все обиды. В «Празднике ветра» показаны нравы и моральные устои японской семьи как микрокосма большого мира, который должен быть чистым и гармо-

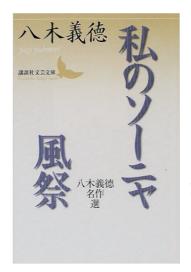

Рис. 41. Рассказы Яги Ёсинори «Моя Соня» и «Праздник ветра», 2000 г.

ничным. Примирение братьев посредством культа предков – это надежда на твёрдость и незыблемость семейных уз в будущем.

В жизни Яги короткий эпизод имеет отношение к Сахалину. Летом 1931 года во время двухмесячных каникул Яги вместе со своим университетским другом путешествовал по Южному Сахалину. Доехав до конечного пункта карафутской железной дороги – Ниитой (современное название - село Новое Макаровского городского округа Сахалинской области), молодые люди поняли, что у них не осталось средств для продолжения поездки. Чтобы возместить оплату за проживание, Яги и его другу пришлось около месяца работать на рыбном заводе в тяжёлых условиях. Этот опыт позволил узнать суровую реальность тех людей, которые приезжали из бедных деревень на Сахалин для заработков. Кратковременное пребывание на Сахалине связано с поворотным моментом в жизни Яги. На основе этих событий молодым человеком был написан рассказ «Тюлени» (яп. 『海豹』, 1937), ставший дебютным произведением и открывший дорогу в литературу. В начале рассказа изображаются тяжёлые условия работы героев

на заводе, но во второй части между основными героями завязывается любовный треугольник. Заявленный в названии образ тюленей связывается с тем, что очертания морских животных постоянно виднеются в море. И главный герой по каким-то необъяснимым причинам постоянно испытывает печаль, наблюдая за тюленями.

Рассказ «Тюлени» был создан в самом начале литературной карьеры писателя. На русский язык рассказ не переведён и почти обойдён вниманием в сравнении с другими сочинениями Яги.

ГЛАВА 3. ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX-НАЧАЛА XXI ВЕКА О САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

3.1. Новелла Такэды Тайдзюна «Светящийся мох» и литературный образ Кунашира в ней

«Китайский» период и литературная карьера

Прижизненное издание полного собрания сочинений японского писателя Такэды Тайдзюна (яп. 武田泰淳, 1912–1976), обладателя Японской литературной премии (1973) и премии Номы (1976), составило более двадцати томов. Однако этот яркий представитель японского модернизма, литературный критик и переводчик практически неизвестен российской аудитории. При этом различные тематические направления книг японского писателя неизменно имплицируются с образом России, нередко в неожиданных и даже парадоксальных заключениях.

Такэда родился в семье буддистского священника. С 1931 года писатель непродолжительное время учился на китайском отделении Токийского университета, но так и не дошёл до завершающего курса. Причиной этого стали критика японского правительства и распространение политических листовок среди почтовых служащих. В результате такой деятельности Такэда провёл месяц в тюремной камере, после этого последовали и другие заключения. С 1937 до 1939 года Такэда был рядовым солдатом в Китае. Поражение Японии в Японо-китайской войне (1937–1945) Такэда встретил в Шанхае в качестве переводчика пропагандистской японской литературы на китайский язык. В годы войны Такэда начал серьёзно изучать китайскую культуру: занимался переводами и написал обстоятельную книгу о древнем китайском классике II века до н. э. Сыме Цяне (кит. 司馬遷, ок. 145 или 135–86 гг. до н. э.). На родину Такэда вернулся в 1947 году и осенью стал работать доцентом на юридическом факультете Хоккайдского университета, специализируясь на современном литературном процессе. Но уже через полгода Такэда отказался от университетской должности и целиком сконцентрировался на художественной словесности, черпая сюжеты своих книг из газетных и журнальных хроник, из случайных встреч и услышанных от других людей историй 165.

Такэда начал активно публиковаться с 1947 года и зарекомендовал себя как автор исторических новелл и романов. В числе его первых книг были повести «Суд» (яп. 『審判』, 1947), «Секрет» (яп. 『秘密』, 1947) и «Порождения ехиднины» 166 (яп. 『蝮のすゑ』, 1948), а также эссе «Бесчувственная кнопка» (яп. 『無感覚なボタン』, 1948), за которыми последовали и другие произведения, например, «Анемофильное растение» (яп. 『風媒花』, 1952). Самая известная критическая работа Такэды – это «Люди, литература, история» (яп. 『人間・文学・歴史』, 1954). Особое место в творческой биографии писателя занимают книги «Гора Фудзи» (яп. 『富士』, 1971), в центре которой восприятие японцами событий Второй мировой войны, и «Головокружительная прогулка» (яп. 『目まいのする散歩』, 1976).

«Китайский» период жизни Такэды отразился в зрелом творчестве. В частности, с одной стороны, это связано с повышенным вниманием к личности Мао Цзэдуна (кит. 毛沢東, 1893–1976), которому в 1965 году было посвящено очередное издание писателя, с другой – к образу Китая как такового (этот интерес отражён

в книгах «В окрестностях Янцзы: Китай и его антропология» (яп. 『揚子江のほとり —中国とその人間学』, 1967), «По течению Хуанхэ: Китай, китайцы, китайская литература» (яп. 『黄河海に入りて流る—中国・中国人・中国文学』, 1970) и др.).

Отдельную часть в биографии писателя занимают ещё две темы: первая – увлечение творчеством Фёдора Достоевского 167; вторая – повышенное внимание к христианству, наиболее полно выразившееся в книге «Христос – мой ребёнок» (яп. 『わが子キリスト』, 1968).

Художественное воплощение образа Курильских островов

Самая нашумевшая книга Такэды «Светящийся мох» (яп. 『ひかりごけ』, 1954) – одно из немногих доступных для русских читателей произведений писателя. События новеллы развиваются в небольшом приграничном городке Раусу, с берегов которого видно очертание острова Кунашир. Композицию новеллы составляют две противоположные по родовой структуре истории: собственно эпическое повествование с интригующим событием в его центральной части (людоедством тридцатисемилетнего капитана М.) и драматическая мистерия 168 о презревшем законы человеческого существования герое. Первая сюжетная линия «Светящегося мха» посвящена реальной истории о людоедстве, произошедшей в 1943 году на северо-восточном побережье Хоккайдо.

Неожиданное возвращение к жизни капитана М. и судебное расследование тайны гибели нескольких моряков около одного из мысов косвенно связаны с эпизодическими упоминаниями в общем содержании новеллы Курильских островов: «От станции Сибэцу до порта Раусу ходит автобус. Справа от дороги остаётся пролив Нэмуро. Когда едешь в автобусе, перед глазами всё время маячит узкая полоска острова Кунасири из гряды Курильских островов» Близость российской территории (именуемой повествователем «заграницей») ассоциируется одновременно и с чем-то запретным, и с чем-то весьма заурядным. Всякий приезжий человек и постоянные городские обыватели Раусу смотрят на виднеющиеся вдалеке Курильские острова: «Когда поезд, который здесь еле тащится и подолгу стоит на станциях, подходит к Сибэцу, можно увидеть весь остров. Но не успеет кто-нибудь крикнуть: "Смотрите, Курильские острова!" или "Мы прибыли на границу!", нужный вам автобус уже отходит» 170.

«Заграница», которая находится от Раусу всего в «семи милях», в представлении жителей портового городка «небольшой остров, на котором издали можно разглядеть склоны, покрытые зелёной растительностью, и синие складки гор <...> и пустынный морской берег, без солдат, без пушек, без проволочных заграждений – в общем ничего заслуживающего внимания»¹⁷¹.

Несмотря на то, что Раусу считается пограничным местом, жизнь в городке течёт уединенно. Обыденность человеческого существования в Раусу обусловлена климатическими условиями и рельефом местности всего западного полуострова Сирэтоко: в середине сентября в Раусу можно любоваться ещё не облетевшими алыми лепестками и красными плодами шиповника, а зимой приходится укрываться от суровых морских ветров. Но прозаичность быта Раусу, в которой всё, даже естественные природные циклы, измеряется близостью к «загранице», иногда потрясается исключительными событиями. Одним из таких случаев становится происшествие, в которое попадает директор школы – спутник главного героя, от имени которого ведётся всё повествова-

¹⁶⁵ Такэда достаточно часто обращался в своих произведениях к фактическим событиям. Так, шокирующее преступление, произошедшее в январе 1948 года в Токио, когда неизвестный (и до настоящего времени) человек, представившийся санитарным инструктором, побудил двенадцать сотрудников филиала одного крупного банка выпить цианистый калий (выдаваемый преступником за спасительное лекарство), упоминается писателем и в «Бесчувственной кнопке», и в «Анемофильном растении».

 $^{^{166}}$ Название этой повести связано с евангельским образом (см. Лука 3:7).

¹⁶⁷ Прямую и косвенную связь с творчеством Ф. М. Достоевского можно найти в таких произведениях Такэды, как «Порождения ехиднины» (яп. 『蝮のすゑ』), «Секрет» (яп. 『秘密』), «Образ любви» (яп. 『「愛」のかたち』), «Анемофильное растение» (яп. 『風媒花』), «Ура миру Карамазовых!» (яп. 『カラマーゾフ的世界ばんざい!』) и др.

¹⁶⁸ Театральная постановка мистерии «Светящегося мха» состоялась в 1957 году.

¹⁶⁹ Такэда, Тайдзюн. Светящийся мох / Тайдзюн Такэда ; пер. с яп. Л. Бабкиной // Японская новелла: 1945—1960. — М., 1961. — С. 295.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. – С. 296.

ние: «Экзамены в стране проходят везде одновременно, отложить их нельзя. Вот директор и поплыл в феврале на рыбацкой шхуне до Сибэцу. Туда добрался благополучно, а на обратном пути их накрыл тайфун, судно всё дальше относилось к Курильским островам. Весь пролив был забит льдом, а ветер всё время дул в сторону русской территории. <...>

– А вы не боялись, что вас схватят русские? Ведь вы зашли на их территорию?

– Я как-то об этом не думал. Больше всего меня беспокоили экзамены, ведь я вёз бланки и должен был во что бы то ни стало вернуться. А на острове даже людей не было видно. Только на берегу, кажется, сгружали каракатицу»¹⁷².

Вместо положенных двух часов директор школы пробыл в пути трое суток. Главный герой поражён тем, какой «незаметной на первый взгляд выносливостью» и «удивительной сопротивляемостью» обладает этот «слабый на вид человек». Оказавшийся в экстремальных условиях, директор школы пробирался сквозь лесную чащу медвежьими тропами, преодолевал «обледеневшие горы», думая только о том, чтобы вовремя поспеть к экзамену. Безымянный собеседник главного героя новеллы спокойно относится к судьбе сельского учителя, рассказывая разные истории своей жизни в пограничном местечке.

Айны в пространстве новеллы

В отдельных частях «Светящегося мха» есть упоминания о древних племенах айнов, об их быте и традициях. В новелле представлена интересная сюжетная линия – это рассказ о некоем господине М., специалисте по изучению айнов. На одной из научных конференций в Саппоро учёный был возмущён заявлением своего коллеги о том, что некоторые айны «в далёком прошлом употребляли в пищу человеческое мясо»¹⁷³. Господин М., будучи выходцем из айнов, не мог допустить подобного высказывания о своём народе. Преступление безымянного капитана М. - «потомка ямато», по словам повествователя, могло быть удачным примером того, что людоедство в экстремальных условиях может быть свойственно и цивилизованным народам. Эпизодическое упоминание об айнах есть и в другой части новеллы: староста волостного управления коллекционирует каменную и глиняную посуду, найденную в развалинах айнской крепости. Эта художественная деталь не случайна - она отчасти помогает понять некоторое простосердечие, с которым один из героев «Светящегося мха» рассказывал о людоедстве капитана М.: «Слово "ужасно" директор произносил как-то простодушно и даже весело, будто журил своего товарища за какую-нибудь мелочь. Был ясный осенний день, голос директора звучал ровно, и страшное слово "людоедство" не казалось жутким»¹⁷⁴.

И староста, и директор, живущие вдали от большого мира, очевидно, осведомлённые в айнских традициях, до некоторой степени подготовлены к тому трагическому повороту событий, которые привели капитана М. к надругательству вначале над мёртвыми людьми, а потом и над ещё живым человеком. В сознании директора школы преступление капитана М. в условиях суровой зимы в прибрежном районе – это естественное следствие физической борьбы со всепоглощающим голодом. Однажды возникшая возможность сохранения собственной жизни побеждает обыденное любопытство и некий научный интерес, который может возникнуть у безымянных героев новеллы к ежедневно окружающему их поразительному миру природных вещей. Долгие годы живущий в Раусу и призванный по роду своей службы давать знания детям директор школы с удивлением первый раз знакомится с природной достопримечательностью своего родного местечка – светящимся в пещерах мхом.

В заглавии новеллы Такэды положено обиходное название одного из видов мохообразных, произрастающих на Хоккайдо и Курильских островах – светящегося фосфорицирующего мха. Образ светящегося мха ассоциируется с тем зыбким и далёким душевным светом, который известен не всем жителям Раусу.

Слово «свет» становится ведущим во всём повествовании: это и собственно электрический свет, которого так не хватает в городке, это и морские огни японских суден во время ловли каракатицы, это и ответное освещение «заграницы». Главный герой новеллы, разыскивающий таинственный светящийся мох, приходит к мысли, что «пограничный» Раусу, будучи местом, в котором царит запустение, рождает чувство совершенной свободы. Именно внутренняя свобода позволяет заезжему гостю любоваться красотой природы и удивляться той силе природного естества, которая ломает цивилизованного человека, заставляя его, подобно айнам, мириться с господством физического начала над духовным. Физический свет как некий символ душевного (а в более широком смысле и духовного) прозрения толкает героев эпического повествования и драматической мистерии «Светящегося мха» на различные поступки.

Интересно, что сам писатель никогда не встречался с описанным в «Светящемся мхе» прототипом. Более того, считается, что все документы, в которых могла содержаться информация об этом происшествии, были уничтожены (в силу того, что эти события проходили в военное время). Исследователи творчества Такэды полагают, что вокруг этой истории было много надуманных слухов, а детали уединённой жизни прототипа капитана М. могут отличаться от реальных фактов. При этом считается, что, несмотря на безусловные улики каннибализма, главному герою было предъявлено обвинение только в надругательстве над телами мёртвых товарищей, среди которых был и умерший ранее других от недоедания девятнадцатилетний юноша. В контексте этих подробностей под «светом» (в разном качестве) понимаются и скрытые, и явные улики против капитана М.

Рис. 42. Книга Такэды Тайдзюна «Светящийся мох», 1964 г.

Книги Такэды в кинематографе

Очередную волну посмертной популярности Такэде принёс и ставосемнадцатиминутный фильм «Светящийся мох»¹⁷⁵ (яп. 『ひかりごけ』, 1992), представленный для участия в Международном конкурсе кинофестиваля в Берлине. Обычно жанр этой художественной киноистории классифицируют как ужасы. На DVD-носителях кинофильма «Светящийся мох»¹⁷⁶ повторяется иллюстрация традиционного издания книги: излишне полный капитан М., едва умещающийся на заснеженном островке, правую руку прижимает к собственной груди, а в левой – держит человеческую кость. Такое изображение героя со своеобразным свечением над головой очень точно отражает и внутреннюю парадоксальность сознания капитана М.: правая рука героя в области сердца (а не на заметно выступающем животе) - это некая попытка оправдания капитаном М. людоедства и возможное желание вызвать сочувствие у окружающих.

Примечательно, что некоторые произведения писателя были экранизированы ещё при жизни Такэды. Так, в кинофильме «Праздник лесов и озёр» (яп.

 $^{^{172}}$ Такэда, Тайдзюн. Светящийся мох / Тайдзюн Такэда ; пер. с яп. Л. Бабкиной // Японская новелла: 1945-1960.-M., 1961.-C.300-301.

¹⁷³ Там же. − С. 302.

¹⁷⁴ Там же. – С. 301.

 $^{^{175}~}$ Название этого фильма на русском языке может звучать ещё и как «Люминесцентный мох».

¹⁷⁶ В Японии можно найти «Светящийся мох» на видеокассетах, иллюстрированных фрагментами кинофильма, и DVD, внешний вид которых повторяет обложку самого известного издания книги Такэды о людоедстве капитана М.

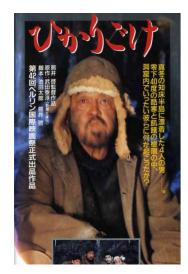

Рис. 43. Фильм «Светящийся мох» по одноимённой книге Такэды Тайдзюна, 1992 г.

『森と湖のまつり』, 1958) Юкико Саэки встречается с молодым человеком Ититаро, который отчаянно борется за права айнского народа. Юкико узнаёт о том, что причина сильного характера Ититаро и желание защитить айнов от разных притеснений состоит в том, что его сестра Мицу когда-то была отвергнута возлюбленным только из-за того, что девушка была носительницей айнской крови и традиций своего народа. В этом художественном фильме, как и в «Светящемся мхе», перед зрителями разворачиваются величественные картины природы Хоккайдо. В 1966 году на японских экранах появился фильм «Дневной демон» (яп. 『白昼の通り魔』)¹⁷⁷. Сценарий киноленты был написан Тамурой Цутому (яп. 田村孟, 1933–1997), который использовал разные рассказы Такэды для фильма. Сюжет «Дневного демона» режиссёра, сценариста и актёра Осимы Нагисы (яп. 大島渚, 1932-2013) посвящён уголовной хронике с насилием и убийствами. Эта далеко неполная фильмография по мотивам прозы Такэды свидетельствует о таланте писателя находить темы, интересные не только для литературы, но и для кинематографического формата.

Отличительной особенностью прозы Такэды и

воплощения различных тем писателя в кино становится отсутствие политической морализации. И это наиболее отчётливо выражено в новелле «Светящийся мох», где один из пограничных островов Курильской гряды описан исключительно в художественном пространстве. Образ Кунашира необходим писателю именно как определённая повествовательная деталь, помогающая максимально полно представить и место страшного преступления капитана М., и обывательскую мораль жителей приграничного городка, с берегов которого видна «заграница».

Главным достоинством произведений Такэды, как, впрочем, и новеллы «Светящийся мох», становится размышление на извечные темы. Остаётся только выразить сожаление, что книги этого японского автора (равно как и его фильмы) всё ещё остаются не востребованными русскими переводчиками.

3.2. Мисима Юкио и сахалинские эпизоды его романистики

Эпатажный классик мировой литературы

Имя знаменитого японского писателя, сценариста, режиссёра и актёра Мисимы Юкио (яп. 三島由紀夫, 1925—1970) в особом представлении не нуждается. Литературное наследие этого самого эпатажного в XX столетии японца насчитывает около 100 томов. Романы и рассказы, эссеистические и публицистические произведения, пьесы и киносценарии – всё это лишь небольшая часть творчества человека, который давал своему псевдониму и другое прочтение – «Ми-си-ма» (яп. 魅死魔). В едином целом каждая из частей придуманного имени писателя будет звучать как «Завороженный смертью дьявол».

«Тёмная» сторона личности Мисимы – неотъемлемая часть его современных биографий и литературно-философских трактовок его произведений. Насилие и гомосексуализм, экзальтированная эстетизация смерти, господство красоты над моральными устоями человеческого сообщества в болезненном изобилии «прорастают» сквозь сюжеты и мотивы всего того, что было создано писателем за сорок пять лет его жизни.

Книги Мисимы Юкио в России

Русским читателям произведения Мисимы – роман «Золотой Храм» (яп. 『金閣寺』, 1956), новеллы «Смерть в середине лета» (яп. 『真夏の死』, 1953) и «Патриотизм» (яп. 『憂国』, 1966), а также две пьесы «Мой друг Гитлер» (яп. 『わが友ヒットラー』, 1968) и «Маркиза де Сад» (яп. 『サド侯爵夫人』, 1965) – известны благодаря переводам Григория Чхартишвили (известного как Борис Акунин, род. 1956) и стали доступны лишь в самом начале 1990-х годов. Но сегодня прайс-листы солидных отечественных издательств в обязательном порядке содержат и другие книги Мисимы. «Жажда любви» (яп. 『愛の渇き』, 1950), «Исповедь маски» (яп. 『仮面の告白』, 1949), «Шум прибоя» (яп. 『潮騒』, 1954), романы из серии «Море изобилия» (яп. 『豊穣の海』, 1965–1971) – эти и другие произведения японского писателя выходят в России многотысячными тиражами. Но имя Мисимы звучит не только в контексте отечественной переводной литературы. Его творчество рассматривается и в пространстве современного киноискусства, предлагаемого японскими кинематографистами.

Во время 37-го фестиваля японского кино в России (декабрь 2003) российским зрителям были показаны восемь снятых в прошлые годы кинофильмов, четыре из которых имели непосредственное отношение к Мисиме: «Шум прибоя» (яп. 『潮騒』, создан по мотивам одноимённого романа писателя, 1954), «Пламя» (яп.

Рис. 44. Книга Мисимы Юкио «Исповедь маски», 1949 г.

『炎上』, в сюжетной основе фильма лежит самая известная книга Мисимы «Золотой Храм», 1958), «Загнанный волк» (яп. 『からつ風野郎』, главную роль этого гангстерского триллера исполнил писатель, 1960) и «Меч» (яп. 『剣』, экранизация одноимённой повести автора, 1964)¹⁷⁹. А в январе 2008 года опять же в рамках очередного фестиваля японского кино российские любители восточного кино увидели совсем новую киноленту по мотивам произведений Мисимы — «Весенний снег» (яп. 『春の雪』, 2005). Фильм назван по аналогии с одним из романов четырёхтомной серии «Море изобилия».

Подлинная фамилия и литературный дебют писателя

Настоящие имя и фамилия писателя, известного как Мисима Юкио, – Хираока Кимитакэ (яп. 平岡 公威). Первым произведением, с которым он вошёл в японскую литературу, считается автобиографический роман «Исповедь маски» (1949). Повествование в этой книге ведётся от первого лица, и лишь однажды Мисима позволяет себе назвать главного героя по имени.

 $^{^{177}}$ Название этого фильма на русском языке может звучать ещё и как «Демон, возникающий средь белого дня» или «Насилие в полдень».

¹⁷⁸ Подробнее о биографии Мисимы Юкио см. в следующей работе: Чхартишвили, Г. Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или Как уничтожить храм // Мисима, Юкио: Роман, новеллы, пьесы / пер. с яп., предислов. Г. Чхартишвили. — СПб., 1993. — С. 3–30.

¹⁷⁹ Все эти фильмы были показаны и на Сахалине в декабре 2003 года.

«Ой, как же я устала, – говорит юная Сумико, – <...> прикрыв рот изящными белыми пальчиками и ещё несколько раз похлопала себя по губам, словно выполняя, какой-то магический ритуал. – А ты, Кими, не устал?» Слово «Кими», единственный раз прозвучавшее почти в середине романа, – это производное, уменьшительно-ласкательное обращение к человеку, носящему полное имя Кимитакэ. Имя героя первой книги Мисимы и самого писателя идентичны. Тождественными в романе оказываются и большинство жизненных событий Мисимы и его литературного персонажа Кими.

Исследователи творчества японского писателя продолжают вести споры о том, какова доля правды и вымысла в «Исповеди маски». Ведь сознательные обманы, похожие для читателей на действительность, импонировали Мисиме. Между тем некоторые из фактов, представленные на страницах дебютной книги Мисимы, вполне реалистичны. И, более того, имеют отношение к России. В самом начале первого романа писателя обнаруживается косвенное упоминание о Сахалине.

Дед Мисимы на Сахалине

В период юрисдикции Японии на Южном Сахалине губернаторство Карафуто находилось в административном подчинении четырнадцати губернаторов. С 1908 по 1914 год главным исполнительным лицом Карафуто являлся Хираока Садатаро (яп. 平岡定太郎, 1862–1942) – родной дед Мисимы по отцовской линии. Вполне вероятно, что для японского писателя этот факт был вполне значимым. Упоминание об этом обнаруживается в одном из начальных фрагментов дебютной книги Мисимы. В «Исповеди маски» говорится о том, что дед главного героя – «губернатор одной из колоний, был вынужден подать в отставку: чтобы замять один крупный скандал, он взял на себя вину своего подчинённого» 181.

Но образ Хираоки Садатаро так и не стал ключевым в автобиографическом романе писателя. А ведь все детские годы писателя прошли при непосредственном участии родителей его отца – деда и бабки Нацуко (яп. 平岡夏子, 1867–1939). Примечательны в книге и ещё две вещи. Первая – Мисима, всякий раз вспоминая о деде, выставляет своего родственника в самом неприглядном свете. Вторая – своему деду писатель даёт несколько искажённое личное имя. В романе его дед носит имя Хираоки Дзётаро.

Кими на страницах книги Мисимы говорит, что его дед обладал «абсолютным, идиотским доверием» 182. А неуёмная предпринимательская деятельность Хираоки Дзётаро отразилась на том, что семейные дела с «каким-то залихватским ускорением покатились под гору» 183. Обвиняется бывший губернатор повествователем и в «чудовищных долгах», и в «описи имущества», и в вынужденной продаже имения. Очевидно, что и все родственники самого писателя (а он сообщает в романе о болезненном тщеславии своих близких, «одержимых некоей тёмной силой» 184) полагали, что существующие финансовые, а вместе с ними нравственные проблемы всей семьи Хираоки целиком исходят от её старейшины.

Мисима через образ юного Кими пытается убедить читателей в том, что его дед имел дела с «сомнительными приятелями и отправлялся за тридевять земель в погоне за золотым дождём» 185. И даже в нескончаемых болезнях бабки главный герой вновь винит своего деда. «...приступы депрессии, мучившие бабушку вплоть до самой смерти, – пишет Мисима в "Исповеди маски", – были следствием тех страданий, которые доставлял ей дед своими

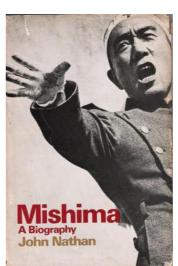

Рис. 45. Книга Джона Натана «Мисима. Биография», 1974 г.

похождениями в более молодые годы» 186.

Один из англоязычных переводчиков Мисимы Джон Натан (род. 1940) посвятил довольно большой фрагмент своей книги о писателе его деду Хираоке Дзётаро. В частности, он пишет, что в 1914 году на седьмой год пребывания в должности губернатора «под давлением политиков, обеспечивших его назначение <...>, Дзотаро 187 продал часть лицензий на отлов и консервирование рыбы, а вырученные деньги отправил в Токио, в фонд избирательной кампании. Об этом узнали конкурирующие рыболовные фирмы, и разразился скандал, в результате которого Дзотаро вынужден был уйти с государственной службы. Эта отставка стала лишь началом его головокружительного падения» 188.

Семья Хираоки в «Исповеди маски»

Отчасти Мисима был прав в описании господства материальной и душевной нестабильности членов семьи Хираоки. Но пессимистическое будущее потомков губернатора главный герой романа «Исповедь маски» видел не только в предпринимательской страсти своего деда, но и в «вечных» болезнях и «безрассудной расточительности бабушки»¹⁸⁹.

В отличие от лаконичных упоминаний о деде, фигура бабки в «Исповеди маски» выписана детально и с пристрастием. Повествователь испытывает неподдельную любовь к своей героине. Образ деда рисуется в романе бледно и невыразительно, а бабка предстаёт как яркий персонаж, определивший становление мировоззрения вначале маленького, а потом и взрослеющего Кими.

Образ деда в романе был необходим Мисиме для того, чтобы воссоздать нищенскую атмосферу собственного появления на свет. Как сказано в «Исповеди маски», Кими появился на свет «в запущенном наёмном особняке, расположенном в далеко не самом престижном районе столицы», в «заносчивом и нелепом доме» «с мрачными, закопчёнными стенами» и с «множеством плохо освещённых комнат» 190. Начиная с 49-го дня своего рождения, Кими жил исключительно на первой половине дома. Верхним этажом дома распоряжались родители ребёнка. А сам Кими находился под неусыпным вниманием своей бабки, не доверяющей воспитание юного наследника своему сыну и его супруге.

Быть неразлучно с дедом и бабкой герой Мисимы продолжает и после разъезда своих родителей со старшими членами семьи. «Мы оставили особняк, <...> и теперь семейство, разделившись пополам, проживало в двух домах, расположенных неподалеку друг от друга. В одном жили бабушка, дедушка и я, во втором – мои родители, брат и сестра» 191, – так констатирует писатель разделение прежде большой семьи на «два дома». Как следует из биографии Мисимы, состоялось это в 1935 году. Дед и бабка, соблюдая древнюю японскую традицию «инкё» (яп. 隱居), приняли решение жить отдельно.

Когда книга «Исповедь маски» была издана на родине писателя, деда Мисимы уже давно не было в живых. Однако в Японии ещё жили люди, хорошо знавшие Хираоку, но едва ли сумевшие бы опровергнуть мнение писателя.

 $^{^{180}}$ Мисима, Юкио. Исповедь маски / Юкио Мисима ; пер. с яп. Г. Чхартишвили. — СПб., 2002. — С. 99.

¹⁸¹ Там же. – С. 9.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. – С. 9–10.

¹⁸⁴ Там же. – С. 10.

¹⁸⁵ Там же.

 $^{^{186}}$ Мисима, Юкио. Исповедь маски / Юкио Мисима ; пер. с яп. Г. Чхартишвили. — СПб., $2002\,$ — С. 11

¹⁸⁷ Такой вариант перевода имени деда Мисимы дан в англоязычной версии биографии писателя.

¹⁸⁸ Натан, Дж. Мисима: Биография / пер. с англ. М. Абушика. – СПб., 2006. – С. 23.

 $^{^{189}}$ Мисима, Юкио. Исповедь маски / Юкио Мисима ; пер. с яп. Г. Чхартишвили. — СПб., 2002. — С. 10.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же. – С. 37.

Русский священник о Хираоке Садатаро

Образ деда именитого японского писателя остался не только в анналах японской литературы XX века. Портрет Хираоки в своё время был запечатлён и русским священником – епископом Сергием (1863 или, по другим сведениям, 1871–1945, Сергей Тихомиров). Пребывающий с 1908 года в составе Японской православной миссии епископ Сергий трижды посещал Сахалин. Итогом его миссионерской работы стали путевые заметки «На Южном Сахалине», изданные в 1914 году.

В самом начале своих заметок, первая запись которых датируется августом 1909 года, епископ Сергий определяет необходимость своей поездки на юг Сахалина следующим образом: «...разыскать русских <...>, удовлетворить их духовные нужды» 192. И, в действительности, большая часть книги епископа Сергия связана с описанием русских людей, оставшихся на Южном Сахалине, их духовных и бытовых потребностей. При этом в силу своего духовного статуса и особого предназначения русскому священнику приходилось решать и ряд административных вопросов. На этой почве судьба свела епископа Сергия с Хираокой.

Епископ Сергий крайне высоко отзывался о японском управлении Карафуто. По его мнению, японцы не только постарались сохранить православные храмовые постройки, но и содействовали повсеместному распространению и утверждению духовной миссии в новой колонии. В свой очередной приезд на остров епископ Сергий намеревался совершить визит вежливости в японскую администрацию. Аналогичные чувства вызывала деятельность русской миссии и у японской стороны.

Поэтому в сентябре 1911 года епископ Сергий был удостоен чести присутствовать на обеде у губернатора. Приём у губернатора сопровождался и приглашением представителей других конфессий – католиков и буддистов. Епископ Сергий в своих путевых заметках вспоминал и приятную атмосферу приёма, и роскошь губернаторского стола, уставленного «обильными приготовлениями японской кухни» 193, и красоту произнесённых за обедом речей.

Так, епископ Сергий во фрагменте своих заметок с названием «Обед у губернатора» привёл следующие слова из торжественной речи заместителя губернатора Накагавы Кодзюро (яп. 中川小十郎, 1866–1944)¹⁹⁴: «...оставшиеся на острове русские – не из лучших русских граждан, и переселяющиеся японцы – не цвет японского общества. <...> Нужно поднять нравственность островитян... А как это сделать без веры?...»¹⁹⁵.

Но описываемый епископом Сергием обед, хотя и назывался «губернаторским», но происходил без участия Хираоки, которому в речи русского гостя была принесена заочно «благодарность» ¹⁹⁶.

Описание «обеда у губернатора» – не единственный фрагмент в книге епископа Сергия, связанный с личностью Хираоки. В путевых заметках священника есть и косвенные, и прямые упоминания о губернаторе Карафуто. Во время своего третьего и последнего путешествия на Сахалин, записывая впечатления о поездке из Отару на Южный Сахалин, епископ Сергий так констатировал невозможность своей встречи с губернатором: «К сожалению, лишь в море узнал я, что в то время, когда мы выходили из Отару, приехал сюда, направляясь в Токео¹⁹⁷, сахалинский губернатор Хараока¹⁹⁸. Разумеется, много приятнее было бы иметь дело с самим хозяином, – а дел предстоит мне исполнить много и довольно щекотливых. Но пришлось утешать себя тем, что не может же остров остаться без хозяина, а если нет дома губернатора, будет всегда на месте его заместитель»¹⁹⁹.

Уже будучи на острове, епископ Сергий всякий раз с признательностью вспоминает губернатора Карафуто, который вместе со своими подчинёнными подготовил материалы для передачи православных приходов в ведение Японской православной церкви. Вот как выглядят в представлении автора путевых заметок действия администрации Южного Сахалина: «...по распоряжению губернатора острова все церкви приготовлены к сдаче, собраны-де и церковные вещи...»²⁰⁰, «..губернатор уехал в Токео... Сегодня он туда прибудет, и сегодня-завтра он телеграммой же ответит относительно передачи ... церковных зданий и вещей... Дело в том, что нас ждали дней на 10 позднее... Но губернатор уже извещён о ... прибытии»²⁰¹, «...настроение моё ещё более повысилось, когда пришёл в 9 час. переводчик и сообщил, что телеграмма от г. губернатора получена, и его заместитель г. Накагава ждёт меня с о. Николаем и прислал за нами губернаторских лошадей»²⁰², «г. губернатор, повидавшись в Токео с кем нужно, телеграфировал следующее <...> А до той поры-де губернатор разрешает нам пользоваться зданиями и починить их...»²⁰³.

Первая и единственная на Южном Сахалине встреча русского священника с японским губернатором произошла спустя почти две недели после «губернаторского» обеда: ранним утром 5 октября 1911 года епископ Сергий был представлен губернатору. И вот какие характеристики губернатора, в противовес художественному описанию из романа «Исповедь маски», даёт автор книги «На Южном Сахалине»: «...ещё молодой сравнительно человек, лет 5^{204} стоящий на своём посту. Принимал меня в своём японском кимоно и хаори... А они так просты и однообразны всюду, что из-за них трудно усмотреть губернаторское величие... А может быть, оно и "не в моде" здесь!...»²⁰⁵.

Отмечает епископ Сергий в своих заметках не только простоту внешнего вида Хираоки, но и его исключительное доброжелательство и готовность быть полезным для развития духовности на Южном Сахалине. Более того, во время визита губернатор даже посоветовал епископу Сергию открыть православные приходы на иных свободных от религиозной проповеди участках Южного Сахалина. «Я не учу, конечно, вас, – говорит губернатор в пересказе епископа Сергия, – но мне казалось бы: устроить в Тоёхара центр проповеди, а в разных местах – мелкие отделения, было бы для вашей церкви полезно»²⁰⁶.

Такое внезапное предложение настолько восхищает автора путевых заметок, что тот, отступая от детальности передачи разговора с Хираокой, восклицает следующее: «Это говорил не христианин!.. Как истинно, широко и далеко вперёд смотрит почтенный г. губернатор! Разумеется, его советом не замедлил воспользоваться!»²⁰⁷.

Хираока, со слов епископа Сергия, проявляет крайне высокую доброжела-

 $[\]overline{}^{192}$ Епископ Сергий (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – N 1. – 1991. – С. 33–141.

¹⁹³ Там же. – С. 119.

¹⁹⁴ Епископ Сергий в отдельных фрагментах своей работы иногда верным образом пишет фамилию Накагава, а иногда несколько искажает её, называя заместителя губернатора Нокагавой. Это же распространяется и на другие японские фамилии, используемые в книге русского священника

 $^{^{195}}$ Епископ Сергий (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – N 1. – 1991. – С. 119.

¹⁹⁶ Там же. – С. 120

 $^{^{197}}$ Здесь и в других цитатах из книги епископа Сергия сохранены авторские орфография и пунктуация.

¹⁹⁸ В этом случае епископ Сергий допускает ошибку в написании имени губернатора. В последующих фрагментах путевых заметок такая неточность уже не обнаруживается.

¹⁹⁹ Епископ Сергий (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – N 1. – 1991. – С. 102–103.

²⁰⁰ Там же. − С. 105.

²⁰¹ Там же. – С. 105–106.

²⁰² Там же. – С. 106–107.

²⁰³ Там же. – С. 107.

 $^{^{204}}$ Епископ Сергий в этом месте несколько ошибается: Хираока Садатаро был на тот момент губернатором чуть больше трех лет.

 $^{^{205}}$ Епископ Сергий (Тихомиров). На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – N $\!\!_{2}$ 1. – 1991. – С. 139.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

тельность к православию. Например, он предлагает незамедлительно докладывать ему о фактах притеснения православных христиан на острове. А в случае доказательств недолжного поведения по отношению к исповедующим православие жителями Южного Сахалина губернатор обещает удовлетворить просьбы притеснённых людей.

Дальновидность губернатора подчёркивается и другими наблюдениями епископа Сергия. Священник замечает, что на южной части Сахалина рыбопромышленники и лесозаготовители перевозят сырьё по железнодорожным линиям, которые активно строятся по проектам японских властей. Эти, равно как и другие свидетельства работы Хираоки на посту губернатора, говорят об особом авторитете деда Мисимы на острове.

Содержание путевых заметок «На Южном Сахалине» даёт не только общее представление о развитии православия в южной части Сахалина. Большая часть наблюдений епископа Сергия становится невыдуманным свидетельством того времени. За редким исключением в книге называются подлинные имена и описываются истории, имевшие место в действительности. Русский священник, взявшись за перо, с точностью документалиста фиксирует название населённых пунктов, приводит расписание движения морских суден и поездов на Сахалине, определяет существующие тарифы на перевозки и многое другое.

Именно поэтому «русская» версия о Хираоке помогает иным образом оценить художественные представления Мисимы в романе «Исповедь маски». Епископ Сергий за двадцать пять лет до появления на свет книги Мисимы создает документальный портрет Хираоки. В то время как сам писатель утверждает в романе образ, диаметрально противоположный характеру его деда в представлении русского священника, позднее ставшего митрополитом и после смерти святителя Николая Японского (1836–1912; Дмитрий Касаткин) возглавившего духовную православную миссию в Японии.

Дед Мисимы в памяти жителей периода Карафуто

В действительности Хираока отнюдь не являлся неудачником или разрушителем судеб близких ему людей, каковым описывает его внук в своём первом романе «Исповедь маски». Ещё при своей жизни отставной губернатор, носивший когда-то генеральский чин, был удостоен весьма высоких почестей. В административном центре Карафуто – Тоёхаре на народные средства был возведён памятник²⁰⁸ в его честь. На открытии трёхметрового монумента в августе 1930 года присутствовал и сам Хираока, приглашённый по такому случаю на остров. Жителям Южного Сахалина экс-губернатор запомнился тем, что в условиях непростой дальневосточной природы он сделал ставку не на развитие сельского хозяйства, а на расширение лесных угодий. Благодаря такой конструктивной деятельности Хираоки и его подчинённых на острове производились пиломатериалы и бумага.

Предусмотрительным и в меру дипломатичным Хираока был и в других вопросах. В частности, он не только лояльно относился к религиозным чувствам человека (а Мисима, как известно, отрицал традиционную религиозность, возведя в высшее духовное чувство нарциссизм), но и не порицал действие различных религиозных организаций на Южном Сахалине.

Иные «сахалинские» факты биографии Мисимы

Принадлежность Мисимы к семье человека, управлявшего во времена Карафуто южной частью Сахалина, не единственный «сахалинский» факт в биографии писателя.

В шестилетнем возрасте именно по протекции своего деда, имеющего

Рис. 46. Книга Мисимы Юкио «Весенний снег», 1977 г.

связи в обществе «высоких» чиновников, Хираока Кимитакэ становится одним из учеников гимназии Гакусюин²⁰⁹. Окончание этого престижного для Японии учебного заведения было обозначено первыми победами будущего писателя. Немногим позже в «Исповеди маски» им будет написано о личной аудиенции юного Кими у императора Хирохито (яп. 裕仁, 1901–1989). Став лучшим учеником в выпуске гимназии Гакусюин, член семьи губернатора Хираоки – Хираока Кимитакэ был принят в императорском дворце, где в подарок получил наградные серебряные часы.

Примечательно, что внук бывшего губернатора Карафуто был удостоен подарка из рук внука покойного императора Муцухито (яп. 睦仁, 1852–1912), известного после смерти как Мэйдзи (яп. 明治天皇). А ведь именно в годы правления Мэйдзи Япония временно распространила своё влияние на Ляодун, железную дорогу в южной Маньчжурии и южную часть Сахалина. Сам же император Хирохито, спустя несколько лет после своего большого путешествия по Западной Европе, в августе 1925

года проехался по всему Южному Сахалину и даже призвал своих соотечественников к активному освоению новой колонии. С именем Хирохито связано и падение губернаторства Карафуто: 15 августа 1945 года император предложил японской армии и флоту прекратить сопротивление, капитулировать перед Советским Союзом, вернув ему южную часть Сахалина.

Оттолоски Русско-японской войны (1904–1905), современником которой стал дед писателя, являются завуалированной темой романа Мисимы «Весенний снег» (яп. 『春の雪』, 1969). Характер молодого аристократа из семьи Мацугаэ, его драматические отношения с не искушённой в любви Сатоко становятся ещё более значимыми и глубокими через призму трагедии людей, постигших потерю близких на войне. Взаимоотношения молодых людей – юноши и девушки – рассматриваются как «война чувств» в противовес «войне действий».

Семь раз объехав вокруг света, Мисима так и не побывал в России. Будучи внуком человека, имеющего непосредственное отношение к Сахалину, он в целом ни в одном из своих сорока романов не сделал этот факт магистральным. Тем не менее жизнь и творчество Мисимы интригующим образом переплетаются со всем тем, что прямо или косвенно имеет отношение к Сахалину и в более широком плане – к России. И до настоящего времени многие жизненные и творческие устремления Мисимы всё ещё остаются закрытыми для русских читателей. Но тайны когда-нибудь раскрываются. Так, те или иные непримечательные на первый взгляд детали произведений японского писателя могут обнаружить в себе новые подробности. «Сахалинские» факты в мире Мисимы и его литературных героев намечены фрагментарно, но, возможно, когда-нибудь приобретут более конкретные очертания, неожиданные и интригующие. Такие открытия под силу внимательным и скрупулёзным читателям книг этого японского писателя, грани биографии и творчества которого только открываются в культурном измерении мировой литературы.

²⁰⁸ О судьбе памятника в честь Хираоки Садатаро см. в следующей работе: Федорчук, С. Чужая память. Губернатор-реформатор / С. Федорчук // Советский Сахалин. – 26 сент. – 2007. – С. 3; а также упоминание о деятельности Хираоки Садатаро на посту губернатора: Федорчук, С. Чужая память. Снискавший любовь и признание // Советский Сахалин. – 21 нояб. – 2007. – С. 3.

²⁰⁹ Престижный в Японии лицей Гакусюин (ранее называвшийся Школой пэров) закончил и сам император Хирохито, и его супруга Нагако, являвшаяся воспитанницей женского отделения лицея.

3.3. Коренные народы Сахалина в прозе Оэ Кэндзабуро

Малочисленные народы и роман «Бесчестье юноши»

Проза современного японского писателя-гуманиста Оэ Кэндзабуро (яп. 大江 健三郎, род. 1935), удостоенного Нобелевской премии (1994), автобиографична, наполнена сложными ассоциациями и философским подтекстом. В 1960-е годы одной из частых тем писателя становится стремление осмыслить сущность малых народов, определить их место в большом и динамично развивающемся послевоенном мире.

В январе 1959 года Оэ отправился на остров Ребун, расположенный на севере Хоккайдо²¹⁰. Цель поездки состояла в сборе материала для радиопостановки NHK. На острове писатель пробыл около двух недель: общался с местными жителями, собирал сведения о современном положении малочисленных народов: об айнах острова Ребун и репатриированных сахалинских нивхах. Радиопостановка под названием «Северный остров» (яп. 『北の島』) транслировалась 20 марта 1959 года. В ней рассказывалось об острове, жизнь на котором находилась на грани исчезновения. Сюжетным продолжением радиопостановки, в основу которой был положен документальный материал, стал роман «Бесчестье юноши» (яп. 『青年の汚名』, 1960).

Основные события романа разворачиваются на малонаселённом острове Аравака на севере страны (литературный образ места действия в «Бесчестье юноши», возможно, списан с острова Ребун). Живущие на острове рыбаки занимаются ловлей сельди. Но неожиданно сельдь прекращает заходить в прибрежные воды, жители острова попадают в кризисное положение. На фоне сложившейся ситуации разворачивается противостояние между стариком Цуруи, в чьих руках находится управление, и владельцами судов, стремящимися получить власть. В конфликт вовлечены и молодые люди, ратующие за проведение реформ с целью изменения жизни рыбаков к лучшему. Молодые люди предлагают пересмотреть рыбную отрасль и ввести реформы. Однако старик Цуруя настойчиво отказыва-

Рис. 47. Книга Оэ Кэндзабуро «Бесчестье юноши», 1960 г.

ется от этого, настаивает на сохранении заведённого порядка, когда каждый рыбак занимается исключительно ловлей и не думает при этом о других источниках дохода. На этом острове бытуют верования айнов Аравака. Айнские обряды поддерживают большинство рыбаков и их семьи. Так, одна из традиций состоит в выборе целомудренного юноши, который, удалившись от людей, должен молиться за хороший улов. Для того, чтобы внести раскол между теми, кто слепо подчиняется старейшине, молодёжь планирует использовать «священную власть» юноши. Узнав об этом, старик Цуруя подговаривает женщину на собрании островитян лжесвидетельствовать против юноши, назвавшись его любовницей. Такое заявление повергает в гнев рыбаков, и они прогоняют обожествляемого юношу, которого вскоре находят убитым. Старик Цуруя, подозреваемый в убийстве, умирает ещё до окончания расследования. Финал романа «Бесчестье юноши» даёт основания понять, что после смерти главных героев на острове ничего не изменится.

Примечательно, что все фактические события романа разворачиваются на фоне айнской мифологии

Рис. 48. Сценарий драматического фильма «Роща Отасу. Нивхи среди нас», 1960 г.

и преданий. И хотя айны не становятся героями основного сюжетного действия, но айнские сказания значительно преображают книжное повествование, создавая оппозицию «древнего», «архаичного» и «современного». Кроме айнов, на страницах романа эпизодически упоминаются и другие дальневосточные этносы, а именно: пожилая нивха, которая находится в услужении у старейшины острова.

Литературные образы нивхов обнаруживаются в ряде других произведений Оэ. В 1960 году писатель собирал материал о нивхах и ороках, проживающих в округе Абасири. В частности, он проявлял интерес к прошлой, настоящей и будущей жизни нивхов. Большое содействие в этом ему оказала шаманка Накамура Тиё²¹¹ (яп. 中村チヨ, нивхское имя – Узлгуш, 1906-?), делившаяся с писателем рассказами об особенностях нивхской бытовой культуры. Итогом встреч с Накамурой Тиё стал написанный Оэ сценарий драматического фильма под названием «Роща Отасу²¹². Нивхи среди нас» (яп. 『オタスの森―われら のなかのギリアーク人』, 1960). Фильм транслировался телекомпанией NHK 6 ноября 1960 года. В некоторых сценах фильма принимали участие сахалинские нивхи вместе с Накамурой Тиё. В фильме рассказы-

валось о жизненных трудностях нивхской семьи Каваками, переехавшей после войны с Сахалина на Хоккайдо. Примечательно, что по сюжету в планы входило строительство «второго» посёлка Отасу на Хоккайдо.

Образ «ясного человека» в рассказе «Счастливый молодой нивх»

В рассказе «Счастливый молодой нивх» (яп. 『幸福な若いギリヤク人』, 1961) проблематика коренных народов Дальнего Востока заявлена в самом названии. Главный герой – двадцатилетний юноша, внешне похожий на американского индейца, работает на заводе по лесозаготовкам. Акцент на необычный сюжет сделануже в самом начале истории. Так, главный герой пристально смотрит на сахалинскую лайку (японское название породы – карафуто-кэн). Этот взгляд получит своё истолкование только в кульминационной части рассказа. Молодой человек узнаёт, что по происхождению он не японец, а нивх. Оказывается, что в пятилетнем возрасте главный герой вместе с матерью переехал с Сахалина на Хоккайдо. Этот факт им забыт, но его важность всплывает многим позже.

Итидзё Такао полагает, что в биографии главного героя можно усмотреть параллели с детством Тайхо Коки (яп. 大鵬幸喜; настоящее имя Ная Коки, яп. 納谷幸喜, 1940–2013), знаменитого сумоиста, который родился в городе Сисуке (современное название – Поронайск Сахалинской области), а после войны в возрасте пяти лет переехал вместе с матерью на Хоккайдо²¹³. При этом отец Тайхо Коки был не нивхом, а украинцем, носившим имя Маркияна Борышко и являвшимся уроженцем Харьковской области. В рассказе судьба отца Тайхо Коки, арестованного как японского шпиона, схожа с судьбой умершего в сибирском лагере отца главного героя. Кроме того, интерес представляет встреча Оэ и Тайхо Коки в декабре 1960 года. Состоявшаяся беседа едва ли могла повлиять на сюжетную ли-

 $^{^{210}}$ Материал о малочисленных народах Севера в прозе Оэ Кэндзабуро взят из следующего источника: Итидзё, Такао. Оэ Кэндзабуро то хоппо: сё:су: миндзоку. Варэра но утинару гирия:кудзин (Оэ Кэндзабуро и малочисленные народы Севера: нивхи среди нас). — Тэдзукаяма гакуин дайгаку кэнкю: рондзю: Бунгакубу. — N 38. — 2003. — С. 1—15.

²¹¹ О жизни Накамуры Тиё см.: Вишневский, Н. В. Отасу: этнополитические очерки / Н. В. Вишневский. – Южно-Сахалинск, 2013. – С. 232–234.

²¹² Отасу – посёлок, расположенный в границах современного города Поронайска Сахалинской области. На территории Отасу с 1926 по 1945 год проживали нивхи и уйльта.

 $^{^{213}}$ Итидзё, Такао. Оэ Кэндзабуро то хоппо: сё:су: миндзоку. Варэра но утинару гирия: кудзин (Оэ Кэндзабуро и малочисленные народы Севера: нивхи среди нас). Тэдзукаяма гакуин дайгаку кэнкю: рондзю: Бунгакубу. – N 38. – 2003. – С. 9.

нию рассказа, поскольку к этому времени произведение должно было проходить предпечатную подготовку. При этом сумоист был весьма удивлён, что писатель знал многие факты его жизни лучше, чем он сам.

По сюжетному замыслу Оэ – главный герой, узнав о своём происхождении, едет в посёлок Бихоро на Хоккайдо, чтобы повидаться с шаманом, находящимся там на лечении. При этом, с одной стороны, он испытывает страх перед встречей, но в то же время им овладевает любопытство. Как только герой рассказа видит шамана: цвет кожи его лица, скулы, глаза, форму головы, цвет волос – он интуитивно ощущает родство с ним, испытывая от этого открытия чувство безудержной радости. И сам шаман называет юношу счастливейшим из нивхов, применяя к нему выражение «ясный человек». С этого момента молодой нивх готов мириться со своей индивидуальностью и самобытностью. Прошлое больше не путает его своей таинственностью и неизвестностью. Он делает выбор в сторону своей идентичности и предпочитает считаться нивхом, а не японцем.

Рассказ «Счастливый молодой нивх» был опубликован почти одновременно с повестью «Семнадцатилетний» (яп. 『セヴンディーン』, 1961) и её второй частью «Смерть подростка-политика» (яп. 『政治少年死す』, 1961). Более того, между этими произведениями можно провести параллели. В центре повести «Семнадцатилетний» — изображение душевного состояния и поведения подростка, до самозабвения увлечённого политикой, который во второй части книги становится террористом. В рассказе «Счастливый молодой нивх» на первый план выводится психологическое состояние юноши, который стремится понять свою идентичность и, таким образом, в своей японской жизни почувствовать нивхское начало, вернуться к своим корням. В обоих произведениях затрагивается тема национальной идентичности: но если в повести она связана с национализмом, то в рассказе акцент сделан на национальном самосознании.

Примечательно, что ни роман «Бесчестье юноши», ни рассказ «Счастливый молодой нивх» не представлены в переводах на русский язык. Между тем в отдельных случаях эпизодические, а в других – развернутые упоминания о корен-

ных народах Дальнего Востока есть у Оэ в тех книгах, которые известны русским читателям.

Рис. 49. Книга Оэ Кэндзабуро «Опоздавшая молодёжь», 1962 г.

Тема малочисленных народов в других произведениях Оэ

Так, в романе «Опоздавшая молодежь» (яп. 『遅 れてきた青年』, 1962) писатель рассматривал вопрос о том, есть ли перспективы в сохранении малочисленными народами своей этнической целостности и культуры. Тема «обманутого поколения» становится в книге ведущей. В контексте этой основной проблемы обнаруживается и частное размышление о судьбах народов Дальнего Востока. «Айны, гиляки, ойроты²¹⁴ – национальные меньшинства, но ведь они тоже японцы <...> Правда, айны, охраняющие свою чистоту, превратились чуть не в музейный экспонат, но гиляки и ойроты, те ассимилировались с японцами. Какой процесс более здоровый? На это так просто не ответишь. Составляют ли такадзёсцы национальность, как, например, гиляки, – я не знаю. Но если, смешавшись с остальными японцами, они ведут в Сугиока жизнь подённых рабочих, это для них, я думаю, не так уж и плохо 215 – такую позицию

занимает один из героев книги. Слова этого героя звучат в унисон представлениям других людей времени.

В рассказе «Собачий мир» (яп. 『犬の世界』, 1964) богатый этнографический материал, введённый в сюжетную линию, связан с раскрытием жизненных устремлений главного героя – молодого человека, называемого в книге «младшим братом» повествователя.

Известие о нахождении «младшего брата», потерянного во время эвакуации, застаёт главного героя в окрестностях города Абасири на Хоккайдо при знакомстве с сахалинскими переселенцами – гиляками и ороками²¹⁶. Необходимость встречи с «братом» в Токио вынуждает героя отказаться от ранее запланированной беседы со старым шаманом. Сложный характер «брата», его представление о мире соотносятся повествователем со всем тем, что он знает о сахалинских аборитенах. Размышления о жизни коренных народов Южного Сахалина, волею судьбы оказавшихся на Хоккайдо, становятся средством понимания и ценностных ориентиров всех героев рассказа. И поэтому упоминания о нивхах и ороках в «Собачьем мире» не эпизодичны, а максимально объёмны и естественным образом вплетены в художественное повествование.

В начале рассказа Оэ ставит сложный вопрос – в чём причина несчастий его современников, принадлежащих к малочисленным этническим сообществам. Главный герой так вспоминает своё посещение Абасири: «У меня был план встретиться со старым ороком-шаманом, который выколол себе глаз, чтобы положить конец злоключениям своего народа. Но это не помогло орокам вернуть благоденствие. Покинув под предводительством шамана Южный Сахалин, они стали бродить по Хоккайдо, выполняя самую тяжёлую и грязную работу, и, в конце концов, добрались до окрестностей Абасири на севере Хоккайдо. Корреспондент местной газеты, служивший мне провожатым, высказал мысль: не в том ли причина их злоключений, что они страшатся жизни вдали от моря, омывающего Южный Сахалин?»²¹⁷.

Но если для писателя поступок шамана становится знаком высокой ответственности за свой народ, то «младший брат», напротив, видит в этом происшествии насилие ороков над избранным ими предводителем. «В том, что на Южном Сахалине старик вышиб себе глаз, – говорит за ужином герой, – может и есть какой-то шаманский смысл, но всё равно, я уверен, он не по собственной воле сотворил такое, его соплеменники заставили, это уж точно. А уж потом старик – он ведь шаман, – не стал жаловаться, не стал и обижаться»²¹⁸.

На взгляд главного героя, страдания сахалинских переселенцев вызваны тем, что аборигены во всём руководствуются инстинктом. Живущие на протяжении многих столетий охотой и рыбным промыслом они и на Хоккайдо продолжают искать «оленьи леса и кетовые реки»²¹⁹. Но эти поиски, сопряжённые с тяжёлой физической работой, не приносят желаемого результата. Поэтому и будущее этих народов видится иллюзорным, оно, скорее, пугает, чем обнадёживает.

Завтрашний день эфемерен, неясен ещё и потому, что у нивхов нет письменности. И хотя слова одного из героев рассказа «Собачий мир» частично основаны на мифических представлениях, но в контексте произведения Оэ они в очередной раз подчёркивают невозможность стройного течения прошлого, настоящего и будущего: «Я рассказал, что у гиляков нет письменности. Согласно их преданиям, предки этого древнейшего народа Азии пустились в плавание вместе с предками айнов и ороков, но только у гиляков украли доски с буквами, лежавшие на утёсе.

²¹⁴ В современной версии – ойраты, монголоязычный народ.

²¹⁵ Оэ, Кэндзабуро. Опоздавшая молодежь / Кэндзабуро Оэ ; пер. с яп. В. С. Гривнина. – М., 1973. – С. 88.

 $^{^{216}}$ Так это дано в переводе Оэ на русский язык. Однако в современном языке такие названия коренных народов Сахалина являются устаревшими и чаще всего заменяются на слова «нивхи» и «уйльта».

²¹⁷ Оэ, Кэндзабуро. Собачий мир // Оэ Кэндзабуро. Футбол 1860 года. Роман и рассказы / пер. с яп. и вступ. ст. В. С. Гривнина. – М., 1983. – С. 357–358.
²¹⁸ Там же. – С. 363.

²¹⁹ Там же.

Поэтому айны и ороки имеют письменность, а гиляки нет»²²⁰.

Таким образом, тема коренных народов Дальнего Востока (а у Оэ по преимуществу упоминаются айны, нивхи, уйльта и ойроты) является одной из немногих в творчестве писателя. Эта тема непременно связана с чем-то мистическим и сложно объяснимым. Ассоциативный ряд слов, обозначающих коренные народы Дальнего Востока, выстраивается из таких слов-образов, как «шаман», «природа», «страдание», «поиск». Одновременно в этот перечень вовлекаются и топонимы, обозначающие места жизнедеятельности коренных народов Дальнего Востока: «Южный Сахалин», «Хоккайдо», «Абасири», «Бихоро» и другие.

Образы коренных народов в прозе Оэ выполняют, скорее всего, функцию экзотического, малоисследованного и вместе с ним притягательного для художественного освоения материала. При этом в отдельных местах через максимально полное описание разных народов Оэ можно увидеть и попытки идентификации себя, своего народа с этносами Дальнего Востока.

Как известно, литературный текст отражает лишь одну из форм представления писателей об окружающей их действительности. Однако и литература, иногда прибегающая к научной методологии (этнографии, культурологии и других специальных дисциплин), позволяет увидеть различные спектры картины мира малочисленных народов Дальнего Востока в интерпретации извне, «со стороны». И в этом случае вклад Оэ в художественную литературу о коренных народах Дальнего Востока – это одна из ярких и своеобразных частей всего корпуса сочинений на заданную тематику в мировой словесности.

3.4. Сахалин в художественных и публицистических произведениях Мураками Харуки

Писатель-постмодернист

Имя Мураками Харуки (яп. 村上春樹, род. 1949) окружено множеством эпитетов: «самый неяпонский», «странный», «метафизический», «продвинутый», «элитарный», «крутой», «джазовый», «стильный», «разнузданный», «порнографический» и другие. Содержание произведений этого автора вписывается в границы скорее межнационального художественного пространства, чем собственно японского. И именно это делает Мураками узнаваемым и принимаемым разными читателями. Поэтому не случайно Дмитрий Коваленин (род. 1966) утверждает, что «переводить Мураками – удовольствие особое: общаешься со всем белым светом одновременно»²²¹.

При чтении романов Мураками в каждом новом смысловом фрагменте прозы, в каждой новой главе возникают ассоциации с творческим наследием то англичанина Джеймса Джойса, то австрийца Франца Кафки, то француза Марселя Пруста, то американцев Эрнеста Хемингуэя или Джерома Дэвида Сэлинджера, то, наконец, со столь любимым самим писателем Трумэном Капоте. Иногда стилизованные, иногда пародийно-подражательные «куски» мировой классики XX столетия сшиваются Мураками в единое лоскутное одеяло, в котором физический мир граничит с метафизическим, настоящий – с прошлым, правдивый – с ложным, исторический – с мифическим. И в этом эклектическом слиянии с чисто номинативными японскими реалиями (именами героев и названием конкретных географических мест) нередко упоминается Россия и всё, что имеет к ней отношение. Например, в романе «Охота на овец» (яп. 『羊をめぐる冒険』, 1982, рус. пер. 2002) звучат такие фразы, как «за две недели до прихода советских войск», «это

Рис. 50. Книга Мураками Харуки «Охота на овец», 1982 г.

напоминало русский табак», «я по три раза прочёл "Братьев Карамазовых" и "Тихий Дон"», «я почитаю Достоевского», «сталинизм примыкает к марксизму» и другие.

Сахалинские эпизоды «Охоты на овец»

В «Охоте на овец» просматриваются эпизодические упоминания Сахалина. Первостепенные события этого романа разворачиваются на Хоккайдо. Ландшафт фотографического снимка, который показывает всем встречающимся на своём пути главный герой «Охоты на овец» в поиске потерявшегося друга, оказывается незнакомым: «...всё было безрезультатно. Никто из опрошенных мною не опознал долины на фотографии; ни в одной овцеводческой фирме не знали об овце со звездой на спине. Один старикан уверял меня, будто видел именно этот пейзаж ещё до войны на юге Сахалина, но я не мог поверить, что Крыса в своих скитаниях забрался на Сахалин. С Сахалина в Токио срочную почту не пересылают»²²². Главный герой романа «Охота на овец», продолжая разыскивать Крысу, убеждён, что пейзаж на фотографии, по мнению одного из лю-

дей, отдалённо напоминающий сахалинскую природу, остаётся единственным средством в попытке найти потерявшегося друга.

И как бы ни были парадоксальны представления героя о том, что Крыса мог оказаться на Сахалине, эпизодическое упоминание острова возникает и в другом фрагменте романа: «Юноша-айн состарился и умер – и в дальнейшей истории Дзюнитаки оставалась одна скукотища. С десяток овец околело от сердечной грыжи, урожай пару раз жестоко побило морозами – но в остальном всё развивалось без происшествий, и в эпоху Тайсё деревня получила статус города. Город быстро разрастался. Построили школу, городскую ратушу и почтовое отделение. Освоение Хоккайдо было в целом завершено. Всё, что могли распахать, распахали – и дети малоимущих крестьян потянулись на поиски новых земель в Маньчжурию и на Сахалин»²²³.

Очередное упоминание о Сахалине в романе «Охота на овец», с одной стороны, фиксирует известный исторический факт: желающие преуспеть в жизни японцы после Русско-японской войны устремились на Южный Сахалин, ведь сам император призвал японский народ к освоению «новых земель», именуемых в то время колониальными. При этом «сахалинский» фрагмент ещё и демонстрирует возможную потерю главным героем книги Мураками интереса к истории Дзюнитаки и тем самым невозможность найти Крысу именно на Хоккайдо.

Возникновение образа Сахалина в романе Мураками может быть объяснено двумя причинами: географической близостью Сахалина и Хоккайдо и историческим прошлым современных России и Японии. При этом допустимость того, что Крыса в своих скитаниях добирается до Сахалина, в некоторой степени (учитывая характер героя и ряд других обстоятельств в сюжетном движении «Охоты на овец») обладает, как и многие иные «русские» фрагменты, анекдотическим прочтением, свойственным ряду книг японского писателя.

Мураками на Сахалине

Мураками впервые побывал в России летом 2003 года. Приезд на остров был обусловлен, с одной стороны, личным желанием самого писателя, захотевшего

²²⁰ Оэ, Кэндзабуро. Собачий мир // Оэ Кэндзабуро. Футбол 1860 года. Роман и рассказы / пер. с яп. и вступ. ст. В. С. Гривнина. – М., 1983. – С. 362.

²²¹ Коваленин, Дм. Лучший способ потратить деньги, или Что делать в период острой джазовой недостаточности // Мураками Харуки. Охота на овец / пер. с яп. Д. Коваленина. – СПб., 2002. – С. 468.

²²² Мураками, Харуки. Охота на овец / пер. с яп. Д. Коваленина. – СПб., 2002. – С. 50.

²²³ Там же. – С. 311.

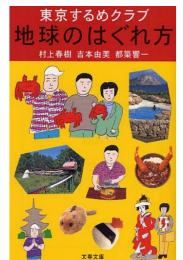

Рис. 51. Книга «Токийский клуб сушёной каракатицы. Потерявшиеся на Земле», 2008 г.

посмотреть восточную окраину России в компании со своим русским переводчиком Дмитрием Ковалениным, с другой – конкретным заказом со стороны японского журнала «ТІТLЕ». Редакционное задание состояло в необходимости доступно рассказать о том, с чем могут познакомиться японцы, отправившиеся в путешествие по Дальнему Востоку России.

Поручение руководства журнала выполнялось Мураками совместно с его коллегами по творческому цеху – журналисткой Ёсимото Юми (яп. 吉本由 美, род. 1948) и фотографом Цудзуки Кёити (яп. 都 築響一, род. 1956), входящими вместе с писателем в самолично созданное объединение с замысловатым названием – «Токийский клуб сушёной каракатицы» (яп. 「東京するめクラブ」). Название «клуба», скорее всего, дано по аналогии с быстротой и манёвренностью передвижения моллюсков в морских водах. Стремительность в освоении неизведанных мест и мобильность членов клуба сродни классовым признакам каракатицы (одним из условий членства в «клубе» становятся короткие сроки путешествия, при котором приезд в то или иное место именитых гостей не афишируется). При этом сушёная каракатица, лежащая в основе названия столь необычного объединения, воспринимается в Японии как неболь-

шой подарок, сделанный от сердца. Итогом сахалинской поездки Мураками стала серия статей в журнале «TITLE», которая в дальнейшем была продублирована на страницах путеводителя «Токийский клуб сушёной каракатицы. Потерявшиеся на Земле» (яп. 『東京するめクラブ 地球のはぐれ方』, 2004).

Интересно, что путешествие Мураками пришлось на июльские дни²²⁴: именно в июле, как известно, начал знакомство с Сахалином сам А. П. Чехов (на июль был запланирован и приезд на остров Далоша Дьёрдя (род. 1943) – автора, продолжившего в своём романе «1985» (1982, рус. пер. 1992) тему книги англичанина Джорджа Оруэлла «1984»). Сравнение Мураками с Чеховым основывается ещё и на том, что у японского писателя сахалинская тематика зафиксирована вначале в контексте художественного повествования (в романе «Охота на овец»), затем – документального (в совместном с друзьями путеводителе «Токийский клуб сушёной каракатицы»). В случае с Чеховым взгляд документалиста предшествовал собственно художественному освоению (известно, что тематика «Остров Сахалин» в последующем неоднократно проецировалась в прозе русского писателя). Но, подобно Чехову, Мураками начал знакомство с Россией не с официальной парадной стороны, а с «затерянной» окраины.

Описание сахалинской действительности Мураками поражает особым вниманием к обыденным и неприметным для русских людей вещам. Сахалинский обзор токийских путешественников занимает семьдесят страниц книжного повествования. Открывается раздел о Сахалине в японском издании схематическим фрагментом географической карты. И это, скорее всего, не случайно. По словам Мураками, в прежние эпохи Сахалин – это «Богом забытая земля», «дикая земля не только географически, но и психологически» 225. Представленные в книге картографические сведения лаконичны и избирательны: кроме Южно-Сахалинска,

224 Точнее – 30 июня 2003 года Мураками Харуки и его друзья прибыли из Хакодате в Южно-Сахалинск, а 4 июля уже отбыли из Корсакова Сахалинской области на пароме в Вакканай. обозначены портовые города Сахалина – Поронайск, Корсаков, Невельск, Анива и Холмск, отмечены Татарский пролив и остров Тюлений. Сопровождающие путевые очерки членов токийского клуба фотографии и их названия определяют характер современной островной цивилизации.

Исторический экскурс в далёкое прошлое островной цивилизации позволяет сделать Мураками следующие выводы: «...остров ...активно заселялся политическими переселенцами. На самом деле так называемых переселенцев вместе с семьями ссылали на Сахалин, и были люди, которые осуществляли надзор за ними. "Простые люди" на Сахалине практически не проживали. Условия для жизни были очень суровые, люди постоянно находились в нужде. Много арестантов погибло от жестоких побоев»²²⁶.

Пятидневное «нелёгкое» путешествие по Сахалину названо Мураками «большим», вместившим, очевидно, самое главное открытие для писателя – Сахалин совсем не похож на заграницу, внутренне он воспринимается как провинциальный японский город. Токийские путешественники обращают внимание не на музеи и другие образовательные центры, а на киоски, книжные лотки, рыночные площадки и магазины на колёсах – продуктовые лавки привезённых с юга овощей и фруктов (названных в комментарии к одной из фотографий «узбекскими»). Именно на книжных развалах, а не в книжных павильонах Мураками пытался найти свою книгу «Охота на овец».

Оценке путешествующих токийцев подверглась и сфера гостиничного бизнеса на острове с представлением номеров гостиниц и условий пребывания в них. Собственно путешествие по острову и прилегающей к нему акватории стало образцом сочетания экстремальных ситуаций и получения знаний по истории, этнографии и культуре островного края.

Отдельного внимания путешественников заслуживают и неприглядные моменты островной жизни – свалки мусора за городом, потрескавшийся на городских площадях асфальт, деревянные утепления на северных сторонах типичных для Сахалина пятиэтажек, смотровая площадка туристической базы «Горный воздух» и пришедшие в негодность постройки трамплинов.

К отличительным чертам островного края Мураками и его соавторы относят «рыбацкий» профиль Сахалина и его неповторимый природный колорит, зафиксированный в обрамляющих всё повествование о Сахалине фотографиях со скупым, но образным морским пейзажем – каменистым берегом, чёткой линией горизонта, уходящим вдаль облачным дымом.

Ещё одной интересной деталью в японском «путеводителе» становится то, что в самом начале своего сахалинского повествования Мураками обращается к имени Чехова, предлагая читателям общие сведения о путешествии русского писателя на каторжный остров. Книгу Чехова «Остров Сахалин» японский автор называет «чрезвычайно интересной, редкой», «ценнейшими путевыми записками» говорит, что с Чеховым познакомился раньше, чем принял решение отправиться в сахалинское путешествие: «С тех пор, как я прочёл "Остров Сахалин", во мне пробудился интерес к островной земле. И я подумал: "Если когда-нибудь представится удобный случай, я обязательно побываю там"» 228. В путеводителе «Токийский клуб сушёной каракатицы» Мураками пишет, что «чеховское видение жизни безвольных людей (и жизни человека вообще) крайне справедливое и тёплое» 1 При этом японского писателя интересует, насколько изменился Сахалин со времён Чехова.

Впечатления об островном путешествии у Мураками сводятся к тому, что Сахалин есть «terra incognito», а первое прикосновение к «неизвестному», как у

²²⁵ Мураками, Х., Ёсимото, Ю., Цудзуки, К. Токё: суру мэ курабу. Тикю: но хагурэката (То-кийский клуб сушёной каракатицы. Потерявшиеся на Земле). – Токио: Бунгэй сюндзю, 2004. – С. 269. (Здесь и далее по тексту все переводы с японского языка сделаны А. С. Акимовой.)

²²⁶ Мураками, Х., Ёсимото, Ю., Цудзуки, К. Токё: суру мэ курабу. Тикю: но хагурэката (То-кийский клуб сушёной каракатицы. Потерявшиеся на Земле). – Токио: Бунгэй сюндзю, 2004. – С. 269.

²²⁷ Там же. − С. 270.

²²⁸ Там же. – С. 271.

²²⁹ Там же. − С. 268.

Рис. 52. Первый том романа Мураками Харуки «1Q84», 2009 г.

многих героев книг писателя, должно быть личным и в некоторой степени тайным. Неизвестность жизненных свершений героев произведений Мураками открывает дорогу для столкновения либо примирения разных точек зрения и взглядов на всё ещё бескрайний и полный загадок земной мир. Мир, который, видимо, должен начинаться с «затерянных на Земле» и «Богом забытых» провинциальных окраин, подобных современному Сахалину.

Роман «1Q84» и его переводы

Весна-лето 2009 года потрясли Японию новым произведением Мураками – романом «1Q84» (яп. Г1Q84.). Многотысячные, а потом уже и приблизившиеся к трём миллионам тиражи романного повествования писателя стали самой заметной сенсацией не только 2009 года, но и последующих лет.

На волне такой популярности в Японии творчество писателя привлекает к себе и внимание переводчиков со всего мира. Первые иноязычные варианты «1Q84» появились на Украине (пер. Ивана Дзюбы), в Сербии (пер. Наташи Томич) и в Америке (пер. Джея Рубина и Филипа Габриэля). Одновре-

менно с этим книга стала известна читателям во Франции (пер. Хелены Морита), Германии (пер. Урсулы Грефе), Италии (пер. Джорджо Амитрано), в Польше (пер. Анны Зелинска-Эллиот) и ряде других стран.

Летом 2011 года два тома нашумевшего романа Харуки Мураками в переводе Дмитрия Коваленина были изданы и в России. Вторая половина 2012 года была увенчана появлением на русском языке третьей части «1Q84».

Пожалуй, ни какой другой роман японского писателя не переводился столь быстро на иностранные языки и ни какой другой роман Мураками не был таким феноменально захватывающим, как «1Q84».

Через Россию обо всём мире

Повышенное внимание японских и зарубежных читателей к «1Q84» Мураками не случайно. С одной стороны, роман привлекает своим жанром – а это напряжённый мистический детектив, с другой – на страницах книги одновременно с основным сюжетным действием рисуется социально-политическая картина Азиатско-Тихоокеанского региона. Лабиринты художественного пространства, созданного Мураками, уводят читателей не только в разные исторические периоды (реальные и ирреальные) самой Японии, но и в измерения, соотносимые с теми или иными событиями и на Корейском полуострове, и в Китае, и даже на каторжном Сахалине Российской империи XIX столетия.

Одна из неожиданных тематических линий книги — образ дальневосточной части России, которая воссоздаётся по объёмному фрагменту «Острова Сахалин» Чехова. При рассказе о мистическом «Маленьком Народце» (как это предлагается в русском переводе романа) вводятся эпизоды с описанием быта и традиций сахалинских гиляков (в современной терминологии — нивхов). Немаловажное место в книге Мураками отводится корейским переселенцам, живущим вдали от своей исторической родины (применительно к роману — в России и в Японии). Эти факты вместе с иными «русскими» деталями свидетельствуют о том, что в этом романе Мураками неугасающий интерес к России и к русской культуре достигает своего кульминационного решения. Связующим звеном прошлого и настоящего, литературного и фактического в «1Q84» стало творчество Чехова, упоминаемого как в репликах книжных героев, так и в речи повествователя. Фрагмент «Острова Сахалин» — это своего рода художественный перекрёсток разных времён и пространств; образ, позволяющий расшифровать и понять ряд загадок и намёков в сюжетной организации «1Q84».

Неверным было бы сказать, что Мураками в романе «1Q84» пишет исключительно только об «Острове Сахалин» Чехова. В действительности роман Мураками «1Q84» несёт в себе дух интереса к России, к её прошлому (от периода каторги до времени пребывания у власти Иосифа Сталина). На страницах книги имя Чехова – это не единственное имя русского писателя. Вспоминает Мураками и о других своих кумирах в литературе – о Фёдоре Достоевском и о Льве Толстом. Иногда завуалировано, а иногда открыто Мураками в романе «1Q84» обыгрываются две классические темы русской литературы: «преступление и наказание», «война и мир».

В первом томе «1Q84» японский писатель рассказывает об «Острове Сахалин» Чехова. А в третьем томе события, связанные с постепенным уходом из реального мира отца главного героя, сосредотачиваются в «Кошачьем городе», образ которого создан китайским писателем Лао Шэ (1899–1966) в «Записках о кошачьем городе» (1932).

Учитывая признание книг Мураками за рубежом, можно предположить, что очередное покорение читательской аудитории во всём мире происходит не без влияния следующего обстоятельства. Вместе с романом «1Q84» вдумчивые читатели должны обратиться к трём книгам: роману «1984» Джорджа Оруэлла, «Острову Сахалин» Чехова и «Запискам о кошачьем городе» Лао Шэ. Причём если книга английского писателя называется формальным источником (и это фиксируется, прежде всего, в названии романа Мураками), то чеховские впечатления «из путевых записок», а вместе с ними и мистическая реальность «Кошачьего города» становятся неотъемлемыми компонентами содержательного плана «1Q84». Впрочем, чеховское восприятие российской каторги в «Острове Сахалин» – это воплощённая реальность того мира, который был описан в XX веке в антиутопиях Джорджа Оруэлла и Лао Шэ.

Главные герои и их время

В центре романа «1Q84» рассматриваются две истории жизни (а точнее – несколько максимально напряжённых моментов из жизней двух людей) – учителя математики, втайне мечтающего о славе писателя, молодого мужчины по имени Тэнго, и инструктора фитнес-центра, искусной массажистки, взявшей на себя миссию очистки мира от недостойных людей, Аомамэ.

Ведущие сюжетные линии неизменно возвращаются к Тэнго и Аомамэ. С этими же героями развиваются и два пространственно-временных формата (Токио 1984 года и Токио 1Q84 года), а между ними (героями, пространствами и временами) находится множество других микросюжетов, разветвляющихся мотивов, тем, идей, то сплетающихся в единое целое, то создающих новый клубок противоречий и загадок. Вера и безверие, общественно значимая работа и преступные устремления, тайное и явное, агрессия и милосердие, внутренняя привязанность, именуемая любовью, и безрассудный секс, поддерживаемый природными инстинктами, детские воспоминания и осмысленные поступки людей, перешагнувших границы совершеннолетия, – каждая из таких оппозиций представляется Мураками глазами как главных, так и второстепенных героев.

Одновременно с этим понимание назначения любого из персонажей романа, угадывание их жизненного пути становится сродни интригующему заполнению пустых клеток в кроссворде или собиранию причудливой картины из пазлов, старательно перемешенных автором. Иногда читатели погружаются в состояние того, что времена и пространства, рождённые художественным воображением Мураками, смыкаются. Герои (будь то красавица Фукаэри, издатель Комацу, девушка-полицейский Аюми, малышка Цубаса, страстная возлюбленная Тэнго или ещё более десятка таких персонажей, судьбы которых вступают в некое подчинение желаниям и мыслям ведущих себя независимо от обстоятельств Тэнго и Аомамэ) мистически приближаются один к другому. Они живут параллельно друг другу, где-то совсем рядом, и кажется, что через одно мгновение произойдёт восстановление единой панорамы бесконечно многообразной внешними событиями и напряжённой чувствами литературной реальности. Читатели «1Q84» вправе выбрать любой путь в расшифровке зримых, а иногда и сознательно скрытых писателем аллюзий, реминисценций или подтекстов.

Например, ещё никто из критиков и исследователей «1Q84» не отмечал значимости указаний на время, зафиксированное Мураками в подзаголовках трёх книг романа: первая часть охватывает собой апрель и июнь, вторая – июль и сентябрь, третья – октябрь и декабрь. Однако эта календарная хронология частично соотносится с движением русского классика Чехова из цивилизованной Москвы на каторжный Сахалин, а затем – обратно. Теперь уже через сказочный, почти не воображаемый писателем ранее Цейлон в прежнюю, хорошо знакомую Москву, в тот город, который после возвращения с Сахалина кажется уже необыкновенно чужим, пропитанным воспоминаниями о тяжестях дальней дороги и о жестоких нравах каторги.

Как известно, в апреле Чехов покинул Москву; май, июнь и небольшую часть июля он провёл в поездке до Сахалина. Июль, август, сентябрь и первую часть октября русский писатель жил на Сахалине. Вторая половина октября, весь ноябрь и несколько дней декабря ушли на возвращение в Москву. Восемь месяцев длилось путешествие Чехова по маршруту: Москва – Сахалин – Москва. Примерно столько же времени уходит у Тэнго и Аомамэ, чтобы встретиться вновь: вернуться из Токио измерения Q в Токио 1984 года. Календарное движение времени у Мураками отражается в ирреальном путешествии из Токио 1984 в Токио 1Q84 и обратно к точке отсчёта, с которой началось обретение через испытания и страдания новых друг для друга, преображённых Тэнго и Аомамэ. Примечательна и ещё одна деталь, наталкивающая на некоторую схожесть с чеховским путешествием. Чехов отправляется на Сахалин, отметив свой тридцатый день рождения. В таком же возрасте и главные герои Мураками открывают мир измерения «Q».

Чехов, гиляки и корейцы

На протяжении трёх томов «1Q84» (и более всего в первой и второй частях книги) в разных смысловых контекстах возникают, с одной стороны, имя Чехова, а с другой – важные для общего содержания романа вставки о сахалинских нивхах. Двадцатая глава первой части романа «1Q84» посвящена «Острову Сахалин» Чехова (а точнее – тому фрагменту, в котором русский писатель рассказывает об аборигенах Сахалина). Эпизодические упоминания о нивхах обнаруживаются и во втором томе книги японского писателя. Экскурс в этническую историю малочисленных народностей Дальнего Востока (а Мураками пишет не только о

Рис. 53. Первый том романа «1Q84» в русском переводе, 2016 г.

нивхах, но и об айнах) не случаен. Вероятно, по авторскому замыслу, он соотносится с так называемым «Маленьким народцем», который воплощает собой некую совершенно новую этническую группу, активно включающуюся против воли человека в движение современного мира – его художественного аналога.

В русском варианте «этнический» компонент книги Мураками усиливается за счёт пояснений Дмитрия Коваленина к тем или иным отрывкам «1Q84». Благодаря таким вставкам нового текста от лица переводчика углубляется и собственно «русская» тема романа (которая в основном сосредоточена на путешествии Чехова на Сахалин). Так, например, Коваленин упоминает о Владимире Санги (род. 1935) – российском писателе и поэте нивхского происхождения. В России Санги известен не только этнической прозой и стихами, но и входит в число разработчиков нивхской письменности как автор национального букваря, учебника и книг нивхского фольклора. Произведения Санги знакомы и японским читателям (см. переводы Тахары Юко (яп. 田原 佑子) и Хикиты Норико (яп. 匹田紀子)), однако у самого Мураками такая информация отсутствует (что естественно определяется законами художественной литературы, не стремящейся к наукообразию).

На фоне многократных упоминаний о нивхах интригующе выглядит и судьба телохранителя Тамару Кэнъити – сахалинского корейца, волею судьбы оказавшегося в Японии. Применительно к этому персонажу Мураками говорит о важности родственных корней, о чувстве родины, о знании места рождения своих предков. В знак этого Тамару хранит в тайниках своей памяти как частицу сокровенного родовую фамилию Пак. Подобные изображения ранее в прозе Мураками себя никак не проявляли, хотя в некоторые произведения писатель вводил описания различных этносов Дальнего Востока.

В третьем томе «1Q84» мир вновь поочерёдно описывается через восприятие любящих друг друга Тэнго и Аомамэ. При этом реконструкция реального и ирреального миров причудливо дополняется детективом Усикавой. Завершается книга тем, что Аомамэ и Тэнго возвращаются из ирреального измерения 1Q84 в обычный мир, освещаемый ночью одной (а не двумя, как во времени 1Q84) луной.

Но что ждёт воссоединившихся героев в этой новой совместной жизни, полной устрашающих тайн, остаётся пока только в сознании японского писателя, интригующего читателей возможным продолжением. Завершится ли 1Q84 год? Не наступит ли вслед за ним 1Q85? Произойдёт ли смыкание сюжета романа с той точкой отсчёта, которая соотносится с началом путешествия Чехова на Сахалин?

В романе Мураками «1Q84» через книгу Чехова «Остров Сахалин» осуществляется литературное единение с Россией. Вместе с этим намечаются параллели и с другими значимыми для истории европейской и восточной цивилизации книгами – знаменитыми антиутопиями Джорджа Оруэлла и Лао Шэ. При этом художественные произведения английского и китайского прозаиков стоят у основания того треугольника, на вершине которого располагаются путевые записки Чехова о Сахалине периода каторги.

3.5. Сахалин и Курильские острова в романах Симады Масахико

Россия в биографии писателя

Имя Симады Масахико (яп. 島田雅彦, род. 1961) – автора многочисленных романов, рассказов, эссе и пьес – широко известно в японской литературе конца XX—начала XXI века. Устойчивым мотивом книг писателя становится интерес к русской культуре. При этом частое обращение Симады к теме России сопряжено с профессиональным кругозором писателя. Через год после литературного дебюта с рассказом «Дивертисмент для нежных левых» (яп. 『優しいサヨクのための嬉遊曲』, 1983) Симада окончил русское отделение Токийского университета иностранных языков (1984). Но фактическое знакомство с Россией у писателя произошло тремя годами ранее: в 1981 году он совершил свою первую туристическую поездку в Москву. Сегодня Симада – лауреат престижнейших в Японии премий Номы (1984) и Идзуми Кёка (1992)²³¹.

На протяжении своей литературной карьеры писатель многократно обращался к сюжетам, основные события которых разворачиваются непосредственно на территории России, это повесть «Путешественники-эмигранты кричат-ворчат» (яп. 『亡命旅行者は叫び呟く』, 1984) и рассказ «Чернодырка» (яп. 『チェルノディルカ』, 1991). В русских переводах творчество Симады знакомо читателям только по крупномасштабным эпическим произведениям: «Царь Армадилл» (яп. 『アルマジロ王』, 1991, рус. пер. 2003), «Повелитель снов» (яп. 『夢使いーレンタルチャイルドの新二都物語』, 1996, рус. пер. 2004), «Плывущая женщина, тонущий мужчина» (яп. 『浮く女沈む男』, 1996, рус. пер. 2005), а также по ряду рассказов, один из которых дал название

 $^{^{230}}$ Название этого рассказа на русском языке может звучать ещё и как «Дивертисмент для добрых леваков».

 $^{^{231}}$ Подробнее о биографии Симады Масахико см. в кн.: Теория катастроф. Современная японская проза / пер. с яп. – М.: Иностранка, 2003. – С. 497–498.

антологии японской прозы XX века – «Теория катастроф»²³² (яп. 『カタストロフの理論』, 1996). Осенью 2006 года Симада по приглашению издательства «Иностранка» приехал в Москву для встречи с русскими читателями своих произведений и участия в публичных обсуждениях книг современной японской литературы.

Герои романа «Любовь на Итурупе»

Сюжетные перипетии завершающего трилогию «Канон, звучащий вечно» (яп. 無限カノン三部作, 2000–2003, рус. пер. 2006) романа «Любовь на Итурупе» (яп. 『エトロフの恋』, 2003, рус. пер. 2006)²³³, система образов, идейно-тематическая основа и многие другие формально-содержательные компоненты книги определяют её как произведение с «русской» проблематикой. В самом начале «Любви на Итуру-

Рис. 54. Книга Симады Масахико «Любовь на Итурупе», 2007 г.

пе» в единое смысловое пространство оказываются вовлечёнными, с одной стороны, имя А. П. Чехова, с другой – входящий в состав Курильской гряды остров Итуруп. Чем же объясняется подобное сопряжение столь разнородных образов и каковы причины, побудившие писателя отправить главного героя своей трилогии в поисках смысла жизни на отдалённый от большой цивилизации остров?

Главным героем романа «Любовь на Итурупе» становится правнук знаменитой Чио-Чио-сан – оперный певец Нода Каору, решивший «начать вторую жизнь на Итурупе» 234. Своё пребывание на острове, «где свирепствуют холодные ветры» 235, Нода Каору сравнивает с добровольной ссылкой, в которой ему придётся познать глубинные тайны настоящей любви. Путешествие на Итуруп для героя начинается из японского города Вакканай в российский порт Корсаков Сахалинской области. Подвергнувшийся беспристрастному осмотру со стороны сахалинской таможни Нода Каору уподобляет себя Чехову: «Говорят, когда Чехов жил на Сахалине, острове ссыльных, у него тоже постоянно выпытывали, зачем он сюда приехал» 236.

Но в отличие от русского писателя, Нода Каору едва ли знает истинную причину, побудившую его отправиться в столь необычную поездку. Каждый из вариантов, который герой предлагает самому себе или интересующимся этим фактом собеседникам, мало вероятен. Люди отказываются верить, что на Итурупе можно отдыхать или любоваться островом, но верят в то, что Нода Каору, не имея специального образования, может на профессиональном уровне заниматься изучением курильской фауны.

Приезд Ноды Каору на Итуруп – это, скорее, попытка проверить большим расстоянием метафизическую силу любви главного героя и его таинственной возлюбленной Фудзико, которая в скором времени должна стать супругой одного весьма именитого лица. Не случайно в послесловии своего романа Симада писал, что «теперь только тот берег может соединить их. В надежде на возрождение Нода Каору отправляется на фактический остров, в конкретное географическое

место, а Φ удзико устремляется на воображаемый остров "императорской семьи". Но любовь героев "всё равно не умирает"»²³⁷.

Одиночество главного героя, тщетность его душевных поисков соотнесены с магистральным мотивом всей книги – проклятием Итурупа. Проклятие, якобы наложенное на остров, отражается и на судьбах многих героев книги – бывшей студентки отделения японского языка Хабаровского университета Нине, её странной матери Марии, брата Кости и, конечно же, самого Ноды Каору. Причём мотив проклятия острова становится аллюзией на один из эпизодов чеховского «Острова Сахалин».

Мотив проклятия острова

В самом начале книги Нода Каору рассказывает следующую историю: «Врач тюремной больницы, у которого остановился Чехов, рассказал ему одну легенду. Когда русские пришли на Сахалин и стали истреблять гиляков, гиляцкий шаман проклял остров, чтобы от него никогда никому не было прока.

Наверное, неизлечимые тоска и скука – непременные спутники жизни на проклятом острове. Но что в этом хорошего: методично наводить тоску на всякого путешественника, проходящего через таможню, и его же использовать как лекарство от скуки? Мне хотелось высказать всё, что я думаю, но я удержался даже от вздоха»²³⁸.

Немногим позже история проклятия Сахалина гиляцким шаманом повторяется относительно самого Итурупа. Недостаточно хорошо владеющий русским языком Нода Каору размышляет: «Итуруп проколот. Проклят?! Та же история, что рассказал Чехову врач тюремной больницы? Я спросил её, почему она так считает, и Нина ответила:

– Я знаю, потому что сама родилась на Итурупе. Я жила там восемнадцать лет...» 239 .

Чехову неоднократно приходилось слышать во время своей поездки на Сахалин о «проклятии» островной земли:

«...Неправда. Ничего ваш Сахалин не даёт. Проклятая земля.

<....>

За обедом же была рассказана такая легенда: когда русские заняли остров и затем стали обижать гиляков, то гиляцкий шаман проклял Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого толку.

- Так оно и вышло» 240 .

Чехов в действительности не раз заостряет внимание читателей «Острова Сахалин» на «проклятии» каторжной земли. Так, в одном случае на вопрос писателя одному поселенцу, почему в хозяйском дворе петух на привязи, иронически слышит в ответ: «У нас на Сахалине все на цепи. <...> Земля уж такая»²⁴¹.

Одновременно с мотивом проклятия развивается и тема суровой, карающей человека природы. Впрочем, в однообразии тёмных образов беспощадной дальневосточной стихии, как и в «Острове Сахалин» Чехова, у Симады встречаются и позитивные описания морских пейзажей: «Обычно над Охотским морем нависали тяжёлые тучи, но сегодня – случай редкий – в нём отражались звёзды и луна. Правда, смотрелись они как на экране телевизора с плохой антенной. Хотя небо было ясным, ветер не утихал ни на секунду, и звёзды с луной всё время покачивало»²⁴².

 $^{^{232}}$ Симада, Масахико. Теория катастроф / пер. с яп. А. Мещерякова // Теория катастроф. Современная японская проза / пер. с яп. – М. : Иностранка, 2003.

²³³ Две предыдущие книги трилогии носят следующие названия: «Хозяин кометы» (яп. 『彗星の住人』, 2000) и «Счастливые души» (яп. 『美しい魂』, 2003). Эти два романа написаны в жанре семейно-бытовой хроники.

 $^{^{234}}$ Симада, Масахико. Любовь на Итурупе : роман / Масахико Симада ; пер. с яп. Е. Тарасовой. – М. : Иностранка, 2006. – С. 17.

²³⁵ Там же. − С. 19.

²³⁶ Там же. – С. 15.

 $^{^{237}}$ Симада, Масахико. Любовь на Итурупе: роман / Масахико Симада; пер. с яп. Е. Тарасовой. – М.: Иностранка, 2006. – С. 220.

²³⁸ Там же. – С. 15–16.

²³⁹ Там же. − С. 20.

 $^{^{240}}$ Чехов, А. П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. — Соч. : т. 14—15. 1890—1895. — М., 1987. — С. 59.

²⁴¹ Там же. – С. 71.

 $^{^{242}}$ Симада, Масахико. Любовь на Итурупе : роман / Масахико Симада ; пер. с яп. Е. Тарасовой. – М. : Иностранка, 2006. – С. 27.

Примечательно, что художественная интерпретация проклятия Итурупа у Симады отчасти подкрепляется собственными впечатлениями писателя о жизни на острове. В 1992 году Симада посетил Итуруп, а через одиннадцать лет после этого завершил трилогию «Канон, звучащий вечно» (общий замысел всей книги возник у автора в 1997 году, а первая часть вышла в свет только в 2000 году). Поэтому изображаемый в «Любви на Итурупе» остров с его природным колоритом, сильным характером самих курильчан – это не только плод художественного воображения, но и отражение авторского взгляда.

Воспоминания Симады об Итурупе выходят и за пределы третьей части трилогии «Канон, звучащий вечно». В интервью газете «Московский комсомолец» Симада так говорит об Итурупе: «Самый далекий от Москвы остров, где живут семьи военных и рыбаков, медведи и горбуша, не очень-то изменился с тех пор, как Чехов побывал на Сахалине. Я жил на квартире у местных жителей, до сих пор благодарен им...»²⁴³. Интересно, что и в интервью Вере Копыловой Симада своё представление об Итурупе соизмеряет с созданными Чеховым путевыми записками о Сахалине.

Тысячелетняя история Сахалина и Курильских островов

В художественное повествование романа «Любовь на Итурупе» включаются различного рода исторические и этнографические сведения как о Курильских островах, так и о Сахалине. Например, в тринадцатой главе романа рассказчик говорит о древних временах, о том, чем занимались прежде обычные люди – об охоте и собирательстве. Размышляет он о пересечениях островков суши и открытиях новых земель.

«Десять тысяч лет тому назад произошло всемирное потепление: таяли льды, моря наступали на сушу. Охотское и Японское моря, а также Тихий океан соединились друг с другом. Вдоль побережья Сахалина и Курильских островов образовались гавани и заливы. Путь, соединявший материк, Сахалин, Хоккайдо, Курильские острова, исчез, охотники стали селиться по берегам рек, морей и озёр»²⁴⁴. Голос рассказчика звучит как голос древнего сказителя, повествующего о быте древних народов – нивхов и айнов. Устремившись на север, айны «встретились с местными жителями – предками нынешних ительменов, коряков, эскимосов и алеутов»²⁴⁵. На Итурупе – острове древних преданий, мечтает встретиться Нода Каору со своей возлюбленной.

Но героев одновременно влечёт и далёкое прошлое Итурупа, и его недавняя история: в романе эпизодически говорится о послевоенном острове, об устройстве на нём новых людей. «На краю земли» живут чаще всего необычные люди: Нина и её семья, владелец бара Иван, глава администрации Андрей. И свою «вторую жизнь», удалённую от городской, решает начать на острове и Нода Каору. Каждый новый житель острова, а таковым себя считает и главный герой, поддерживает Итуруп, спасает его от опустошения и забвения, соединяя в себе (не только наяву, но в мечтах и снах) современность со временами «Кодзики» и иных древних сказаний.

Топонимика романа «Плывущая женщина, тонущий мужчина»

В романе «Любовь на Итурупе» в название вынесен топоним, при этом географическая картина книги оказывается шире одного острова. Симада как бы намеренно называет многочисленные топонимы Дальнего Востока и Сибири: океаны, моря, озёра и заливы (Тихий океан, Охотское и Японское моря, Байкал, залив Касатка), острова и полуострова (Хоккайдо, Хонсю, Сахалин, Кунашир,

Рис. 55. Книга Симады Масахико «Плывущая женщина, тонущий мужчина», 1996 г.

Уруп, Камчатка), страны и регионы (Япония, Китай, Маньчжурия, Сибирь), различные населённые пункты (Владивосток, Хабаровск, Корсаков, Курильск, Буревестник). Вместе с этим в единое повествование вплетаются и другие места мира – от столиц больших стран до малоизвестных провинций.

При этом и в изданных до «Любви на Итурупе» произведениях Симады обнаруживаются топонимы, имеющие отношение и к современной России (в частности, к Сахалинской области), и к отдельным странам Азиатско-Тихоокеанского региона (главным образом, Японии и Китаю). В метафизически сложном романе Симады «Плывущая женщина, тонущий мужчина» в политических дискуссиях главных героев неоднократно фигурируют образы России, Китая, Японии, Кореи и Тайваня. При этом «русская» тема этого романа становится ведущей.

Так, некоторые из героев этого произведения не только носят русские имена (в частности, Татьяна), но и понимают русскую речь. А в самом финале книги заложники казино проигрывают свою свободу в «русскую рулетку».

В безудержных фантазиях героев нередко возникают образы русских земель и городов (Сибирь, Даль-

ний Восток, Курильские острова, Владивосток, Южно-Сахалинск). Например, один из персонажей книги задумывает трёхнедельное путешествие по восточным водам Евразийского континента: «...после чего взять курс на Владивосток. Далее, обойдя Отару, обогнуть Сахалин, Итуруп, Кунашир, зайти в Нэмуро и возвратиться в порт Токио»²⁴⁶. Острова Сахалинской области называются и в иных эпизодах книги «Плывущая женщина, тонущий мужчина».

Во фрагменте этого романа Симады фигурирует упоминание о Южно-Сахалинске, который одновременно с другими географическими местами (мегаполисом или маленьким островом) может быть вовлечён в единое информационное пространство: «Подключившись к электронной информационной сети, охватывающей весь мир, оказываешься одновременно в Шанхае, в Южно-Сахалинске, на островке Уоцури или в Токио»²⁴⁷.

Отдельного внимания в творчестве Симады могут быть удостоены и реминисценции из русской литературы и истории. В романе «Плывущая женщина, тонущий мужчина» довольно часто возникают разные русизмы. Значительные части творчества Симады связаны с темой Сахалина и Курильских островов: от эпизодических упоминаний до развёрнутых описаний, нередко построенных на пересечениях с общим содержанием книги «Остров Сахалин» Чехова.

3.6. Сахалин в творчестве Тавады Ёко и Курокавы Со

Тавада Ёко и её творчество

Японская писательница Тавада Ёко (яп. 多和田葉子, род. 1960) родилась в Токио. После окончания школы Тавада поступила в университет Васэда для изучения русской филологии. Позже она продолжила своё образование в Германии, где защитила кандидатскую диссертацию в Цюрихском университете в 2000 году. Первой книгой писательницы, постоянно проживающей в Германии с 1982 года,

 $^{^{243}}$ Копылова, Вера. Шаман читает Булгакова / Вера Копылова // Московский комсомолец. — 12 октября. — 2006. — N 231. — С. 7.

²⁴⁴ Симада, Масахико. Любовь на Итурупе: роман / Масахико Симада; пер. с яп. Е. Тарасовой. – М.: Иностранка, 2006. – С. 95.

²⁴⁵ Там же. – С. 96.

 $^{^{246}}$ Симада, Масахико. Плывущая женщина, тонущий мужчина : роман / Масахико Симада ; пер. с яп. Д. Рагозина. — М., 2005. — С. 62.

Рис. 56. Книга Ёко Тавады «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов», 2002 г.

Рис. 57. Книга Тавады Ёко «Имя, обронённое в море», 2006 г.

стал двуязычный сборник стихотворений и прозы «Где бы ты ни был, везде пустота» (яп. 『あなたのいるところだけ何もない』, 1987).

С 2006 года Тавада живёт в Берлине и пишет книги на японском и немецком языках. Ивамото Кадзухиса подчёркивает, что писательница словно балансирует между двумя культурами. «Не хочу стать писателем, кто пишет и на одном языке, и на другом, – заявляет Тавада, – я хочу попасть в поэтическую долину между двух языков»²⁴⁸. При этом она сама предлагает писать на чужом языке, называя этот процесс «эксофонией».

Тавада также выступает как поэт, прозаик, драматург, часто сотрудничает с художниками и музыкантами. По её либретто австрийский композитор Петер Аблингер (род. 1959) написал оперу. Литературные заслуги Тавады высоко оценены на родине и за рубежом. Писательница является обладательницей целого ряда разных премий и наград: премии Акутагавы (1993), премии Адельберта фон Шамиссо за вклад иностранных авторов в немецкую культуру (1996), премии Танидзаки (2003), премии Ито Сэя (2003), Медали Гёте (2005), премии Мурасаки Сикибу (2011), премии Номы (2011), премии «Ёмиури» (2013) и др.

В России творчество Тавады представлено двумя произведениями: новеллой «Собачья невеста» (яп. 『犬婿入り』, 1993, рус. пер. 2001) в переводе Григория Чхартишвили (род. 1956) и повестью «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» (яп. 『容疑者の夜行列車』, 2002, рус. пер. 2009) в переводе Александра Мещерякова (род. 1951).

Главная героиня повести – молодая японская танцовщица, гастролирующая по Европе и Азии на поезде, попадает в разные приключения. В главе «Путешествие седьмое в ХАБАРОВСК!» героиня едет по Транссибирской магистрали из Иркутска в Хабаровск. До Сахалина она не добирается, но мечтает об острове: «Москва казалась невообразимо далёкой. Ещё три дня пути, и ты окажешься на восточной оконечности этого материка. А там – Сахалин, привольно распластавшийся в океане... В моём воображении он часто всплывал в виде окаменевшего листа»²⁴⁹.

Сахалин в рассказе «US + SR, баня Дальневосточной Европы»

В сентябре 2004 года Тавада побывала на Сахалине. Итогом этой поездки стал рассказ с названием «US + SR, баня Дальневосточной Европы» (яп. 『U.S.+

S.R. 極東欧のサウナ』, 2005), впервые опубликованный в десятом номере журнала «Синтё» (яп.『新潮』). Год спустя рассказ был опубликован в составе сборника под

²⁴⁹ Такада, Ёко. Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов / Ёко Такада ; пер. с яп. яз. Александра Мещерякова. – СПб., 2010. – С. 101.

названием «Имя, обронённое в море» (яп. 『海に落とした名前』, 2006). Главные события рассказа начинаются третьего октября 2004 года. Повествование ведётся от первого лица: от имени японки, отправляющейся на Сахалин: «Я не переехала из Вакканая в Корсаков. В Вакканае исчезла одна "я", а на Сахалине появилась ещё одна "я" – новая. Первая "я" соврала семье, которая живёт в Саппоро, что едет в Нью-Йорк на свадьбу к своей русской подруге Ольге. Вторая "я" приехала на Сахалин, где никого не знала» 250.

В сопровождении гида Алексея и водителя Володи героиня сначала добирается до своей гостиницы, расположенной на привокзальной площади Южно-Сахалинска, а на следующий день отправляется смотреть достопримечательности города: площадь, где стояли «пузатые танки», парк Гагарина, вершину сопки, где до войны находился синтоистский храм.

На страницах рассказа писательница постоянно «играет» со словами. Нередко она сама пытается понять или истолковать то или иное слово. Вот какую «собственную этимологию» даёт героиня рассказа слову «Карафуто»: «После Русскояпонской войны и до окончания Второй мировой войны японцы называли южную часть осваиваемого Сахалина Карафуто. "Кара" происходит от иероглифа "пустота", "футо" означает "невольно, бессознательно", так же как "подумать невольно". То есть невольно посмотришь – пустота»²⁵¹.

Интересно, как Тавада приводит различные сопоставительные пары: «Желудок VS Уши

Желудок (прошлое). На днях в Вакканае я ела кету. Моя подруга специально приготовила её для меня. По её словам, в детские годы она была репатриирована с Сахалина. От неё я получила три книги, а также лист. На нём рядком стояли названия кораблей, на которых осуществлялась репатриация.

Уши (настоящее). На пароме я прислушиваюсь к разговорам рядом сидящих женщин. Они говорят по-японски. (Однако), в соотношении один к трём простые японские слова в их речи заменяются русскими»²⁵².

В некоторых фрагментах рассказа Тавада списком предлагает варианты для того или иного суждения своего поведения в той или иной ситуации, толкования какого-нибудь понятия. Вот какие рассуждения возникают у героини, когда она поднимается на палубу и смотрит на море:

- «а. Море связывает остров с островом, Хоккайдо с Сахалином.
- b. Море является частью поверхности единого океана, который покрывает землю. Между Охотским и Японским морями нельзя провести линию границы.
 - с. У моря голубая кожа и белые завитки волос»²⁵³.

Неоднократно на страницах рассказа «US+SR, баня Дальневосточной Европы» фигурирует имя А. П. Чехова. При этом иногда встречаются самые неожиданные переходы от одного образа к другому. Так, заказанная в ресторане глазунья из трёх яиц приводит героиню к мысли о пьесе Чехова «Три сестры»: «Из раны на желтке вытекло содержимое. Возможно, если бы я не заказала яичницу и не проколола желток вилкой, оно стало бы цыплёнком. Не могу отрицать, что одного цыплёнка я убила специально. Ведь я собиралась съесть одну глазунью. Другие два пострадали вопреки моей воле – из-за меню, где сказано "Глазунья из трёх яиц". Я лишь просто клиентка, которая не вправе изменить меню. Три короля, Святая Троица, три кольца, три сестры. "Три сестры" впервые были поставлены в 1901 году в Москве. Антон Чехов отправился на Сахалин за одиннадцать лет до этого»²⁵⁴.

В другом фрагменте, затрагивая тему питания разных народов, героиня пола-

²⁴⁸ Цит. по: Ивамото, Кадзухиса. «Остров Сахалин» А. П. Чехова и современная японская литература // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия. Материалы международной на-учно-практической конференции 21–22 сентября 2010 года. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 172.

²⁵⁰ Тавада, Ёко. Уми-ни отосита намаэ (Имя, обронённое в море) / Ёко Тавада. – Токио, 2006. – С. 52. (Здесь и далее все переводы с японского языка сделаны А. С. Никоновой.)

²⁵¹ Там же. – С. 77.

²⁵² Там же. – С. 47.

²⁵³ Там же. – С. 52.

²⁵⁴ Там же. – С. 66.

гает, что «дух Чехова подтолкнул её к подражанию культурологу»²⁵⁵. Вспоминает она имя Чехова и во время поездки в село Пригородное, когда, остановившись у памятника по случаю высадки японской армии во время Русско-японской войны, слышит голос погибшего мальчика (а в действительности голос гида Алексея). По её словам, мальчика звали Антоном, он был убит японцами в 1904 году. В том же году, когда в Германии умер Чехов. Это неожиданное авторское сопоставление (фантазийное по своему характеру) говорит, вероятно, об особом месте в мировоззрении Тавады личности русского писателя.

Временами происходящие вокруг события напоминают героине о том или ином фрагменте из её собственной жизни. Наблюдая за тренировкой детей на спортивной площадке, она ненадолго возвращается в свои школьные годы и те уроки физкультуры, которые она по состоянию здоровья не могла посещать. Слушая на пароме, с каким прекрасным произношением японки говорят по-русски, она вспоминает, как сама учила русский язык в университете Васэда.

Через два месяца после поездки на Сахалин героиня оказывается в Нью-Йорке, где она идёт в русскую баню. Баня напоминает ей Сахалин: «Я была на Сахалине / Я на Сахалине. Всё, что можно рассказать в прошедшей форме, можно рассказать и в настоящей. Поэтому давайте эту проблему времени вытрем носовым платком и закончим на этом»²⁵⁶. В другом эпизоде героиня посещает бар с названием – «КГБ». Позади барной стойки она замечает маленькую бронзовую статую, которая напоминает ей памятник Ленина, увиденный ранее на площади в Корсакове.

До того, как прийти в «КГБ», она побывала в баре «Правда», где встречалась с постановщиком украинского происхождения. Ей казалось, что бар с названием «Правда» лучше подходил к тому проекту, с которым она хотела обратиться к постановщику. Героиня предлагала показать несколько чеховских пьес в Америке: «Чайку» – в Бостоне, «Вишнёвый сад» – в Вашингтоне, «Три сестры» – в Нью-Йорке. Однако этим планам не суждено сбыться. Постановщик не поддержал героиню и посоветовал ей обратить внимание не на Россию, а на Азию и Европу. После этого разговора героиня одна идёт в «КГБ», где вспоминает своё сахалинское путешествие.

В рассказе Тавады нет чёткого сюжета с принятыми завязкой, кульминацией и развязкой. Это, скорее, путевые заметки, сиюминутное описание событий, в которых героиня делится своими впечатлениями, рассуждениями и мыслями, посвящает читателей в отдельные эпизоды своей поездки по Сахалину.

Курокава Со и его книга «Лес Икара»

Одна из важных тем, сближающих творчество японского критика и писателя Курокавы Со (яп. 黒川創; настоящее имя – Китадзава Хисаси, яп. 北沢恒, род. 1961) с традициями русской литературы – тема малой родины. Уроженец Киото, сын критика и общественного деятеля Китадзавы Цунэхико (яп. 北沢恒彦, 1934–1999), Курокава окончил филологический факультет университета Досися. После учёбы по приглашению знакомого своего отца Цуруми Сюнсукэ (яп. 鶴見俊輔, 1922–2015), философа, критика и политического деятеля, писатель работал в редакционной комиссии издательства «Наука мысли» (яп. 『思想の科学』). Как автор художественных произведений Курокава дебютировал с произведением «Глаза Дзякутю» (яп. 『若冲の目』, 1999), созданным по мотивам творчества японского эксцентричного художника периода Эдо (1603–1867) Ито Дзякутю (яп. 伊藤若冲, 1716–1800).

Во время работы литературным критиком Курокава интересовался территориями, исторически связанными с Японией: Маньчжурией, Тайванем, Кореей и, конечно же, Сахалином. Он редактировал сборники сочинений японских писа-

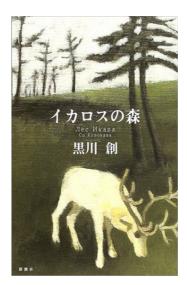

Рис. 58. Книга Курокавы Со «Лес Икара», 2002 г.

телей периода колониальной Японии и, в частности, систематизировал произведения, касающиеся «сахалинской» тематики.

В 2002 году был опубликован роман Курокавы под названием «Лес Икара» (яп. 『イカロスの森』, 2002). Основным местом действия книги становится север Сахалина. Главный герой романа – рассказчик-японец по имени Окамото Такаси. Когда ему было четырнадцать лет, он совершил путешествие на Хоккайдо и познакомился с девушкой, семья которой после войны переехала с Сахалина. Позже он слышал рассказы хозяина одной гостиницы, который когда-то был пленным и работал в сахалинском лагере. Эти события способствовали тому, что Окамото начал проявлять интерес к Сахалину и его истории. Из одной книги герой узнал о «чёрном море смерти» нефтяном озере, расположенном в районе Охи. Для того, чтобы увидеть это таинственное место своими глазами, он отправляется в путешествие на Сахалин. Одним из важных пунктов назначения становится город Оха, находящийся в восьмистах километрах от Южно-Сахалинска.

Спутники Окамото в Охе – это приехавшая из Хабаровска в командировку переводчица Нина и води-

тель Олег. Бабушка Нины была украинской аристократкой, но из-за революционных событий вынуждена была бежать на Дальний Восток. После войны семья Нины помогала пленным японцам.

Узнав о желании Окамото удостовериться в реальном существовании нефтяного озера, которое пока есть только в воображении главного героя, Нина спрашивает: «И что же будет, когда вы убедитесь? Что вы сможете понять, удостоверившись?»²⁵⁷. Нине кажется, что они с Окамото живут в совершенно разных мирах и что нет никакого смысла пытаться соотнести своё воображение с действительной картиной мира.

Олег родился и вырос в Санкт-Петербурге, а теперь поселился в маленькой Некрасовке, где проживают нивхи и русские. На Сахалине Олег первоначально занимался ловлей крабов, а позже стал работать водителем. Его переезд на остров вовсе не означает то, что он разлюбил свой родной город: «Санкт-Петербург тоже очень красив, – замечает Олег. – В любом месте есть своя красота» Нина и Олег постоянно сопровождают главного героя.

Сахалин в романе Курокавы выступает особым пространством, где живут разные люди со своими интересами и проблемами. Встреча с такими скромными и открытыми людьми, выживающими в условиях северной природы, становится ведущей темой романа «Лес Икара». Рассказчик в книге Курокавы не смотрит на окружающих как на чужих ему по менталитету, а старается понять их, слушая истории жизни. Он собирается перейти границу, разделяющую людей по национальным признакам. Как замечает Ивамото Кадзухиса, в контексте этой книги важна мысль Нины, однажды сказавшей главному герою, что «очень трудно понимать вещи, глядя на них по разные стороны от границы»²⁵⁹.

 $^{^{255}}$ Тавада, Ёко. Уми-ни отосита намаэ (Имя, обронённое в море) / Ёко Тавада. — Токио, 2006. — С. 68.

²⁵⁶ Там же. − С. 76.

²⁵⁷ Курокава, Со. Икару-но мори (Лес Икара). – Токио, 2002. – С. 121. (Здесь и далее по тексту перевод с японского языка сделан А. С. Никоновой.)

²⁵⁸ Там же. – С. 23–24.

²⁵⁹ Ивамото, Кадзухиса. «Остров Сахалин» А. П. Чехова и современная японская литература / Кадзухиса Ивамото // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия. Материалы международной научно-практической конференции 21–22 сентября 2010 года. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 175.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литературное краеведение Сахалина и Курильских островов складывается из литературы коренных народов региона, русской, японской, корейской, а также литературы на западноевропейских языках. В сравнении с русской литературой объём японской художественной словесности и публицистики невелик. Однако наряду с другими зарубежными литературами творчество японских поэтов и писателей составляет яркую, но при этом абсолютно не изученную, должным образом ещё не осмысленную часть. В общем содержании японской литературы XX–XXI веков о Сахалине и Курильских островах условно можно выделить два уровня – собственно национальный (представленный произведениями известных поэтов и писателей) и региональный (разновидность колониальной литературы южной части Сахалина в период 1905–1945 годов).

Предложенные в книге имена японских литераторов способствуют формированию максимально широкого и вместе с этим (в отдельных случаях) глубокого, детального представления о литературном краеведении Сахалина и Курильских островов, так как за основу трёхчастной композиции книги и её научного повествования взяты не только литературный опыт именитых японских поэтов и писателей (Миядзавы Кэндзи, Мисимы Юкио, Оэ Кэндзабуро, Мураками Харуки и других), но и творчество представителей региональной литературы (Самукавы Котаро, Огумы Хидэо и других).

Обзор произведений японской литературы показывает ключевые темы для поэтов и писателей XX-XXI веков через призму интереса к Сахалину и Курильским островам: внимание к России в целом и к оставшимся в южной части острова строениям, демонстрирующим образцы русской культуры; обращение к теме коренных народов региона (айнов, нивхов и уйльта); упоминания о Сахалинской каторге; описание богатств дальневосточной природы; восприятие островов, расположенных к северу от Хоккайдо, как заповедных, в чём-то таинственных, первозданных мест. Одновременно с этим японские поэты и писатели часто обращаются в своих произведениях к гражданскому и писательскому подвигу А. П. Чехова, совершившего в 1890 году поездку на Сахалин. Русско-японская война 1904–1905 годов, а также завершившаяся на Дальнем Востоке в 1945 году Вторая мировая война в меньшей степени представлены в творчестве японских писателей XX–XXI веков. Вместе с этим нередко японские поэты и писатели в произведениях, посвящённых Сахалину и Курильским островам, используют русские имена и фамилии, вводят имена конкретных исторических лиц. Дальнейшая судьба ряда произведений японской литературы нашла отражение в различных художественных фильмах, съёмки которых происходили как на Сахалине и Курильских островах, так и на севере Хоккайдо.

В книге предпринята первая попытка систематизации той части литературы, которая тематически связана с описанием Сахалина и Курильских островов. В научное пространство литературного краеведения вводится большое количество имён поэтов и писателей, неизвестных российским читателям, описывается содержание не переведённых на русский язык произведений. Одновременно с этим в монографии упомянуты яркие, привлекающие читательское внимание факты, события и хроники из жизни японских поэтов и писателей. При этом за пределами внимания авторов «Сахалина и Курильских островов в японской литературе XX–XXI веков» остались и другие имена. В частности, детально не описано наследие представителей «Поэтического общества Васэда» Ногути Удзё (яп. 野口 雨情, 1882–1945) и Мики Рофу (яп. 三木露風, настоящее имя – Мики Мисао, яп. 三 木操; 1889–1964), поэта и теоретика японского символизма, последователя литературы авангардизма Ивано Хомэя (яп. 岩野泡鳴, 1873–1920), поэтов и писателей Иваи Садзанами (яп. 巖谷小波, 1870–1933), Фукады Кюю (яп. 深田久弥, 1903–1971), Масамунэ Хакутё (яп. 正宗白鳥, 1879–1962), Хаяси Фусао (яп. 林房雄, 1903–1975), Кавахигаси Хэкигото (яп. 河東碧梧桐, настоящее имя – Кавахигаси Хэйгоро, яп. 河東秉五郎; 1873–1937), Фуюки Хё (яп. 冬木憑, настоящее имя – Хирано Тадаси, яп.

平野直; 1902–1986), Иси Итиро (яп. 石一郎, 1911–2012), Томисавы Уио (яп. 富沢有為男, 1902–1970), Оосики Таку (яп. 大鹿卓, 1898–1959) и других.

Предлагаемые в книге статьи не являются абсолютно исчерпывающими, им предстоит быть дополненными анализом других художественных и публицистических работ. Основными задачами авторов монографии стали введение в научное пространство произведений многих малоизвестных или забытых японских поэтов и писателей, расширение представлений о японской национальной литературе с включением в неё одного из образцов колониальной литературы, созданной на Сахалине периода 1905–1945 годов, а также описание фактов художественного внимания к Сахалину и Курильским островам в произведениях второй половины XX—начала XXI века.

Авторы исследования исходили из желания дать основные ориентиры, ведущие направления для создания целостной картины литературы изучаемого региона и одновременно продемонстрировать широту и многоплановость творчества японских поэтов и писателей, обращавшихся к теме Сахалина и Курильских островов либо создававших свои произведения на Сахалине периода 1905–1945 годов.

Авторы монографии искренне благодарят рецензентов – Т. И. Бреславец, Е. М. Дьяконову и Н. В. Потапову – за положительные отзывы и ценные рекомендации на завершающем этапе написания книги.

Также авторы выражают свою глубокую признательность за оказанную помощь в работе над исследованием иностранным коллегам: японским литературоведам Камии Тадатаке, Кудо Масахиро, Ивамото Кадзухисе, Ямасите Киёми и Косино Го; китайскому литературоведу Лю Мяовэню и корейскому русисту Джону Санбону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Высоков, М. С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении / М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 1994.
- 2. Долин, А. А. История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах : в 4 т. / А. А. Долин. – СПб., 2007.
 - 3. Долин, А. А. Новая японская поэзия / А. А. Долин. М., 1990.
- 4. Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент / Е. А. Иконникова. – Южно-Сахалинск, 2007.
- 5. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен и до начала XXI столетия // М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов [и др.] ; отв. ред. д. и. н. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2008.
 - 6. Ким, Рёхо. Русская классика и японская литература / Рёхо Ким. М., 1987.
- 7. Литература Сахалина и Курильских островов: учебное пособие / отв. ред.
- Е. А. Иконникова. Южно-Сахалинск, 2014.
- 8. Литература Сахалина и Курильских островов: учебное пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Южно-Сахалинск, 2015.
- 9. Памятники истории и культуры периода губернаторства Карафуто (1905-1945 гг.): путеводитель / Министерство культуры Сахалинской области; авт.-сост. И. А. Самарин; фот. И. А. Самарина. – Южно-Сахалинск, 2015.
- 10. Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати: сборник научных статей / под ред.: Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой, пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2013.
- 11. Японская коллекция в собрании литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» / сост.: И. А. Романенко, Д. П. Ушаков / под ред. А. А. Степаненко. – Южно-Сахалинск, 2015.
- 12. Joan E. Ericson. Be a Woman: Hayashi Fumiko and Modern Japanese Women's Literature. – Honolulu, Hawaii: University of Hawai'i Press, 1997.
- 13. Schierbeck, Sachiko Shibata; Edelstein, Marlene R. Japanese women novelists in the 20th century: 104 biographies, 1900–1993. – Museum Tusculanum Press, 1994.
- 14. Fessler, Susanna. Wandering Heart: The Work and Method of Hayashi Fumiko. – Albany, NY: State University of New York, 1998.
 - 15. 木原直彦. 樺太(サハリン)文学の旅(上,下). 札幌: 共同文化社, 1994. 2冊.

 - 16. 木原直彦. 千島文学の旅: 幕末から明治へ. 札幌: 共同文化社, 2001. 17. 木原直彦. 北海道文学史〈大正・昭和戦前編〉. 札幌: 北海道新聞社, 1976.
 - 18. 企画展. サハリンを読む 遙か[樺太]の記憶 . 札幌: 北海道立文学館, 2009
- 19. 世界の中の林芙美子[林芙美子生誕百十周年記念]. 東京, 日本大学芸術学部図書 館, 2013.
 - 20. 松岡義和. 宮沢賢治北紀行. 札幌: 北海道新聞社, 1996.
 - 21. 宮川達二. 海を越える翼ー詩人小熊秀雄論一. 東京:コールサック社, 2014.
 - 22. 藤原浩. 宮沢賢治とサハリンー「銀河鉄道」の彼方一. 東京: 東洋書店, 2009.
 - 23. 山下聖美. 宮沢賢治を読む. D文学研究会, 1998.
 - 24. 原暉之. 日露戦争とサハリン島. 札幌: 北海道大学出版会, 2011.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Arbor, Ann 40, 45 Chieko I. Mulhern 79 Edelstein, Marlene R. 116 Ericson, Joan E. 116 Fessler, Susanna 116

Schierbeck, Sachiko Shibata 79, 116

Yoshida, Sanroku 79 Аблингер, Петер 110 Абушик, М. 89

Абэ, Кобо (Абэ, Кимифуса) 27, 38

Акимова, А. С. 100 Акинума, Ёко 34

Акутагава, Рюноскэ 27, 51, 56, 73, 79, 110

Аллен, Марсель 27 Амитрано, Джорджо 102 Андерсен, Г. Х. 71 Андреев, Д. Л. 37 Арасава, Кацутаро 5 Арисима, Такэо 80 Бабкина, *Л. 83–84* Бакунин, М. А. 11 Бальмонт, К. Д. 15 Берлин, Я. В. 37 Богослов, Иоанн 20

Бреславец, Т. И. 2, 115 Брилёв, Р. 73 Бугаёва, Д. П. 32, 33 Вакита, Каити 46 Василевский, А. А. 116 Верещагин, В. В. 12 Винокуров, Д. П. 36 Вишневский, Н. В. 36, 95 Вышковская, Т. А. 77 Габриэль, Филип Дж. 102 Гаррис, Таунсенд 18 Гауптман, Герхарт 18

Гёте, Иоганн Вольфганг фон 18, 110

Гоголь, Н. В. 42 Головнин, В. М. 6, 14

Горький (Пешков, А. М.), Максим 11, 39

Грефе, Урсула 102 Гривнин, В. С. 96–98 Григорьев, М. П. 51 Гроховский, П. Л. 35 Гудман, Дэвид 40, 45 Гумилёв, Л. Н. 15 Гюго, Виктор 63

Дадзай, Осаму (Цусима, Сюдзи) 38

Дадзай, Тосио 53 Дахиниэн, Гэндану 71 Джойс, Джеймс 98 Джон, Санбон 115 Дзюб, И. П. 102

Долгополая, М. С. 23, 27, 30

Долин, А. А. 15, 22, 40, 45, 47, 48, 49, 81, 116

Дорошевич, В. M. *54*

Достоевский, Ф. М. 11, 58, 76, 80, 83, 99,

Дьёрдь, Далош 100

Дьяконова, Е. М. 2, 9, 11, 12, 115

Дюллен, Шарль 27

Дюма, Александр (сын) 60 Ёкомидзо, Сэйси 27

Ёкомицу, Риити 80 Ерофеева, Н. А. 69 Ёсано, Акико 12

Ёсано, Тэккан (Ёсано, Хироси) 12, 14, 15

Есенин, С. А. 42

Ёсида, Томоко (Кира, Томоко) 79–80

Ёсий, Исаму 15 Ёсимото, Юми 100, 101 Ёсиуэ, Сёрё 16

Ёсихито (Тайсё), император 64

Ёсия, Нобуко 59

Зелинска-Эллиот, Анна 102 Зудерман, Герман 18 Ибсен, Генрих 18 Ивано, Хомэй 114 Ивая, Садзанами 71

Ивая, Садзанами (Ивая, Суэо) 114 Ивамото, Кадзухиса 27, 30, 110, 113, 115

Идзомэ, Сиро 21

Идзуми, Кёка (Идзуми, Кётаро) 105 Иконникова, Е. А. 2, 6, 8, 23, 27, 30, 117,

122-123

Икэгами, Мисабуро 61 (Исидзука) 60, 61, 62, 64 Иноуэ, Ясуси 38

Иоффе, И. Л. 37 Иси, Итиро 115

Исикава, Дзюн (Исикава, Киёси) 38 Исикава, Такубоку (Исикава, Хадзимэ)

3, 5, 9–14

Итидзё, Такао 94–95 Ито, Дзякутю 112 Ито, Сэй 80, 110 Ищенко, М. И. 116 Кавабата, Ясунари 38 Кавахигаси, Хэкигодо (Кавахигаси, Хэйгоро) 114 Камия, Тадатака 6, 52, 115 Камэй, Кацуитиро 27

Кандзава, Тосико (Фурукава Тоси) 3,

67–71

Капоте, Трумэн 98 Кафка, Франц 98 Киги, Такатаро 27 Кидзима, Хадзимэ 45

Ким, Ле Чун (Ким, Рёхо) 38-39 Ким, Сан 74 Киндаити, Кёскэ 9, 10 Киносита, Мокутаро (Оота, Масао) 15 19, 86-93, 114 Киплинг, Редьярд 15 Кира, Дзинъити 79 Кисида, Кунио 27 Китадзава, Цунэхико 112 Китамура, Тококу 31 Китахара, Хакусю (Китахара, Рюкити) 3, 5, 28 14–17, 64 Кихара, Наохико (Кихара, Такэо) 5, 6, 51, 55, 56, 59, 66 Клейст, Генрих 18 60-64 Коваленин, Д. В. 9, 98, 99, 104 Кожевникова, И. П. 13 Кокубун, Сигэцугэ 55 Кондо, Ёсими 40 Копылова, В. А. 108 Кораблин, К. К. 53 Косино, Го 115 Костанов, А. И. 53, 62 78, 93 Кропоткин, П. А. (Бородин) 10, 11 Кубота, Мантаро 27 Кудо, Масахиро 74, 75, 115 Куманьков, А. Е. 69 зюн) 93 Куникида, Доппо (Куникида, Тэцуо) 10 Куприянов, В. Г. 39 Курокава, Со (Китадзава, Хисаси) 3, 112–113 *Л*аксман, А. Э. 14 *Л*ао Шэ (Шу, Цинчунь) *103*, *105 Л*атышев, В. М. *53*, *62* Ленин (Ульянов), В. И. 42 Лермонтов, М. Ю. 42 Леру, Гастон 27 *Л*и, Бон Сок 72 *Л*и, Сан Нак 71–74 *Л*обас, Н. С. 53 122, 123 Лу, Синь (Чжоу, Шужэнь) 38 Λ ю, Мяовэнь 115Макаров, С. О. 12, 13 Мамия, Риндзо 54, 76 Мамонов, А. Б. 40, 42–43 Мао, Цзэдун 82 Маркиян, Борышко 95 Маркова, В. Ĥ. 10, 12 Масамунэ, Хакутё 114 Масаока, Сики (Масаока, Цунэнори) 9 Мацуда, Дэндзюро 54 Мацуо, Басё 49 Ота, Масао 15 Мацуока, Ёсикадзу 21 Маяковский, В. В. 42 Мерказин, В. *Д. 53–54* Мещеряков, А. Н. 10, 110 Мидзуно, Наоки 74 Мидзутани, Дзюн 27

Мики, Рофу (Мики, Мисао) 114 Мики, Сэйдзиро 40, 41 Мисима, Юкио (Хираока, Кимитакэ) 3, Миядзава, Ити 21 Миядзава, Кэндзи 3, 5, 21-26, 114 Миядзава, Сэйдзиро 21 Миядзава, Тоси (Тосико) 22–23 Миякэ, Масару 5 Миямото, Юрико 19 Мицуль M. C. 55 Мията, Асатаро 34 Мияути, Канъя (Икэгами, Сиро) 3, 50, Мопассан, Ги де 38 Моравиа, Альберто 38 Мори, Ёсио 38 Морита, Хелен 102 Мураками, Рю (Мураками, Рюноскэ) 60 Мураками, Харуки 3, 98–105, 114 Мурасаки, Сикибу 110 Муцухито (Мэйдзи), император 6, 66, Нагаи, Кафу 38 Нагако, принцесса (Императрица Код-Наганава, Мицуо 13 Нагаока, Морито 75–76 Нагасака, Тосио 22 Накагава, Кодзюро 19, 46, 90 Накамура, Ёсикадзу 13 Накамура, Кэнносукэ 13 Накамура, Тиё (Узлгуш) 95 Нарусэ, Микио 38 Натан, Джон 89 Нацумэ, Сосэки 46 Никонова, А. С. 2, 8, 10, 16, 17, 20, 23, 24, 27, 30, 35, 36, 44, 45, 47, 48, 51, 56, 111, 113, Ним, Уэллс (Сноу, Хелен Фостер) 74 Ногути, Удзё 114 Нома, Сэйдзи 72, 82, 105, 110 Огума, Мацу 40 Огума, Хацу 40, 41 Огума, Хидэо 3, 5, 40–45, 114 Огури, Кохэй 76–77 Огури, Муситаро 27 Ока, Дзёдзи 21 Оно, Тодзабуро 34 Оосика, Таку 115 Оота, Тацуто 46 Оруэлл, Джордж 103, 105 Осима, Нагиса 86 Оэ, Кэндзабуро 3, 38, 94–98, 114 Павлишин, Г. Д. 68, 70 Пак, К. А. 39 Пак, Сын Ы 71

Пак, Хен Чжу 73, 75 Паунд, Эзра 15 Переславцев, В. В. 50 Петров, П. 38 Прем Чанд 38 (Шривастав, Дханпатрай, Премчанд) Потапова, Н. В. 115 Прокофьев, М. М. 50, 55 Пруст, Марсель 98 Путятин, Е. В. 14 Пушкин, А. С. 42 Рагозин, Д. Г. 109 Расторгуева, И. В. 27, 30 Рахим, Зей (Зея) 37 Ри, Кайсэй (И, Фе Сон; Ли, Фе (Хе) Сон; Ли Хёсон) 70-77 Рикорд, П. И. 6 Родионов, А. А. 35 Романенко, И. А. 116 Ронская, Г. Ф. 69 Роон, Т. П. 36 Рубин, Джей 102 Рябова, Е. А. 21, 25 Саваи, Кисабуро 34 Сайто, Такам 10 Сакимото, Цунэко 41 Самарин, И. А. 116 Самукава, Котаро (Сугавара, Норимицу) 3, 5, 6, 50–55, 114 Санги, В. М. 104 Саэки, Киёси 78 Сергий (Тихомиров С. А.), епископ 90-92 Симада, Масахико 3, 105–109 Симадзаки, Тосон (Симадзаки, Хару-Симаки, Кэнсаку (Асакура, Кикуо) 3, 30 - 33Синго, Накадзава 50 Сиобара, Хидэо 22 Сиокава, Тэцуо 22 Сиси, Бунроку (Ивата, Тоёо) 27 Смирнов, В. А. 37 Сноу, Эдгар 74 Соколов, В. В. 73 Сталин, И. В. 103 Стендаль, Фредерик (Бейль, Мари-Анри) 60 Степаненко, А. А. 6, 23, 27, 30 Стриндберг, Август 18 Сувестр, Пьер 27 Сугавара, Сигэдзо 50, 55 Сугавара, Суэ 50 Сугии, Гисабуро 26 Судзуки, Миэкити 15 Сулейменова, А. М. 35 Сыма, Цянь 82

Сэлинджер, Джером Дэвид 98

Тавада, Ёко 3, 109–112 Тайхо, Коки (Ная, Коки) 95 Такахама, Кёси 48 Такахаси, Синкити 34 Такэда, Тайдзюн 3, 82–86 Тамура, Цутому 88 Танидзаки, Дзюнъитиро 38, 110 Тарасова, Е. С. 106–108 Тахара, Юко 104 Токутоми, Рока 63 Толстой, Л. Н. 11, 39, 63, 103 Томисава, Уио 115 Томич, Наташа 102 Торияма, Тосико 22 Тургенев, И. С. 11, 12, 58 Тэдзука, Рокубин 34 Тян, Суль И 72 Утида, Тому 21 Ушаков, Д. П. 116 Федорчук, С. П. 63, 92 Фельдаман, С. 62 Фетисов, А. В. 54, 55 Фудзивара, Сюндзи 22 Фудзивара, Хироси 114 Фукада, Кюя 114 Фунабаси, Юмико 57 Фуюки, Хё 114 Хагивара, Сакутаро 21 Хара, Тэруюки 116 Хасэгава, Кайтаро 27 Хасэгава, Сигурэ 34 Хасэгава, Сиро 27 Хаяси, Кику 34 Хаяси, Фумико 3, 5, 6, 23, 34–39, 56 Хаяси, Фусао 114 Хемингуэй, Эрнест 38, 98 Хикита, Норико 104 Хино, Содзё 48 Хирабаяси, Тайко 34, 60 Хирано, Банри 15 Хираока, Нацуко 88 Хираока, Садатаро 88, 90–92 Хирохито (Сёва), император 93 Хироцу, Кадзуо 56 Хисао, Дзюран (Масао, Абэ) 3, 26, 27–30 Хлебников, Велимир (Хлебников, В. В.) *15* Хмельницкий, А. 37 Хондзё, Муцуо 78 Цзисинь, Гуань 35 Цубои, Сигэдзи 34 Цудзуки, Кёити 100–101 Цунабути, Канэкити 65 Цунабути, Кэндзё 3, 64–67 Цупенкова, И. А. 62 Цуруми, Сюнсукэ 112 **Ч**аковский, А. Б. 38, 76 Чехов, А. П. 7, 38, 52, 53, 58, 62, 76, 100-

Мидзухара, Сюоси 48

105, 107, 108, 109, 111, 112
Чхартишвили, Г. Ш.(Борис Акунин) 87, 89, 110
Шамиссо, Адельберт фон 110
Шиллер, Фридрих 18
Шницлер, Артур 18
Шоу, Гленн 20
Эдогава, Рампо (Хираи, Таро) 27, 38
Эренбург, И. 37
Юдзурихара, Масако (Фунабаси, Киёно; Васидзу, Юки) 3, 56–60
Юмэно, Кюсаку 27
Ябу, Хироси 75–76

Яги, Ёсинори 80–81 Ямагути, Минэко 46 Ямагути, Синсукэ 46 Ямагути, Сэйси (Ямагути, Тикахико) 3, 19, 45–50 Ямамото, Ротэки 19 Ямамото, Юдзо 3, 18, 58 Ямасита, Киёми 23, 37, 115 Ямаути, Ф. 69 Янковский, О. А. 62–63 Японский, Николай (Касаткин, Д. И.), святитель 12, 13, 14, 92 Ясуй, Рёхэй (Ясуи) 13

120

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ260

Японское назание	Русское название
Арайдото	Атласова, остров
Дзиндзя-дори	Коммунистический проспект г. Южно-Сахалинска, улица
Каваками	Синегорск, село
Кайхёто	Тюлений, остров
Кита-Тоёхара	Южно-Сахалинск–Грузовой, станция
Кита-Сирэтоко	Терпение, мыс
Конума	Новоалександровск, планировочный район г. Южно-Сахалинска
Кусано	Луговое, планировочный район г. Южно-Сахалинск
Маока	Холмск, город
Ниитой	Новое, село
Нода	Чехов, город
Оодомари	Корсаков, город
Одори	Ленина г. Южно-Сахалинска, улица
Рандомари	Яблочное, село
Сакаэхама	Стародубское, село
Сираура	Взморье, село
Сирутори	Макаров, город
Сисука	Поронайск, город
Toëxapa	Южно-Сахалинск, город
Томариору	Томари, город
Тофуцу	Красноярское, село
Фукакуса	Углезаводск, село
Фурукамаппу	Южно-Курильск, город
Хонто	Невельск, город

121

²⁶⁰ Указатель составлен в соотвествии с теми топонимами, которые используются в общем содержании книги. В указатель включены только топонимы современной Сахалинской области.

소개

The book by Elena A. Ikonnikova and Aleksandra S. Nikonova "Sakhalin and the Kuril Islands in the Japanese literature of 20th-21st centuries" presents the literary and the literary-publicistic heritage of more than twenty Japanese writers and poets. The book contains the reviews of different epic, lyric and dramatic works, the description of some episodes from the biographies of the Japanese writers and poets, who have turned to the theme of Sakhalin and the Kuril Islands in their works. In the overall structure of the national literature of Japan the literature created on Sakhalin and about Sakhalin in the period between the Russian-Japanese War and the Second World War is viewed particularly.

The key themes of the Japanese literature about Sakhalin and the Kuril Islands are as follows: increased attention to Russia on the whole and to Sakhalin and the Kuril Islands in particular; interest to the theme of indigenous people of the region (the Ainu, Nivkhs and Uilta); mentions of Sakhalin penal servitude; the description of the beauty and richness of the Far East nature; the perception of the islands, located to the north of Hokkaido, as protected, mysterious and primeval places.

In their works Japanese poets and writers often turn to the civil and the writer's feat of Chekhov, who came to Sakhalin in 1890. The Russian-Japanese War of 1904–1905 and the Second World War, which was over in the Far East have been less represented in the works of Japanese writers and poets of 20–21th centuries. Using the theme of Sakhalin and the Kuril Islands the facts from not only Russian culture, but also from the cultures of the Asian and Pacific region countries, mainly China and Korea, have been included in the space of Japanese literature.

The book might be of interest for local historians, philologists, students, postgraduates and all those interested in literary issues.

内容紹介

エレーナ A. イコンニコヴァとアレクサンドラ S. ニコノヴァによる本書『20-21世紀日本文学の中のサハリンとクリル諸島 』には、20名余の日本の作家および詩人の文芸作品の遺産が広く紹介されている。本書では、叙事的、抒情的、戯曲的な多様な作品が概観され、作品の中で20-21世紀のサハリンとクリル諸島のテーマに着目した日本作家および詩人たちの伝記上のエピソードなども記述される。日露戦争から第二次世界大戦までの時代にサハリンで創作され、サハリンについて書かれた文学作品が、日本文学の全体の構造の中で、特別に考察されている。

サハリンとクリル諸島について書かれている日本文学のキイ・テーマは次のようなものである。全体としてのロシア、特にサハリンとクリル諸島に対する強い注目。地域の先住民(アイヌ、ニヴフ、ウィルタ)のテーマへの関心。サハリンの徒刑への言及。極東の自然の美しさと豊かさの記述。北海道の北に位置して、保護された神秘的な原生の地としての島々について理解。

日本の詩人や作家たちはその作品の中で、1890年にサハリンへやって来たアントン・チェーホフの、市民として、また作家としての偉業についてしばしば触れている。1904-1905年の日露戦争、そして極東で終わった第二次世界大戦についても、最低限は20-21世紀の日本の作家、詩人たちの作品の中で表現されている。サハリンとクリル諸島のテーマを介して、日本文学の空間に、単にロシア文化からだけでなく、アジア太平洋地域諸国、主として中国と韓国の文化からの現実が含まれることになったのである。

本書は、郷土史家、文学研究者、大学院生、大学生をも含む広い分野の読者にとって興味深いものとなろう。

일례나 이코니코바 와 알렉산드라 니카노바의 책《20-21세기 일본문학속의 사 할리과 쿠릭 섬》은 20명이상의 일본소설가와 시인들의 예술적이고 예술정론적 상세하게 소개하고 있다. 책 속에는 서사적이고 서정적이며 극적 인 작품들과 일본소설과들과 작가들의 생에 개별적인 사건들의 해석과 순환되고 있는 20-21세기 사할린과 쿠릴 섬에 대한 주제를 자신들의 작품 속에서 소개한 다. 일반적인 구성에는 일본전통문학과 별개로 구분되는 문학들과 러•일 전쟁과 제2차 세계대전 사이의 시기에 사할린에서와 사할린에 대한 작품으로 구성된다. 중요하 주제인 사할린과 쿠릴 섬에 대한 일본문학은 다음과 같이 성립된다: 전반적으로 사할린과 쿠릴 섬에 대한 것과, 특히 지역토착원주민(아이누 대한 주제: 족.니브흐족.울따족)에 사할린에서의 징역살이와 자원에 대한 기록에 대한 언급, 훗카이도섬으로부터 북쪽으로 위치 하는 섬들의 지각, 마치 금지되고 신비한 원시적인 장소들처럼말이다. 일본소설가들과 시인들은 종종 자신들의 작품 속의 시민들과 안톤 체홉의 1890 년 완료된 사할린으로의 여행인 작가적 위업을 취급한다. 1904-05년 일어난 러• 일 전쟁, 또한 1945년 극동지역에서 끝난 제2차 세계대전은 20-21세기 일본작가 들의 작품속에 작은범위로 표현되어있다. 사할린과 쿠릴 섬 이라는 주제를 통해 누구라 할것없이 일본문학에 속해있는 러시아 문학뿐만 아니라 중국과 한국, 다 른 아시아 태평양 지역의 다른나라들까지도 관련되고 있는 사실들을 포함한다. 이 책은 지역역사, 언어학 교수, 대학원생과 대학생들을 포함한 모든 독자들에게 추천합니다.

书评

在伊莲娜·伊孔尼科娃与亚历山大·尼科诺娃新著《二十至二十一世纪日本文学中的萨哈林及千岛群岛》中列举和介绍了20多位日本作家和诗人的文学与文艺政论作品。其书中对这些叙事、抒情与戏剧作品做了短评,并给这些创作主题中关注萨哈林和千岛群岛文学的二十至二十一世纪日本作家和诗人们分别附上了生平简介。本书从日本民族文学的整体上单独抽取研究了日俄战争及二战时期创作于萨哈林岛和关于萨哈林岛的文学作品。

日本文学中涉及萨哈林及千岛群岛时的主要主题如下:提高对萨哈林及千岛群岛和俄罗斯整体的关注度,其中包括,对地方土著民族(阿依诺、尼夫赫、乌伊力特)主题的关注;提及萨哈林的苦役;描绘了远东自然资源的富饶;把坐落于北海道北边的群岛,看成一种禁忌的、神秘的、原始的地方。

日本作家及诗人经常在自己的作品中描绘契诃夫1890年的萨哈林岛之行这一 壮举。1904-1905年的日俄战争,以及1945年结束于远东的第二次世界大战,都 或多或少反映在了二十至二十一世纪日本作家们的作品中。通过萨哈林及千岛 群岛这一主题,使得在日本文学图景中不仅出现了俄罗斯文化的元素,还有亚 太地区其他国家的元素、尤其是中国与韩国。

本书受众广泛、方志学家、语文学科教授、研究生及大学生都可一读。

ИКОННИКОВА Елена Александровна, **НИКОНОВА** Александра Сергеевна

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Монография

Корректор В. А. Яковлева.

Верстка О. А. Надточий.

Подписано в печать 29.12.2016. Бумага «Mondi». Гарнитура «Palatino Linotype». Формат 70х108¹/₁₆. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–300 экз.). Объем 7,75 п. л. Заказ № 795-16.

Сахалинский государственный университет. 693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32. Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17. E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru